

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ЭОН

**Альманах старой и новой культуры
Вып. XIV**

EON

Literary miscellany of old and new culture. XIV

ПРАВО НА КРОВ И ПОЧВУ

RIGHT TO BLOOD AND SOIL

**МОСКВА
2019**

Серия
«Теория и история культуры»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел культурологии

Редакционная коллегия альманаха «Эон»:

Ю.С. Пивоваров – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, руководитель Центра, *О.В. Кулешова* – канд. филол. наук, зав. Отделом культурологии, *Р.А. Гальцева* – старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Ответственный редактор-составитель – *Р.А. Гальцева*
Отв. за выпуск – *Т.Н. Гончарова*

Э 69 **Эон: Альманах старой и новой культуры:** Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Отв. ред.-сост. Гальцева Р.А. – М., 2019. – **Вып. XIV: Право на кров и почву.** – 180 с. – (Сер.: Теория и история культуры).
ISBN 978-5-248-00901-5

Альманах посвящен одной из самых злободневных тем: острым социально-культурным коллизиям в эпоху активизации миграционных процессов. Авторы статей – отечественные и зарубежные культурологи и политологи (В. Ошеров, Е. Холмогоров, Ю. Каграманов, П.Дж. Бьюкенен) и писатели-публицисты (Л. Графова, Р. Сенчин, В. Зубарева и др.).

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам и широкому кругу научной общественности.

ББК 71

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько вводных слов. (От редактора)	4
--	---

РАЗДЕЛ I. ЕВРОПА

<i>Каграманов Юрий</i> . Два пути от Рокамадура	9
<i>Николаева Олеся</i> . Изгнание	23

РАЗДЕЛ II. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

<i>Ошеров Владимир</i> . Царство, разделившееся в самом себе	27
--	----

РАЗДЕЛ III. УКРАИНА, ОДЕССА

<i>Плисюк Игорь</i> . Одесса: Богатая дочь Российской империи и бесприданница Украины	46
<i>Свиридова Дарья</i> . Они погибли за мечту	53
<i>Зубарева Вера</i> . Самсон и Соломон	58

РАЗДЕЛ IV. РОССИЯ

<i>Сенчин Роман</i> . Аборигены без родины	68
Редакционное дополнение	86
О положении трудовых мигрантов в Российской Федерации По страницам книги Л. Графовой «В защиту “понаехавших”»	88
Право на историческую истину Из книги Егора Холмогорова «Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики»	140
Приложение <i>Холмогоров Егор</i> . Предчувствие орды	160

НЕСКОЛЬКО ВВОДНЫХ СЛОВ (От редактора)

Нет сегодня более трагического и глобального вопроса, чем миграция. Казалось бы не впервые: Земля издавна знала перемещения по ее поверхности огромных человеческих масс.

При этом причины и формы подобного явления разнообразны: мирное заселение свободных земель; насильственные переселения, изгнание народов с «насиженных мест», высылка их на необитаемые территории по политико-идеологическим, экономическим и культурным причинам. Так, при советском режиме Россия испытала *жесточайшие* депортации целых народов, по сути, на гибель и по классовому признаку (Красный террор, продразверстка, раскулачивание, коллективизация), и по национальному: ссылка в военные годы целых этносов за Урал, в Сибирь, в Казахстан. В основе и того, и другого глобальная политическая цель – торжество коммунизма, требующего поголовного очищения страны от всех ненадежных и чуждых элементов.

Сегодня гигантские людские потоки наводняют Старый Свет. Что же их гонит с Юго-Востока и Африки в сторону Северо-Западную? «Судьбы ли решение? Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?» И что же это за массы?

Да, одна причина этого – «судьбы решение», безысходное положение народов таких стран, как Сирия и Ирак, оказавшихся под бомбежками и пулями, включая непрерывные этнические столкновения, стихийные катастрофы, опустошение пригодных земель в результате экономической геополитики и т.д. Миллионы чужестранцев на переполненных суденушках по морю, наземным транспортом, пешком пробираются в Европу. Будучи либерально-христианской ойкуменой, она не может не откликнуться на катастрофическое положение снявшихся с мест, потерпевших жизненное крушение бездомных людей и целых наций.

Название настоящего альманаха – каламбур, однако имеющий серьезное и принципиальное значение. Если «кровь и почва» – расистский слоган, восходящий к истории германского Третьего рейха, то «кровь и почва» – либерально-консервативное указание на основное условие провозглашаемого ныне, вслед за А.И. Солженицыным, «сбережения народа».

Однако наряду с бескорыстными мотивами приема беженцев, примешиваются и другие: в среде олигархической элиты и крупных предпринимателей господствует корыстный интерес – нажива на дешевой рабочей силе. И здесь интересы «капитанов промышленности» и государственной политики расходятся между собой. В РФ положение несколько иное: на бесконтрольном привлечении гастарбайтеров, лиц физического, обслуживающего труда, наживаются коррумпированные чиновники (к слову, образованные не спешат сюда, предпочитая страны Запада).

Между тем через гостеприимно распахнутые ворота Европы в нее, под видом спасающихся из зон войны, втекают потоки иммигрантов, ищущих лучшей, более легкой жизни, комфорта, – иммигрантов, скажем, экономических. Их манит, не без «тайной зависти», по слову поэта, разница в уровне жизни стран «золотого миллиарда» – предмета их вожделения и одновременно обличения – в сравнении с собственными странами.

Страшнее, что через «открытые ворота» под маской беженцев покатили, поплыли, полетели, со «злостью открытою», прямые враги европейской цивилизации, религиозные радикалы и криминальные, подрывные, террористические элементы, ненавидящие Запад.

Таким образом, он со своей благотворительностью попадает в опаснейшую ловушку, которую стал осознавать с поразительным опозданием. Хотя с самого начала, вроде бы, нетрудно было понять, что такая «широта души» в отношении вторгающихся без разбора несметных полчищ иноземных новоселов не обернется добром; гуманизм к одним, дальним, пришельцам, окажется антигуманным к ближним, соотечественникам.

Это беспечное радушие взорвало жизнь в принимающих странах. Помимо колоссального государственного бремени, которое ложится на принимающую сторону, аборигены оказались и в тесноте, и в обиде. То, что им приходилось зарабатывать своим трудом, прибывшие, едва вступив на европейский берег, тут же получали в качестве бонусов – крупные пособия, крышу над головой, детские учреждения. Так было, в общем, до последнего времени.

По поводу того, что нельзя было не предвидеть заранее — дезорганизации жизни коренного населения, европейские правительства спохватываются постфактум, когда жизнь и ее порядок в их странах уже оказались под явной угрозой и при этом фактически обезоруженные тем, что города успели заполниться требовательными и незаконными элементами, явившимися из ареалов со своими бытовыми, общественными и культурно-религиозными традициями и уже вообразившими себя хозяевами на приютившей их чужбине. Европейское население больше не ощущает себя на своей родине, оно оказывается в чужой культурной среде при полной потере чувства безопасности. Разве не лишается она *права на кров и почву*?

Что же это за тайна лежит в основе легкомысленной близорукости правительств, вершителей народных судеб, заставляющая вести губительный политический и моральный курс в своей стране? Что за секрет такой?

А секрет этот таится в плохо осознанном, но почти непроборимом феномене, который называется — идеология. Она захватывает человеческое сознание в плен и диктует свои условия: и пусть погибнет мир, но восторжествует логика ее идеи! Сегодня — это идея политкорректности, плюрализма, толерантности, провалившейся мультикультурности, короче — псевдолиберализма. Отступить от нее, значит погубить себя в глазах держателей передовых общественных мнений. Вот и Ангела Меркель, инициатор и активист толерантной миграционной политики, всячески цепляется за верность ей, в то время, как в ее стране разгораются очаги гражданской войны, ибо сами немцы в Германии оказываются уже этническим меньшинством. А Францию, заселенную турецкими мигрантами, называют «городом без большинства»; где развивается «антибелый расизм», расклеиваются лозунги «Смерть белым!». Пора вспомнить о пророческом романе Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы». Подобное происходит и в других странах европейского континента, где образовались целые, неподконтрольные анклав. Однако отступить от «гостеприимного» курса ЕС в целом не готов вопреки возмущению аборигенов и отказе ряда правительств, претворять этот курс в жизнь.

Так, с самого начала вызов безотказному курсу европейского истеблишмента бросил возмутитель спокойствия, американский президент Д. Трамп, приняв против прибытия иностранцев в его страну самые решительные меры, начав с возведения стены с Мексикой. Он наложил запрет не только на присутствие неле-

гальных, но и легальных иммигрантов. Между тем впечатление таково, будто в Штаты собралась вся Южная Америка. Силовое вторжение, так называемого, «каравана из Гондураса» сметает все на своем пути преодоления границы, с которым не всегда способны справиться ни полицейские, ни военные кордоны. Д. Трамп задумал дело неслыханное – отменить право на американское гражданство всякому рождающемуся на территории страны чужеземному ребенку, чем расчетливо пользуются иностранки на сносях, приезжающие сюда с подобным расчетом. Но мало того, вместе с этим дается право на гражданство родственникам. Все это алогично называется «правом почвы», по сути являясь «правом на чужую почву».

В Европе множится количество руководящих «отказников». Среди них прежде всего – премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, которого за сопротивление общему курсу Евросоюза, и конкретно – за внесение в конституцию поправок, предусматривающих запрет на «заселение (страны) иностранными народностями», пытаются лишить права голоса в Европарламенте. Среди поправок В. Орбан особо подчеркивает обязанность государственных органов «защищать христианскую культуру».

Министр иностранных дел той же Германии Хайко Маас горячо призывает ЕС восстановить международный порядок и остановить иммиграцию. Над вице-премьером и главой МВД Италии, а также лидером «Лиги Севера» Маттео Сальвини, запретившего «разгрузку» в сицилийском порту корабля с беженцами, нависло (несмотря на депутатскую неприкосновенность) прокурорское расследование, обвинившего Сальвини «в незаконном ограничении свободы лиц», находящихся на земле (но земля-то в данном случае чужая!).

И другие руководители стран Западной Европы и славянских государств Восточной Европы, отказываются выполнять квоты по приему мигрантов и, напротив, взяли курс на возвращение приезжих обратно. Несмотря на все это, Европейский союз подминает всех их под себя.

Вот она, противоречащая здравому смыслу *сила* неолиберальной идеологии!

Еще одна чрезвычайно влиятельная грань этой идеологии, действующая, по-видимому, в обратном, а на деле – все в том же направлении: это – агрессивный глобализм, насаждаемый всесильными элитами Соединенных Штатов, их нынешним «внутренним государством» (deep state). Политика целенаправленного упразд-

нения традиционной национально-культурной идентичности народов и этносов якобы во имя единообразного демократического прогресса лишает целые мировые образования прежней «почвы», стирая их с карты в качестве самостоятельных единиц, и – как следствие – оставляет их обитателей и без «кровя», ибо приводит к хаотизации жизни, к войне всех против всех и, в итоге, – к тому же массовому беженству.

Наконец, к очерчиваемой теме драматических народных перемещений, несомненно, относится рост наступательного этнического радикализма на территории бывшего СССР (Прибалтика, Средняя Азия), а также отдельных автономных образований РФ: выдавливание не мытьем, так катаньем – откровенной силой, юридической или подспудной травлей – русского и принадлежащего к русской культуре населения. Обратнo-симметричный этому процесс – неприятие и отторжение «понаехавших», в том числе и этнических русских, выдача гражданства которым благодаря административным порядкам в РФ длится, бывает, годами, оставляя их без своей почвы.

Наконец, к современным факторам размывания «почвенной» идентичности стран и народов нельзя не отнести ущемление *права на собственную историю* путем бездумных или намеренных искажений исторической истины, проникающих в сферы научной и культурно-художественной деятельности. На примере таких тенденций в жизни современных России и Украины это проявляется для нас особенно наглядно...

Очевидно, мы стали свидетелями начала новой эпохи – времен войн цивилизаций: классовой (богатые – бедные), расовой (Европа – Азия) и религиозной (христианство – ислам).

При этом надо иметь в виду, что, хотя большинство «переселенцев» – мусульмане, но ими движет не столько собственно религиозный импульс, сколько пассионарный подъем народонаселения Азии и Африки, устремившегося завоевывать Старый Свет.

И нынешняя «старосветская» идеология это им позволяет.

Р.Г.

РАЗДЕЛ I. ЕВРОПА

Юрий Каграманов* ДВА ПУТИ ОТ РОКАМАДУРА¹

Европа между крестом и полумесяцем

Худо, худо, ах, французы!
В Ронсевале² было вам.
Н.М. Карамзин

Европе грозит исламизация, чтобы убедиться в этом достаточно взглянуть окрест себя. По крайней мере несколько лет алармисты об этом говорят и пишут. Из числа последних назову такие получившие широкий резонанс книги, как «Великое замещение» Рено Камю и «Германия самоликвидируется» Тило Саррацина. Прошлой осенью появилась еще одна книга в том же роде – «Французское самоубийство» Эрика Земмура, многолетнего

* *Каграманов Юрий Михайлович*, известный культуролог и историк-американист, автор многочисленных статей, посвященных видным представителям общественной мысли Запада: Р. Гвардини, М. Мэггереду, И. Кристолю и др. Ю.М. Каграманову посвящены два выпуска альманаха «Эон» (ИНИОН РАН, вып. VI, 1999 и XI, 2014). Одна из центральных тем предлагаемой статьи – анализ нашумевшего французского романа М. Уэльбека «Soumission» (Houllibecq M. Soumission. – Paris: Flammarion, 2015; рус. пер. «Покорность», 2015; в дальнейшем при цитировании указываются страницы французского оригинала). Нельзя не заметить, что тема этого романа – прогнозируемая исламизация Франции – была ранее реализована в романе (Елена Чудинова «Мечеть Парижской Богоматери». – М., 2005); см. рец. Роднянской И.Б. // Новый мир. – 2006. – № 5. – С. 194–195. Нет оснований предполагать, что Уэльбек был знаком с этим русским сочинением. Идея носится в воздухе.

¹ *Каграманов Ю.М.* Два пути от Рокамадура // Новый мир. – М., 2015. – № 7, июль.

² Ронсеваль – ущелье в Пиренеях, где в 778 г. отряд франков под началом Роланда был истреблен в ходе внезапного нападения мавров с их союзниками. Этот сюжет стал центральным в знаменитой «Песне о Роланде».

сотрудника умеренно-консервативной газеты «Le Figaro». Земмур пишет, что не внешние силы преобразуют Францию, что французы сами роют себе могилу, чем и пользуются внешние силы. И эта ситуация не специфически французская, но общеевропейская; хотя Франция, скорее всего, представится первой.

Решающим толчком, после которого Франция ускоренно покатилась по наклонной, пишет Земмур, явился май 68-го – культурная революция. Именно она, продолжает Земмур, – действительная причина ухода в следующем году де Голля, последнего великого француза. Впрочем, де Голль всего лишь обломок прежнего величия, которое создавали «сорок королей». Земмур не против республиканской традиции, но лишь в том случае, если она основывается на христианстве. Народ, лишенный мужественности (слово, ставшее немодным), витальности, не устоит перед напором извне. «Христианство создало Францию. Если вы прогоните христианство, – отвечает Земмур своим оппонентам в Фейсбуке, – вы получите ислам»¹.

Ничего особенно нового Земмур в своей книге не сказал. Ново то, что подобные речи стали находить самую широкую аудиторию. К концу прошлого года «Французское самоубийство», неожиданно для самого автора, вышло в лидеры продаж. Свидетельство, что французы начинают думать всерьез над затронутыми в книге вопросами. И ведь, наверное, не зря говорят: когда о чем-то много думаешь, это очень даже может случиться.

Но в начале 2015 г. вышла в свет новая книга Мишеля Уэльбека «Покорность»², по величине тиража далеко опередившая все остальные. Уже к концу февраля был отпечатан один миллион экземпляров. Считают, что к концу года, когда книга будет переведена на другие языки, общий ее тираж составит несколько миллионов.

Успех романа имеет сильный привкус скандала. Говорят даже, что общество разделилось наподобие того, как это произошло в «битве вокруг “Эрнани”»³; только тогда битва развернулась на почве литературно-политической, а сейчас – на почве религии с

¹ Страница Эрика Земмура. – Режим доступа: <https://fr.facebook.com/Zemmour.Eric/posts/1015294029>. От ред.: см. также новейшее выступление Э. Земмура на ту же тему: (Э. Земмур Французская судьба (Destine francais). – P.: Albin Michel, 2018), где он заявляет: «Я боюсь исчезновения Франции».

² Houellebecq M. Soumission. – Paris: Flammarion, 2015.

³ Постановка пьесы В. Гюго в канун Июльской революции 1830 г. сопровождалась столкновением либералов и романтиков, с одной стороны, и сторонников монархии и классицизма – с другой.

уклоном в политику. И до рукоприкладства, как тогда, дело пока не дошло. Суть романа в том, что в лице первого писателя Франции (каковым обычно считают Уэльбека) Европа впервые сама потянулась к исламу. На что намекает уже название романа: «ислам» в переводе с арабского как раз и означает «покорность».

Могут возразить, что еще много десятилетий назад движение в этом направлении инициировали Рене Генон и некоторые фигуры помельче. Но Генон, хотя он формально перешел в ислам, был приверженцем сконструированной им самой некой Примордиальной Традиции, а потому вряд ли может считаться правоверным мусульманином. Это во-первых, а во-вторых и в главных, Генон адресовался к крайне узкому кругу читателей. Фигуры помельче можно вообще обойти вниманием.

По жанру «Покорность» – интеллектуальный роман. «Печка», от которой «танцует» автор, – личность и творчество полузабытого ныне Жориса-Карла Гюисманса (1848–1907), чей роман «Наоборот» в свое время был признан манифестом европейского декаданса. Роман Уэльбека от начала и до конца «прошит» отсылками к Гюисмансу, ставшему для него кем-то вроде Вергилия в его прогулках по некоторым «кругам» современности.

Герой романа, университетский профессор и alter ego автора, говорит: «В продолжение долгих лет моей печальной молодости Гюисманс оставался для меня товарищем, верным другом; никогда я не чувствовал себя покинутым... пока не защитил диссертацию: “Жорис-Карл Гюисманс, или Выход из туннеля”» (р. 11). Это – автобиографическое: Уэльбек тоже когда-то защитил диссертацию по Гюисмансу. И всю остальную жизнь искал и продолжает искать «выход из тупика».

Писатель Ж. Барбе д’Оревилли, прочитав «Наоборот»¹ Гюисманса, написал, что тот стоит теперь перед выбором: пустить себе пулю в лоб или припасть к подножию креста.

Гюисманс выбрал второе, хотя и не сразу. В следующем своем романе «Там, внизу» он попытался измерить глубину зла (отчего некоторые читатели заподозрили в нем приверженца сатанизма). Центральный по своей смысловой нагрузке персонаж романа – граф Жиль де Рэ, историческое лицо, редкостный злодей (прототип Синей бороды) и в то же время интереснейший средневековый характер. (Скорее всего, К.Н. Леонтьев, умерший в 1891, как раз в год выхода романа, его не прочел: жаль, он умел ценить

¹ *Huyssmans J.K. A rebours*. – 1884; рус. пер.: М.: Флюид, 2005.

европейское Средневековье и нашел бы в нем много близкого себе.) Погрузившись в пучину зла, Гюисманс, по его словам, убедился в его нездешнем происхождении; а значит, оно полезно тем, что побуждает обратиться к нездешности.

Есть в отрогах Пиренеев крохотный и сказочно красивый городок Рокамадур (департамент Ло и Гаронна), прилепившийся к огромной скале, на которой высится замок с тем же названием. В замке есть часовня, а в часовне изваяние Черной Мадонны¹, к которой в продолжение веков устремлялись паломники. Многие короли Франции и Англии (когда-то эти земли принадлежали анжуйской династии Плантагенетов, владевших также английской короной), от Генриха II Плантагенета до Людовика Святого, Филиппа Красивого и дальше, на коленях одолевали высоченную лестницу, ведущую в замок и часовню. Сюда однажды пришел Гюисманс (и Уэльбек, идущий по его следам, пока еще держится за него). Рокамадур стал для Гюисманса поворотной «станцией» (выражение св. Терезы Авильской) на пути к Богу.

Трудный путь обращения в католичество описан Гюисмансом в замечательном, не раз переведенном на русский язык романе «На пути»². Два чувства привели его в церковь: отвращение к окружающему и страсть к искусству – тому, что заключается в церковной жизни, и тому, что ею внушено. Слушая древние распевы в одной из парижских церквей, герой романа (в котором тоже позволительно узнать автора) восклицает про себя: «Невозможно, чтобы наитие веры, сотворившее эту музыкальную очевидность, оказалось ложным!» Другое чувство, отвращение к окружающему, дополненное и усиленное отвращением к самому себе, как к «ведру с помоями», толкает героя в сторону аскезы. Он посещает траппистский монастырь, где читателю демонстрируют шедевры аскезы, удивительные на фоне шалопутной *belle époque*.

Н.А. Бердяев в статье «Утонченная Фиваида (Религиозная драма Гюисманса)» так о нем пишет: «Самое благородное явление, рожденное на почве декадентства французского – утонченного упадочничества...»³. De profundis своей испорченной души воззвал Гюисманс к Богу. Равным образом можно сказать: из глубины европейского декаденса.

¹ «Черной» потому, что потемневшей от времени, как это произошло со многими изваяниями раннего Средневековья.

² Его же. *En route*, 1895; рус. пер.: М.: Энигма, 2010.

³ Бердяев Н. *Философия свободы*. – М.: Правда, 1989. – С. 229.

Говорят, что из глубины печной трубы в дневное время можно увидеть звезды. Трубочисты, правда, это отрицают, но, может быть, им это просто не дано; так или иначе, поверье остается. Элитарный декаданс конца позапрошлого века, да еще и много позже, хотя бы заключал в себе творческий огонь. Современный массовый декаданс – строй души, который по степени концентрации сажи можно сравнить с печной трубой. У Гюисманса вызывали презрение внешне, по крайней мере, добропорядочные «буржуа с зонтиками». Уэльбек видит вокруг себя уже разложившихся буржуа. Его мизантропия лишена пафоса: прочитывая, например, порнографические страницы в «Элементарных частицах», не сразу соображаешь, что он не развлечь хотел читателя, а скорее наоборот, внушить ему гадливость. Здесь от человека осталась только плоть, и плоть подмывает страх перед неизбежным разрушением и в конечном счете смертью. Уэльбек подставил этому миру холодное зеркало: здесь нет смыслов, заслуживающих этого имени, и нет любви.

Теперь понимаешь, что в противостоянии «похоти жизни» и прежде всего похоти в самом неязном смысле этого понятия для Уэльбека естественно было пойти по следам своего «друга молодости», то бишь Гюисманса; хотя в пору написания «Элементарных частиц» он заявлял себя твердым атеистом. Это «по следам» надо понимать буквально: alter ego в «Покорности» посещает «места памяти» (как стали говорить французы с легкой руки историка Пьера Нора), связанные с обращением Гюисманса: парижскую церковь Сен-Сюльпис, «угрюмый редут», чьи колокола оглашают пространство романа «Там, внизу» (это, между прочим, та самая церковь, где разворачивается действие романа Дэна Брауна «Код да Винчи»); бенедиктинский монастырь, где окончил свои дни Гюисманс в качестве oblat (что-то вроде подселенца, не принявшего обет, но живущего монастырской жизнью), и так далее, и так далее. Под конец – Рокамадур.

Эпизод с Рокамадуром в романе ключевой, отчего это место стоит процитировать. Итак, Уэльбек, то бишь его alter ego, – перед статуей мадонны. Упрекнув Шарля Пеги (1873–1914) в чрезмерно национальном уклоне его католицизма, а Гюисманса – в уклоне чрезмерно эстетическом (то и другое, в общем, справедливо), он далее пишет: «В этой суровой статуе светилось что-то другое, чем материнское чувство или привязанность к родине; и не к проявлению воинской славы звала она. В ней было нечто таинственное, жреческое и царственное, чего Пеги не в состоянии был понять,

а Гюисманс еще меньше... Назавтра, заправив свой автомобиль и уплатив за номер в отеле, я вернулся в часовню, где теперь никого не было. Дева ожидала в тени, кроткая и неувядаемая. Она излучала уверенность, она излучала власть, но мало-помалу я начинал чувствовать, что теряю контакт с нею, что она удаляется в пространстве и во времени, тогда как я вжался в свою скамью, одинокий и покинутый. Так просидел я около получаса, а потом поднялся, ощутив, что моя смертная и ранимая плоть оставлена Духом, печально спустился по лестнице и пошел в направлении паркинга» (р. 170). Здесь определено отношение Уэльбека к христианству: может быть, это и «правильная» религия, но она «не для нас».

Обдумывая роман, Уэльбек намеревался пойти по пути Гюисманса и уже дал ему название: «Conversion» («Обращение»); имея в виду обращение в католичество. Но после Рокамадура его «повело» в другую сторону – к исламу. Каковой он еще несколько лет назад не поколебался оскорбить, назвав «религией для кретинов».

Свое обращение в ислам alter ego завершает в Париже, куда он возвращается после поездки по «местам памяти», связанным с Гюисмансом. То, что произошло в городе за недолгое время его отсутствия, напоминает ему о роковом дне 28 мая 1453 г.: утром того дня Константинополь был еще христианским городом, а к вечеру на Святой Софии уже красовался полумесяц. Там была кровавая битва, было завоевание, здесь тоже полумесяц красуется на Эйфелевой башне, «завоевание» было хоть и стремительным, но вполне мирным. На календаре – год 2022. В результате демократического голосования к власти пришло существующее с некоторых пор Французское мусульманское братство. Естественно, что оно запустило процесс исламизации страны, признаки которой повсюду бросаются в глаза: там и сям развешаны постеры с цитатами из Корана, из всех кафе доносятся звуки «острой» арабо-андалузской музыки¹, женщины, которых на улицах стало значительно меньше, ходят в покрывающих голову платках и бесформенных брюках, резко упала преступность.

Больше всего сюрпризов готовит герою его alma mater – Сорбонна. Здесь главной дисциплиной стало изучение Корана – как и во всех прочих учебных заведениях страны, начиная с младших классов. Пришедшие к власти мусульмане резонно полагают,

¹ Арабо-андалузское музыкально-танцевальное искусство, изгнанное из Испании вместе с маврами более пяти веков назад, до сих пор частично сохранилось в Марокко.

что надежно исламизировать страну можно только посредством соответствующей постановки образования; пусть даже на это уйдет немало времени.

В стенах Сорбонны героя ожидают длительные беседы с коллегой, принявшим ислам (к чему он был давно подготовлен Геноном, которым профессионально занимался) и ставшим ректором университета. Если alter ego отдаленно напоминает Фауста, то ректор – Мефистофеля. (Да и как можно представить Фауста без Мефистофеля? Так, пожалуй, и всю «фаустовскую цивилизацию» по справедливости следовало бы назвать «фаустовско-мефистофелевской».) Ректор – тонкий диалектик, поэтому в ход его рассуждений стоит вникнуть.

Он высоко оценивает роль христианства в аспекте истории, но не видит за ним будущего: «Без христианства европейские нации были телами без душ – зомби. Но вот вопрос: способно ли христианство выжить? Я верил в это на протяжении нескольких лет, но сомнения мои росли, я все больше проникался мыслью Тойнби, что цивилизации кончают не тем, что их убивают, а тем, что они совершают самоубийство» (р. 255). Иначе говоря, европейцы сами «убили» в себе христиан, в чем виновата в первую очередь Церковь, не сумевшая сохранить твердость в своих рядах и пошедшая на поводу у «лживых прогрессистов» (в своих рядах); и в итоге допустившая «омерзительное разложение» нравов.

От критики Церкви, во многом справедливой, ректор переходит к критике самого христианства и фигуры Христа, на которой оно зиждется (и становится не совсем ясно, зачем христианам надо было сохранить твердость, если это «неправильная» религия?). Бог, говорит ректор, далек и страшен, а «придуманный» Христос – т.е. «придуманный» как Сын Божий, ибо фигуру Иисуса (Исы) как пророка ислам не отрицает – «безвкусный отпрыск», своей проповедью любви, равно как и призывом к свободе, только запутавший человеческие отношения и самый ход истории. «Выход из туннеля» возможен только через ислам: «Борьба за вступление цивилизации в новую органическую стадию не может вестись во имя христианства; это ислам, религия-сестра, более молодая, более простая и более истинная, подымает сегодня знамя» (р. 275). В идее свободы, аргументирует ректор в другом месте, – фундаментальная ошибка христианства. Ее «опрокидывает» другая идея: «простая, никогда прежде не выражавшая себя с такой силой, как сейчас, а именно, что верх человеческого счастья – в самой абсолютной покорности...

Это идея Корана, мистической поэмы, воздающей хвалу Создателю и Его законам» (р. 260).

Мизерабельное человечество не заслуживает любви, продолжает ректор; а слово «гуманизм» вызывает у него тошноту. Мужчины и женщины должны ходить по струнке, повинаясь законам Аллаха. Притом жена должна повиноваться мужу: «Есть прямая связь между абсолютной покорностью женщины мужчине... и покорностью человека Богу, как ее понимает ислам» (р. 260). Только «сладостная ферула шариата» позволит пресечь нынешнюю эротическую разнузданность. И вернуть женщину к домашнему очагу.

Как ни важно не употреблять в пищу свинину, говорит ректор, еще важнее «убить свинью в самом себе».

И все же для Франции выбран «облегченный» вариант шариата. Свинину есть нельзя, а вот вино пить можно. Что кое-где и кое-когда у мусульман позволялось. В стране Аль-Андалус, например, то бишь в мусульманской Испании. Где вообще много чего позволялось. И девы там не все оставались разумными (сидящими за прялками и распеваящими духовные песни), находилось место и для неразумных (мечущихся в танцах и с бубнами). А узаконенное многоженство (допускается иметь четыре жены) привносит в жизнь французов пикантность, какой раньше не хватало (гаремные страсти, между прочим, всегда дразнили воображение европейцев). «Облегченный» шариат, убеждает ректор, многое во Франции оставляет на своем месте, например, допускает свободу мысли и не посягает на другие исповедания.

Авторская позиция в отношении нарисованной им картины остается не вполне ясной. Вероятно, близок к истине немецкий критик Вольфганг Шнейдер (кстати, в Германии роман Уэльбека вызвал полемику еще до его перевода на немецкий язык): «Роман колеблется (*changiert* – в более точном переводе: «меняет цвета или оттенки») между сатирой и утопией, при этом часто трудно бывает понять, то ли автор потешается над происходящим, то ли происходящее представляется ему желанным»¹. Только вряд ли стоит здесь так уверенно говорить об утопии; по крайней мере некоторые французские критики полагают: похожее на то, что описано в романе, вполне может произойти – пусть не в 2022, а несколько позже.

¹ *Schneider Wolfgang von.* Abgesang auf das abendlandische Europa // Deutschlandradio Kultur. – 2015. – 16 Januar. – Mode of access: <http://www.deutschlandradiokultur.de>

Другие немецкие критики пишут, что Уэльбек, как никто, чувствует атмосферу западного общества и все его тревоги; что более всех прочих умеет он выразить, по Достоевскому, «европейскую тоску»; и что это особенно заметно в последнем его романе.

В чем автор убежден и что явствует не только из романа, но и из его многочисленных интервью, так это в неизбежном «возвращении религиозности»; что касается не только Франции, но и остальной Европы. Ветераны 68-го года, говорит Уэльбек (сам он принадлежит к следующему поколению), окопавшиеся в медийных цитаделях, «ничего не понимают» в происходящем. Лаицизм¹ мертв, республика в том виде, в каком она существовала до сих пор, мертва; остается лишь окончательно их похоронить. Естественно, что такого рода умозаключение встретило понимание в католических кругах. Критик Франсуа Майо в католическом интернет-журнале «La vie» отозвался на роман восторженной рецензией, где, в частности, написал: «Вполне правдоподобно, что все то, во что как будто верит наше общество, – конструкция, выстроенная на песке, и ее способен колебать даже слабый порыв ветра. В “Покорности” утверждается, что наше общество не верит ни во что или, во всяком случае, не верит во что-то такое, что могло бы противостоять неважно какой вере»².

Другой вопрос, какая именно религия восторжествует на обломках вчерашних кумиров. По-видимому, Уэльбек все-таки допускает всерьез, что «выход из туннеля» укажет ислам. Некоторые аргументы в пользу ислама для него самого, как представляется, звучат убедительно. Например, задача «одомашнивания» женщин и укрепления семьи, необходимого для продолжения рода, христианству, которое, по его мнению, выработало весь свой «ресурс», уже не под силу; только ислам может с нею справиться.

Другой спорный вопрос – «мистико-космологический». Говорит alter ego: «Красота космоса замечательна; его гигантизм поражает. Сотни миллиардов галактик, каждая из которых состоит из сотен миллиардов звезд, некоторые из которых удалены от нас на сотни миллиардов световых лет... И это не царство случайного; люди уверены, что “за этим” “кто-то” стоит. Поэтому настоящего атеиста найти сегодня нелегко» (р. 251). Эта картина наводит

¹ Лаицизм (франц. *Laïcité* буквально: светскость, нерелигиозность) – французское движение за секуляризацию общественной жизни.

² *Maillot François. Houellebecq, notre contemporain capital // La vie. – 2015. – 5 Janvier. – Mode of access: <http://www.lavie.fr>*

Уэльбека на мысли, которые одна другой противоречат. Первая – что Бог настолько велик и страшен, что невозможно представить между ним и человечеством средостение, каковым «претендует быть» Христос; перед таким Богом человеку остается, соблюдая немыслимую дистанцию, лишь трепетать и молиться. Вторая – что ислам умеет «закрыться» от этой необъятности, представляя космос религиозно-поэтически. На что обратил внимание Пушкин в «Подражаниях Корану»:

Земля недвижна – неба своды,
Творец, поддержаны Тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.

Снабдив эти строки примечанием: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!»

Но между исламом и христианством изначально не было сколько-нибудь глубоких различий в представлениях о физическом космосе. С точки зрения современной науки это были наивные представления, приноровленные к уровню непосредственного восприятия человека (каковую приноровленность можно расценить одновременно как недостаток и как достоинство). Развитие «хорошей физики» равно у христианских и мусульманских богословов вызвало настороженность, переходящую в противодействие. У мусульман астрономические исследования почти прекратились – как считается, с санкционированного богословами убийства великого астронома Улугбека в 1449 г. Христианские богословы допустили другую ошибку, отступив от собственной, в Средние века разработанной теории двух книг – книги природы, читаемой посредством разума, и книги Откровения, читаемой посредством веры. Не следовало мешать научным исследованиям, но и не следовало даже частично поступаться целостно-мистическим взглядом на мир (сохраняющимся в исламе), «огибавшим» научные исследования, ограниченные пространственно-временной клетью. Отнюдь не средневековый поэт написал: «Время – только отсрочка. / Пространство – только порог» (Давид Самойлов). Во всяком случае, можно посчитать заслугой Уэльбека, что для него космология на первом месте (в отличие от Гюисманса, для которого на первом месте эстетика).

Еще одно подтверждение некоторой благо (или неблаго) приобретенной «открытости» Уэльбека в отношении ислама: опе-

рация по захвату Франции выглядит в его изображении намеренно «мягкой». Эдакие вежливые салафиты легко проникают во все сферы жизни, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления. Впечатление такое, что страна, сама не ведая того, их-то как раз и ждала. Они сообщили ей тонус, которого ей остро не хватало. Порвав со своим прошлым, народ морально перевооружился и начал «вторую жизнь». А ректор обещает скорый приход Второго Просвещения, теперь уже на базе ислама.

Была когда-то Франция Старшей дочерью Церкви (католической). Потом стала родиной Просвещения, потом главным очагом декаданса (не зря Леонтьев назвал ее «учителем народов», будь то в позитивном или негативном смысле), теперь, обещает автор «Покорности» или, точнее, его alter ego, она становится лидером Европы на пути исламизации. И никакого «французского самоубийства» не будет; тем более что страна уже сейчас лидирует в Европе по демографическим показателям¹.

Автор «Покорности» намеренно «мягко стелет», зная, что даже «облегченный» шариат на современный вкус достаточно суров; и зная, что читатели это знают. К тому же умеренные салафиты могут оказаться чем-то вроде легковооруженной пехоты, которая в определенный момент раздвинет свои ряды, пропуская вперед тяжеловооруженную кавалерию под знаменем неурезанного шариата, каким он был в VII в. и каким его ныне продвигают в жизнь ваххабиты в Афганистане или игиловцы в новоявленном «Халифате». Исчезнет видение снисходительной к эпикурейцам страны Аль-Андалус и возникнет перед глазами иная ассоциативная картина: «Пустыня. Кактус. Злой верблюд». И бедуины, которым в строгие часы Рамадана не дозволено глотать даже собственную слюну.

Но если европейскому человечеству так необходимы сегодня «ежовые рукавицы», то почему надо обращаться за ними к исламу? Все ценное, что есть в исламе, есть и в христианстве; только в христианстве есть еще и сверхценное.

¹ Это действительно так, и все равно прирост населения крайне мал (и то больше за счет мусульманской его части) и не обещает возмещения громадного демографического отставания, имевшего место во Франции на протяжении XIX – первой половины XX в. Для иллюстрации: во времена Наполеона население Франции (в современных границах) примерно равнялось населению Великобритании и Италии вместе взятых, а в канун Второй мировой в каждой из этих стран было больше жителей, чем во Франции. Сейчас Франция впереди каждой из них, но ненамного.

В исламе есть Шариат (пора писать это слово с прописной буквы), а в христианстве – Закон Божий. То и другое идет «от Моисея»; только к Шариату, если брать его в изначальном виде, «прилипли» неистовства, характерные для аравийских пустынь давно прошедшего времени. Далее: и христиане, и мусульмане разделяют убеждение, что каждого из смертных ждет впереди грозный Судия, чей приговор может быть милостив, но может быть и жесток.

Читая «друга» Гюисманса, Уэльбек не мог не обратить внимание на следующую его фразу: «Благодушный католицизм создан для толпы, которая в противном случае бежала бы от него в ужасе» («В пути»). С этой мыслью согласился бы тот же Леонтьев, который называл христианство (равно православное и католическое) религией «отрадной и страшной» одновременно, а «розовое христианство» терпеть не мог.

Положим, к тому, что называется «розовым христианством», тоже можно относиться по-разному. Под это определение подходит, например, *бидермайер* позапрошлого века, как общеевропейский стиль тихой провинциальной жизни с благодушными и боголюбивыми бюргерами, поливающими розы на балконах, с их культом домашности и добрососедства. Эта картинка совсем не так уж плохо смотрится – пока «лихо спит».

Но когда лихо просыпается, тогда христианство неизбежно поворачивается к миру сему другой своей стороной. Кроткий Спас преобразуется в Спаса Грозного («Ярое Око» русской иконографии). Более полувека назад П.А. Сорокин, выстраивая свою философию истории, писал, что европейская культура-система переживает этап, который он назвал цинично-чувственным; и предсказывал, что, достигнув в самом скором времени «точки насыщения», она начнет движение в ином, возможно, противоположном направлении – в сторону теократии и всевозможных запретов. Замечу, что Сорокин не был определенно-верующим человеком и свою философию истории выстраивал на почве научного объективизма; и что в профессиональной среде он почитался как величайший для своего времени философ истории, наряду с А. Тойнби¹.

Предельным выражением католической реакции остается Савонарола с его Сожжением сует, иначе говоря, плодов «избыточной» и «развращающей» культуры. Можно, впрочем, сказать не

¹ О философии истории Сорокина см. мою статью: И кружится ветер на пути своем // Новый мир. – 2007. – № 9.

«католической реакции», а вообще христианской; некоторые русские богословы даже посчитали идею Сожжения сует выражением древлеправославного духа, пробудившегося в ограде католицизма. Фигура Савонаролы становится заметной в русской культуре конца XIX – начала XX в. А.Р. Кугель даже посчитал, что Савонарола был «тайным идеалом» Достоевского; вряд ли это так, но «момент» Савонаролы в мышлении Достоевского, наверное, есть. Особое внимание уделило Савонароле декадентство, что легко объяснимо: декаденты являются продолжателями классической культуры, но именно поэтому они остро ощущают запахи ее разложения. «Человеком великой чистоты духа» назвал флорентийского реформатора Д.С. Мережковский, лично ему совсем не близкий. Множество русских поэтов того времени так или иначе обращались к фигуре флорентийца. Например, Черубина де Габриак в стихотворении «Савонарола»:

Мне сладко, силой силу мера,
Заставить жить его уста
И в беспощадном лике зверя
Провидеть грозный лик Христа¹.

Сожжение сует по-христиански не сильно отличается от «культурной политики» ваххабитов или игиловцев. Но в христианстве против идеи Сожжения сует «играет» волшебное понятие Преображения: порченный мир целиком принимается в лоно вечности, и только там и тогда пшеница отделяется от плевел, сохраняясь в таинственно преобразенном виде. Ислам не знает Преображения: согласно Корану, потусторонний мир есть не что иное, как простое возвращение к состоянию до грехопадения; вся история человечества таким образом лишается смысла. Современная Европа стоит перед выбором. Или идти прежним сложным путем христианства; только теперь это, наверное, должно быть построжавшее христианство, способное принять вызов ислама. Или добровольно свернуть – сколь ни фантастической представляется такая возможность – на упрощенный путь ислама².

Два пути ведут от Рокамадура.

¹ Существует мнение, что настоящим автором этого стихотворения является М. Волошин.

² Здесь, конечно, надо принять во внимание и давление численно растущего мусульманского меньшинства, влияющее на свободный выбор духа. Но об этой стороне дела слишком много говорят и пишут, чтобы стоило на ней задерживаться.

Есть, правда, еще один путь. В шов каменной кладки замка Рокамадур кто-то когда-то вонзил меч, будто бы уроненный в Ронсевальском ущелье умирающим Роландом. Он и сейчас там красуется. Существует поверье, что меч сам напомнит о себе, если «мавры» снова станут грозить Европе. На другом конце континента об этом вспомнил не кто иной, как Андерс Брейвик: «Меч Роланда ждет, когда найдется рука, способная его поднять», написал он в своем манифесте. «Проект» Брейвика предусматривает изгнание мусульман посредством кровопролития, своим масштабом во много раз превосходящего то, какое однажды учинил он сам. Если, не приведи Бог, этот «проект» когда-нибудь осуществится, вопросы духа только поблекнут в дыму взаимной ненависти.

И потом, кто первым меч возьмет... известно, что будет.

Олеся Николаева*

ИЗГНАНИЕ

Проходили мимо иноземцы несытые,
моавитяне немые.
Смотрели с вожделением на дома наши справные,
черепицей крытые, виноградом увитые,
спрашивали:
– А вы какого народа будете?

Проходили мимо иноземцы любострастные,
агаряне, лицом красные.
Слушали, затаив дыхание, песни наши надрывные,
мандолины призывные, скрипочки заунывные.
Спрашивали:
– А вы какой будете нации?

На вопрошанья племени чужестранного
отвечали мы так:
– Народа избранного,
рожденного от воды и Духа, Божьего рода
сыновья и дочери мы!
Пира званного
гости принаряженные у царского входа.
По сему нация наша – христианская!

* *Николаева Олеся (Ольга Александровна)* – известный поэт, прозаик, эссеист, автор многочисленных сборников стихов, в том числе: «500 стихотворений» – 2009; собраний художественной прозы, в том числе: «Мене. Текел. Фарес» – 2003; философско-публицистического трактата «Православие и свобода» – 2002. Лауреат национальной премии «Поэт», Патриаршей литературной премии, журнальных премий «Нового мира», «Знамени» и др.

Услыхали это богопротивники, всех мастей отщепенцы,
христопродавцы, беспоклонники, извращенцы.
Сказали: «Надо моавитян на них натравить,
агарян поселить в их стане.
Пусть по-своему с ними разберутся там басурмане.
А у нас готовы для них и подкоп, и мина.

Мы им объявим так:
– Христиане! Если земля вам – чужбина
Нечего тут раскладываться, укореняться, кресты ставить,
Бога своего славить.
Есть теперь среди вас агаряне, моавитяне, – извольте видеть –
есть, наконец, христорборцы, которых может обидеть
это ваше “Кири елейсон!” “Елейсон Кири!”¹
Так что сворачивайтесь, будьте как все и живите в мире».

...Захвачены дома наши ладные, рососою умытые,
черепицей покрытые, виноградом увитые,
оплеваны песни наши надрывные,
мандолины призывные, скрипочки заунывные,
разогнаны наши праздники, потоптаны наши свитки,
разорваны белые платья, пурпурные накидки.
Голодные птицы склевывают крошки нашего хлеба.
Нация христианская изгнана аж на Седьмое небо.

Настоящее стихотворение включено в новейшую поэтическую книгу Олеси Николаевой «Средиземноморские песни, среднерусские плачи» (М., 2017), в композиции которой занимает одно из центральных мест.

В написанном специально для альманаха «Эон» кратком комментарии поэт делится впечатлениями, мыслями и фрагментами стихов, которые предшествовали и способствовали рождению «Изгнания».

«Это продолжение и развитие темы, начатой еще в 90-е годы, отчего она сделалась для меня сквозной. Еще тогда казалось очевидным, что:

И когда гора святой Женеьевы рождает мышь,
по-арабски орать начинает в потемках кот.

¹ «Господи помилуй», «Помилуй Господи» (*греч.*).

Потом, когда засилье “измаильтян” стало сгущаться, на приступ пошла невероятная жалость — до слез — к любимой Европе, вдруг оказавшейся столь беспомощно-хрупкой. Помню, в Пуатье помощник мэра водил меня по городу и с гордостью рассказывал, как арабы в VIII веке так и не смогли взять его ни осадой, ни с боя. А потом, помрачнев, прибавил: “Но это в конечном счете нас так и не спасло”, красноречивым кивком головы указывая на улицу, по которой проходили обосновавшиеся здесь сыновья Измаила.

Да, не спорю, у Европы белое тело,
и глаза огромны, и сладко пахнут волосья,
на боках достаточно тука, и зубы белее мела,
но — цыплячья шейка и ножка козья.

Кто из мертвых ее источник не пил,
различают сразу: там вор ли, ров ли,
ведь когда сыновья Измаила роняют пепел,
у Европы космы горят и кровли.

И когда полумесяц сынам Измаила с макушки ночи
говорит “салам” и выглядит светлолицым,
то Европа глотает язык и заводит очи,
и кусает собственный хвостик, и бьет копытцем.

Бедный Писающий Мальчик, ставший символом Брюсселя, устоять ли ему, затушить ли своим картезианским фонтанчиком европейский пожар, который вот-вот полыхнет, или стать сувениром в арабских лавках между кальянами и прикидом для танца живота, будучи переименованным в Мухамеда или Ахмеда?

Не подлежит сомнению: началось великое переселение, или, как его называют, бескровное завоевание, а попросту похищение Европы. Пассионарные моавитяне, аммонитяне, аммаликитяне, филистимляне, арабы тучной массой накрыли земли богоизбранного христианского народа, отчасти выдохшегося и перемолотого многочисленными расколами, а также модными в оные годы марксизмом и маоизмом, отравленные атеизмом, неолиберализмом и постмодерном. “Малое стадо”, парализованное в своей социально-политической жизни, оказывает ли оно сопротивление как собственным внутренним отщепенцам и кошунникам, так и пришедшим со стороны исламистам, бежит ли от них на высоты, в тот духовный Сигор, куда поднялся Лот с женой перед самой гибелью

Содома и Гоморры? Разбивает ли богоизбранный народ теперь именно там свои сады, настраивает “мандолины призывные, скрипочки заунывные”, хранит ли драгоценные свитки, надевает ли “белые платья”, “пурпурные накидки”?

Христианская антиномия земного отечества и Отечества Небесного обнажает свою обоюдоострую суть. Ибо это не предложенная альтернатива, а единый путь, который кажется невозможным, если не увидеть его глазами веры. Но, как однажды кем-то было сказано, тут не путь невозможен, а сама невозможность есть этот путь.

Юродивый и непонятный для тех,
которым исхода – не надо:
ни Царства, ни царских даров,
ни брачного пира, ни сада,
ни этих вселенских ветров,
ни этого стана и тына
в лишайниках, в хлябях, в парше,
где в синем гиматии Сына
является странник душе.

Как написано в “Послании к Диогнету”: “Живут они (христиане. – *О. Н.*) в своем отечестве, но как пришельцы; участвуют во всем, как граждане, но все терпят, как чужестранцы... Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные”¹.

По сему слову – зерна христианства, посеянные на земле, прорастают в небесные сады Духа и приносят плоды Божьего Царства. Но, будучи попранными и расклеванными хищными птицами, они лишь ускоряют гниение обезбоженного мира...

О.Н.»

¹ [Иустин Философ] Послание к Диогнету / Пер. А.С. Деницкого // Ранние христианские апологеты II–IV вв. – М., 2000. – С. 127.

РАЗДЕЛ II. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Владимир Ошеров*

ЦАРСТВО, РАЗДЕЛИВШЕЕСЯ В САМОМ СЕБЕ

Пытаясь как-то объяснить события, происходившие в США за последний год, автор хотел бы начать с цитаты тридцатилетней давности, из эссе, написанном в 1979 г. профессором Джин Киркпатрик, когда-то занимавшей пост советника при Президенте США Рональде Рейгане – «Диктатуры и двойные стандарты» (Dictatorships & Double Standards).

Она писала: «Хотя большинство правительств в мире являются, как и прежде, автократиями того или иного рода, ни одна идея не имеет большего влияния на умы образованных американцев, чем вера в то, что возможно демократизировать правительства повсюду, в любое время, при любых обстоятельствах. Такое понимание опровергается огромным числом фактов из опыта десятков стран, которые пытались, с большим или меньшим (обычно меньшим) успехом перейти от автократического к демократическому образу правления... Демократические институты особенно трудно установить и поддерживать – поскольку они налагают тяжелое бремя на все слои общества, и зависят от сложных социальных, культурных и экономических условий».

Эта точка зрения разделялась и поддерживалась тогда не только республиканцами, но и многими членами Демократической партии США – вплоть до президентства Билла Клинтона. Начиная с Клинтона, а затем – и с Дж. Бушем-мл., и с Бараком Обамой в Белом доме – мы наблюдали полное пренебрежение к идеям, вы-

* *Ошеров Владимир Михайлович* (р. 22 апреля 1940), публицист, кинооператор и сценарист, писатель и переводчик статей для нашего издания «ЭОН»; автор исследования «Но вечный выше вас закон» (изд. «Летний сад», Москва–СПб., 2008). Живет и работает в Америке.

сказанным Джин Киркпатрик, и, как следствие, многолетнюю серию неудач и провалов американской внешней политики. Здесь, по-видимому, лежат отчасти причины того раскола, который мы наблюдаем в Америке сегодня, начиная с предвыборной кампании 2016 г. и особенно остро – с момента избрания Дональда Трампа президентом США.

Недавнее президентство афроамериканца Барака Обамы было поначалу с восторгом воспринято и черными, и многими белыми американцами, но иные из его предвыборных заявлений оказались обычной ложью (о полной его независимости от крупного капитала), а другие – насчет прекращения войны в дальних странах – так и не были выполнены. Фактическая неудача его правления и жалкая, антипатичная фигура Хилари Клинтон в качестве продолжателя дела Обамы определили победу Дональда Трампа. Голоса, поданные в его пользу, на самом деле были голосами *против* Хилари. Но американские негры, пережив эйфорию первого в истории чернокожего президента, сегодня (как и на протяжении всей истории США) вновь оказались маргинальной общественной группой, меньшинством, не имеющим никаких шансов на какие-то политические достижения в ближайшем будущем. Трамп недвусмысленно заявил о своих приоритетах («Америка – прежде всего»), и белая Америка проголосовала за него.

Отсюда – то остервенение, какое изумленный мир увидел в Шарлоттсвилле, и продолжающиеся по сей день акции протеста. Снос и осквернение исторических памятников, связанных с давней Гражданской войной, сразу поставили все точки над «i». Намечавшееся было примирение белых и черных ушло, как прекрасный сон, а за Шарлоттсвиллем последовали и другие акции: например, со стороны футболистов Национальной Футбольной Лиги (где большинство игроков – черные), вставших на колени во время исполнения национального гимна перед матчем – в знак протеста против избрания Трампа (правила требуют при этом стоять, приложив правую руку к сердцу).

Хочу привести здесь небольшое эссе, написанное по свежим следам безобразий в Шарлоттсвилле Патриком Дж. Бьюкененом, когда-то занимавшим видное место среди американских консерваторов и даже претендовавшим на президентский пост.

Что же нас до сих пор объединяет?

Десятки лет тому назад наше консервативное движение было взбудоражено дискуссиями о том, что собою представляет Америка как нация.

Неоконсерваторы утверждали, что Америка – «идеологическая нация», «нация символа веры», приверженная известному принципу, что «все люди созданы равными».

Позаимствовав библейский призыв «идти и учить все народы», они обожествили демократию, сделав обращение всего человечества в демократическую веру своей миссией на земле.

Джордж У. Буш с его глобальным крестовым походом во имя демократии, полностью уверовал в эту миссию. Результат: горький привкус во рту и серия провалов во внешней политике США, начиная с Афганистана и Ирака.

За трамповским предвыборным лозунгом: «Америка прежде всего» стояла убежденность в том, что с окончанием холодной войны, концом воистину идеологической державы – СССР – и распадом ее на отдельные этнические образования, наступило, наконец, время для Америки вернуться к себе домой.

В противовес неоконам, традиционалисты утверждали, что Америка, будучи уникально великой страной, объединяется своей культурой, языком, своей историей, героями, праздниками, нравственностью, обычаями и традициями. Общей чертой всех американцев, черных и белых, остается их принадлежность к народу, достигшему столь многого.

Мнение, приписываемое Алексису де Токвилю: «Америка – великая страна, потому что она знаменует добро, но если она перестанет знаменовать добро, она перестанет быть великой», – это мнение разделялось почти всеми.

Наше будущее сегодня проблематично, поскольку то, что когда-то объединяло нас, сегодня нас разделяет. Хотя наши президенты В. Уилсон и Г. Трумэн утверждали, что мы – «христианская нация», но христианство изгнано из нашей общественной жизни и число верующих с каждым годом сокращается. Атеизм и агностицизм распространяются все больше и больше, особенно среди молодежи.

Традиционная нравственность, основанная на христианстве, отвергается. Половина всех браков завершаются разводом. Из десяти рождающихся детей, четверо – внебрачные. Неограниченный доступ к абортам и однополые браки – еще лет десять назад счи-

тавшие знаками деградации и упадка – сегодня воспринимаются как права человека и служат знаком социального прогресса.

Десятки миллионов у нас не говорят по-английски. Там, где большая часть нашей музыки состояла из классической, популярной, «кантри и вестерн» и джаза, сегодня значительная часть содержит грязные слова, еще недавно считавшиеся нецензурными.

Там, где у нас было три общенациональных телекомпаний, мы имеем три круглосуточных, 24-часовых кабельных новостных каналов и тысячи вебсайтов, усиливающих разноречивые наши взгляды на мораль, культуру, политику и расовую принадлежность.

Вот, к примеру, всего несколько происшествий после событий в Шарлоттсвилле.

В Сан-Фернандо, на памятнике брата Хуниперо Серра, францисканского монаха, основавшего миссии, ставшие впоследствии городами Сан-Диего, Сан-Франциско, Сан-Хуан Капистрано и Санта-Клара, было намалевано слово «Убийца».

Один из самых наших старинных памятников в честь Колумба в Балтиморе подвергся актам вандализма. Сенатор от штата Вирджиния, Тим Кейн призвал убрать статую генерала Роберта Ли от Капитолия и заменить ее на статую Покахонтас. Согласно легенде, эта дочь индейского вождя Паухатана спасла капитана Джона Смита, бросившись ему на шею и тем самым защитив его от обезглавливания. Притом, что сам вождь имел непосредственное отношение к исчезновению так называемой «Пропавшей колонии» на острове Роаноук, британского поселения, одной из жительниц которого была Вирджиния Дэйр – первый ребенок европейского происхождения, родившийся в Британской Америке.

Почему Кейн не потребовал аналогичных почестей для самого Джона Смита, руководителя Джеймстаунской колонии, отразившего неоднократные набеги индейцев?

В Нью-Орлеане, на памятнике Жанне д'Арк, подаренном Францией в 1972 г., было написано с помощью краскопульта: «Снесите этот памятник!» Будучи не только канонизированной католической святой, но и легендарной героиней Франции – что такого сделала Орлеанская Дева, чтобы заслужить подобное отношение?

Если все это обобщить, мы сегодня наблюдаем то, как первооткрыватели, исследователи и миссионеры Северной Америки все вместе демонизируются в качестве расистов и виновников геноцида. Наши отцы-основатели выставляются либо рабовладельцами, либо покровителями работорговли. Утверждается, что они

были или соучастниками расовой «зачистки» коренных народов Северной Америки или одобрительно относились к ней. Чуть ли не до сегодняшнего дня мы, оказывается, были страной, где сторонникам сегрегации воздавались всяческие почести.

Для наших «левых» итог состоит в том, что мы, американцы, должны чувствовать себя виновными, стыдиться нашей истории, сделавшей нас ведущим народом в мире. И должны признать вину наших предков, разрушая и оскверняя любые сооружения и памятники, поставленные в их честь.

Этот разрастающийся сегмент нашего общества, движимый самоправедным гневом, полон решимости очернить память наших ушедших в мир иной предков.

Для другой части американского общества, многое из хвалебного социального и морального «прогресса» последних десятилетий вызывает чувство отвращения, которое можно суммировать жалобой: «Это – не та страна, где мы выросли!»

Хилари Клинтон публично заклеила эту часть Америки в качестве «сборища жалких людей... расистов, женоненавистников, гомофобов, ксенофобов и исламофобов», полностью «неисправимых».

Так что же нас по-прежнему объединяет? Что связывает нас перед лицом неведомого будущего? Что делает нас единой нацией и единым народом? Что можем мы предложить человечеству, между тем как народы, похоже, все более отвращаются от того, во что превращаемся мы, и вместо этого пытаются строить свое будущее на базе этнического национализма и фундаменталистской религии?

Если передовая демократия ведет за собой развал наций, наблюдаемый вокруг нас, – что же может говорить в ее пользу?

Прожив уже одну шестую часть XXI в., находим ли мы что-либо, подтверждающее, что он будет «Вторым Американским Веком»?

* * *

Проблема отчасти состоит в том, что некогда мощное консервативное движение в США, обеспечившее победу Рональда Рейгана, а затем и Джорджа Буша-ст., практически перестало существовать. Это началось еще в президентство Билла Клинтона, когда США стали рьяно заниматься «Nation-building» («строительством наций»), т.е. насаждением демократии по всему миру, неза-

висимо от истории и культуры. Последовали войны в Югославии, Косове, бомбежки Сербии. Консерваторы, невзирая на предупреждения Дж. Киркпатрик, никакого сопротивления этому не выказали, хотя политика была явно неудачной, затем они оказали полную поддержку Дж. Бушу-мл., продолжившему ту же политику, и наконец – Обаме (который обещал отказаться от «Nation-building», но не сделал этого). Скорее всего, это продолжится и при Трампе (в связи с его заявлениями об Афганистане) – несмотря на все его громкие заявления, что «Америка – прежде всего». Впечатление, что сегодня здравый смысл покинул внешнюю политику США.

В превратностях сегодняшней ситуации – особенно в бесстыдно откровенной травле Трампа со стороны СМИ – играет свою роль то, что американские консерваторы в значительной степени исчезли как со страниц влиятельных органов печати, так и с экранов телевизоров, – а не только из органов власти. Я прекрасно помню времена, когда на страницах ультра-либеральной «Нью-Йорк Таймс» можно было прочитать колонки Ирвинга Кристола, Пэта Бьюкенена и других консервативных публицистов. Консерваторы вроде Джорджа Уилла регулярно появлялись на телеэкране и вели дискуссии с либералами. Позорное, провальное президентство Дж. Буша-мл. явно поставило республиканскую партию и всех консерваторов в незавидную позицию, особенно потому, что внешняя политика Буша, как известно, во многом базировалась на мнении неоконсерваторов, «захвативших» тогда Белый дом.

Тем неожиданнее была победа Трампа. Консерваторы к этой победе не имеют никакого отношения. Сегодня их не слышно и не видно. Просто экономическое положение средних американцев настолько ухудшилось, что они вновь готовы поверить в республиканскую партию и отдать ей свои голоса. Особенно потому, что главные виновники экономического кризиса – банкиры Уолл-Стрита – так и не были наказаны Бараком Обамой. Тут даже никакой пропаганды или политехнологии не требуется.

Но особым явлением последних (?) месяцев стала вновь расширяющаяся пропасть между черной и белой Америкой. Существует она давно, по сути еще до образования Соединенных Штатов Америки, до принятия Конституции США в 1789 г. Началась она, конечно, с XVII в., с начала работорговли, но остается, невзирая на все принятые с тех пор прогрессивные меры и на все попытки примирения, незаживающей раной на нравственном облике Америки.

Сегодня вся подоплека войны Юга и Севера полностью извращена и продолжает искажаться либеральными историками, преследующими откровенно партийные внутриполитические цели. В силу этого огромный сегмент населения Америки – цветной – стал игрушкой в руках демократической партии, особенно в избирательных кампаниях. И тем не менее позорная история рабства негров, с последующими неудачными попытками примирения, – ярчайшая иллюстрация морального фиаско всей Америки, никак не связанного с партийной политикой как таковой.

Стоит вспомнить, что президент США Томас Джефферсон – «святой» покровитель американского либерализма – в свое время предлагал организовать «репатриацию» негров назад в Африку. Расовая проблема уже тогда была понятна во всей своей масштабности и безвыходности. Наверняка, Джефферсон понимал, что даже отмена рабства в будущем повлечет за собой новые неразрешимые проблемы. Просто к тому моменту у государства на возврат рабов домой в Африку уже не было никаких средств.

Все попытки как-то по-иному решить эту проблему никак не облегчили, а скорее, усугубили ситуацию раскола и расовой непримиримости. Широкая кампания 1960-х годов по «десегрегации», «интеграции» негров, вместе с решениями тогдашнего Верховного суда, окончилась трагической, совсем уже неразрешимой проблемой нынешних негритянских гетто-трущоб, наркомании, миллионов матерей-одиночек, уличными бандами и ростом уголовщины. Негры с тех пор еще больше возненавидели белых, особенно евреев, хотя те в свое время, (в начале XX в.) на собственные деньги организовали негритянскую «борьбу за гражданские права». Как широко известно, представители тогдашней еврейской общины, особенно придерживавшиеся «левых» взглядов, долгие годы официально возглавляли NAACP – главную и долгие годы единственную политическую организацию негров.

Трамп стал президентом США отнюдь не из-за вмешательства в американские выборы «хакеров» из России. Эти продолжающиеся до сих пор поиски улик мифического сотрудничества помощников Трампа с русскими агентами так ничего и не принесли. Кроме того, отвечая на вопрос Бьюкенена о главенстве, гегемонии США в мире, можно сразу ответить: с этим покончено! Появился мощный Китай, которому особенно не прикажешь, есть гигантская и растущая Индия и, наконец, Россия, впервые за последние годы начавшая проявлять признаки суверенитета.

Со старым мифом о том, что Америка является уникальным в истории человечества «плавильным котлом» («Melting Pot»), сплавляющим разные народы в единую нацию – американцев – сегодня тоже приходится распрощаться. Собственно, исчезновение «плавильного котла» началось давно, еще с тех пор, как либералы у власти (в Европе – раньше, чем в США) провозгласили и начали внедрять утопию «мультикультурализма» – и таким образом разрушили те основы (прежде всего, необходимость всем знать английский язык), на которых действовал этот «котел». Америка оказалась раздробленной на этнические гетто – со своими СМИ, телевидением, рекламой и т.д., делающими общность культуры и менталитета необязательным условием единства нации.

Недавние потрясения мировой экономики в результате полностью либерализованных условий деятельности крупнейших финансовых конгломератов мира (и прежде всего – американских, во время президентства Дж. Буша-мл.) – именно они послужили причиной нынешнего всемирного финансового кризиса. Стоит повторить, что преемник Буша в Белом доме, Барак Обама, вместо того чтобы наказать виновников финансового кризиса, начал свое президентство с гигантской подачки финансовым корпорациям – разумеется, за счет американских налогоплательщиков. С подачки как раз тем, кто должен был бы оказаться за решеткой. Насколько нам известно, лишь один из этих преступников был судим и отбывает ныне тюремный срок. Вот так выглядит «свободно-рыночная» экономика, не признающая никаких национальных интересов, независимо от страны пребывания – Америки, Англии, Швейцарии, России и т.д. За все расплачивается государство, т.е. налогоплательщик.

Когда мы пытаемся объяснить реальные причины победы Дональда Трампа на президентских выборах, следует помнить и этот фактор. Ведь Хилари Клинтон, без всякого сомнения, была бы продолжательницей обамовской политики поблажек крупному капиталу. Рабочий класс Америки, больше всех пострадавший от нынешнего кризиса, не задумываясь, отдал свои голоса Трампу – дельцу с сомнительной репутацией – в основном потому, что он пообещал вернуть домой, в Америку миллионы рабочих мест, уплывших за океан, в Китай, в Азию или в Латинскую Америку – с баснословными барышами для крупного бизнеса, – как это было в годы правления не только Демократической партии, но и республиканца Дж. Буша-мл.

Здесь, начав разговор о национальном единстве, национальных интересах и судьбах черных американцев, неплохо бы вспомнить слова, написанные больше ста лет назад судьей Верховного суда США Генри Брауном в своем заключении по делу «Плесси против Фергюсона» – того самого заключения, которое установило конституционность сегрегационного принципа «Separate but Equal», («раздельное равноправие»), впоследствии отвергнутого. Браун писал, что Верховный суд не согласен с тем, «что равные права не могут быть обеспечены негру иначе, как путем принудительного смешения двух рас». «Если обе расы когда-либо сойдутся на почве социального равенства, – продолжал он – это должно быть результатом естественных симпатий, взаимного уважения заслуг каждой из них и добровольного согласия индивидов». Разумеется, либеральные историки заклеили Брауна как «расиста».

История же подтвердила правоту «реакционного» судьи: принудительная, судебным порядком навязанная всему обществу интеграция, меры «компенсации», денежные подачки «обиженным», обязательные квоты при приеме в вузы и на работу, внедрение черных школьников в «белые» школы, а белых – в «черные» и прочее – не только не сближают расы, но делают их еще более «раздельными». Белый средний класс в массовом порядке стал переселяться из центра больших городов в предместья, а оставшиеся в городах негры быстро превратили некогда благополучные районы в трущобы. За последние годы возросло число убийств черных американцев руками полицейских. Одновременно, черные используют любой повод для совершения актов грабежа и насилия против белых. Победа Трампа все это обострила.

Но на чем же могут основываться «естественные симпатии, взаимное уважение заслуг и добровольное согласие индивидов»? Только на одном: на христианской вере, на учении Христа о взаимном прощении, о любви к своим врагам. Когда вместо Христа нам подсовывают теории мультикультурализма, «инклюзивности» (т.е. всеядности), всеобщего равенства – родителей, взрослых и детей, женщин и мужчин, когда всячески умаляется роль семьи в воспитании детей, узакониваются однополые браки, когда вообще понятия Бога и церкви довольно решительно изгоняются из общества, тогда единство нации превращается в пустой звук.

Таким образом, Америка, наконец-то «догнала» Европу по степени секуляризации и расцерковления.

В Европе процесс обезбоживания начался намного раньше, чем в США: еще с Реформации, с «эпохи Просвещения», особенно

с Французской революции, – и успешно продолжился до наших дней. Америка в это время еще была подлинно христианской страной, хотя и не без противоречий, например, между верой во Христа и процветанием рабства и работорговли. Но еще совсем недавно – каких-нибудь тридцать лет назад – европейская интеллигенция подсмеивалась над «пуританской» Америкой, долгое время соблюдавшей у себя многие цензурные ограничения – например, в литературе, в кино, на телевидении. Сейчас для таких издевок уже нет оснований. Америка сравнялась с Европой всего за каких-нибудь 50 лет!

Кстати, Гражданская война между Севером и Югом в XIX в. только отчасти может быть оправдана заботой северян во главе с Линкольном об освобождении негров от рабства. Главной целью было сохранить единый рынок, не допустить сепаратистского движения южан, провозгласивших свою отдельную Конфедерацию. Война была развязана в самых кровных интересах бизнесменов и финансовых тузов Северных штатов. Мотивы северян и Линкольна никак не согласовались с провозглашением подлинной демократии и равенства для всех американцев, независимо от цвета кожи. Всё это было чистой воды демагогией и подтвердилось вскоре полным пренебрежением к интересам и демократическим правам побежденных южан.

Многие годы либералы рьяно и, надо сказать, весьма успешно внушали обществу свои догмы о всеобщем равенстве, вплоть до того, что взрослые и дети должны пользоваться одними и теми же правами. Не эти ли представления лежат в основе, например, законов, снизивших «возраст согласия» в половых отношениях с 16 до 14 лет? Но беда в том, что помимо эгалитаристов-либералов, из принципа считающих любые понятия об авторитете взрослых, о необходимости определенной субординации посягательством на идеалы равенства, есть немало тех, кто прямо заинтересован в том, чтобы оторвать детей, подростков от родителей, от их влияния и опеки.

Это, конечно, киноиндустрия, телевизионные каналы, индустрия поп-музыки, т.е. те, кто делает деньги прежде всего на молодежи. Понятно, что любой бизнес заботится о расширении клиентуры. Но «развлекательный» бизнес имеет свою специфику: люди взрослеют, у них остается все меньше времени на телевизор, кино, танцульки, в зрелом возрасте они уже не столь подвержены дешевому обаянию тинейджерской культуры. Значит, расширять рынок эффективнее всего в сторону более раннего, а не более

зрелого возраста. В привлечении несовершеннолетних потребителей, конечно же, заинтересована и гигантская рекламная индустрия, ориентирующаяся на рейтинги телевизионных программ. Это еще больше стимулирует молодежно-подростковое направление телевидения.

Если совсем не ограничивать погоню за прибылью, многие бизнесмены и компании могут перейти все границы здравого смысла. Это известно давным-давно, и даже в самых свободных и передовых странах существуют законы, например антимонопольные, или ограничивающие процент прибыли, или устанавливающие нормы охраны труда, или обязывающие работодателей выделять определенную часть доходов на здравоохранение своих служащих. Законы эти возникли не спонтанно, а как нормальная реакция общества на злоупотребления жадных и бессовестных дельцов. Почему же не применить ту же логику в отношении дельцов от телевидения, кино, рекламы, поп-музыки?

Психология бизнеса одна и та же, будь то у торговцев спиртными напитками и сигаретами или у издателей журналов и кинопродюсеров. Но одних почему-то ограничили, а другим пока удастся этого избежать. Стоит обратить внимание и на содержание массовой культуры, на то, чему она учит. Джин Эдвард Вейт, профессор университета Конкордия пишет, например, что «сегодняшняя популярная музыка, изготавливаемая для молодежного рынка, в целом отвергает любой авторитет, прославляет внебрачные половые отношения и возводит физическое удовольствие в ранг единственного вида добра. Иногда эта музыка идет дальше, упоиваясь откровенным изображением зла».

В течение многих десятилетий либеральное государство и либеральная культура – школы, университеты, литература, искусство, социальные науки – всеми возможными путями пытались разрешить расовую проблему. Но при этом расовые и национальные различия трактуются ими как нечто эфемерное, надуманное, просто как вредный предрассудок.

В противовес либерализму следует сказать (и это подтверждается ежедневно), что культурные различия между народами бывают настолько велики, что для устранения их отрицательного влияния могут понадобиться столетия. Даже Европа, как мы это видим воочию, никак не может прийти к подлинному единству, несмотря на всю добрую волю сторон и все несомненные выгоды, проистекающие от такого единства. Более того, в Европе сегодня на повестке дня оказался вопрос сепаратизма: Испания (Каталония),

Великобритания (Шотландия), Бельгия (Фландрия). Стоит упомянуть и Канаду с ее Квебеком. Да что там Европа – Соединенные Штаты, считающие себя единым обществом, единой нацией, до сих пор не могут изжить своих местных разногласий. Вопросы федерализма, требования большей автономии для штатов в решении внутренних проблем продолжают постоянно обсуждаться и постоянно вступают в противоречие со стремлением вашингтонских властей унифицировать Америку.

Уместное отступление от главной темы. Выдающийся русский мыслитель, православный консерватор и монархист, Константин Леонтьев, как известно, делил историю практически всех государств на три фазы: 1) первоначальная простота, 2) цветущая сложность и 3) вторичное, упрощающее всесмещение (то, что получило сегодня название «глобализация»). А затем – упадок и гибель. Самая оптимальная и плодотворная часть в истории всех государств – неравноправие, разделение общества на классы, наличие привилегированной аристократии в сочетании с монархией. Леонтьев категорически отвергал демократию, республиканский образ правления, свободные выборы, конституции и прочее в том же духе. Надежда на установление социального равенства как и идея финального благоденствия в корне противоречат тому, что говорится в Евангелии. Но люди никак не могут расстаться с идеей земного рая. Даже наш пророк Федор Достоевский, в своей Пушкинской речи не смог удержаться от этого соблазна (за что и критиковался Леонтьевым). А ведь в истории именно борьба за эту несбыточную надежду повлекла за собой столько невинных жертв.

Константин Леонтьев, кстати, анализируя современную ему Европу (XIX век), утверждал неприемлемость, вредоносность для России европейской «модели». Леонтьев провел полжизни в Европе и знал, о чем говорит. Вообще, уже вскоре после смерти Петра Первого, поклонника всего европейского, появились довольно резкие отзывы о Европе, как дурном примере. Тут надо упомянуть и князя Щербатова, и Карамзина, и графа Жозефа де Местра и даже такого убежденного республиканца и бунтаря, как А. Герцен. Причиной подобного отношения было прежде всего обмирщение, секуляризация Европы, опошление всей ее культуры.

Леонтьев, разделяя во многом взгляды славянофилов, присовокуплял к недостаткам европейской модели заметный рост влияния свободно-рыночных отношений. Он применял при этом термин «подвижной капитал» – вполне современное выражение. Здесь же следует сказать, что экономические теории, ставящие во главу

угла именно необходимость «свободы передвижения» капитала во всем мире и вообще полную свободу бизнесменов распоряжаться своими предприятиями и капиталами, находятся в вопиющем противоречии с христианским учением о греховности падшего человека, о том, можно ли вообще доверить человеку полную независимость от земных властей и норм. «Невидимая рука» рынка – идея, восходящая к Адаму Смиту, – могла возникнуть лишь тогда, когда Европа была еще полностью воцерковлена, и нравственные ограничения существовали в душе каждого верующего европейца. Так что «рука» была вполне осязаема в виде индивидуальной совести человека. Но современный неолиберализм, проповедуя рыночную свободу, делает вид, будто духовное состояние нынешнего человечества ничем не отличается от его духовного состояния в XVI–XVII вв. Великая ложь!

Когда Америка была по преимуществу христианской страной, ассимилироваться, «переплавляться» было куда легче: ведь очень многое роднит иудаизм, христианство и ислам. Когда же под нажимом принудительной секуляризации произошло отделение религии от общества и государства, и религия была объявлена «частным делом» каждого индивида, тогда и были подорваны основы подлинной ассимиляции, «плавильный котел» уступил место мультикультурализму, этноцетризму и новой обособленности.

Между тем если не касаться катастрофических событий, усиливающих потоки беженцев и эмигрантов, если вспомнить статистику эмиграции в США и другие «новые» страны в XIX и начале XX в., то можно сказать, что масштаб эмиграции в пропорции к населению стран-реципиентов тогда был куда больше. Были трудности культурного характера, был расизм, была дискриминация, было разделение. Но уже во втором поколении эмигрантов наблюдалась почти полная ассимиляция. Не было ничего даже отдаленно похожего на то, что происходит сейчас – когда и второе, и даже третье поколение иммигрантов продолжают жить в изоляции, в гетто, придерживаясь привычных для них законов и правил поведения (например, шариата), самим этим фактом создавая социальные проблемы, которые общество не может разрешить иначе как путем ограничения эмиграции. И это притом, что сейчас, как и в прежние времена, приток свежей рабочей силы в западные государства, тем паче при их все более стареющем населении, с экономической точки зрения может расцениваться только положительно, особенно для таких малонаселенных стран, как Австралия или Канада.

Леонтьев гениально предвидел превращение Европы в единую федерацию, полное исчезновение национальных культур и суверенитета – все это как симптомы распада и гниения некогда великой европейской христианской культуры. И обезбоживание, де-христианизация Европы тогда же, в конце XIX в., тоже была ему ясна. Вся последующая история полностью подтвердила правоту Леонтьева.

Дело еще и в том, что под влиянием законодательства, направленного против дискриминации, законов, призванных как бы «исправить» прошлые грехи расизма, а также под воздействием широкой пропаганды мультикультурализма, второе поколение эмигрантов просто не считает нужным ассимилироваться. Доминирующая в университетах и особенно в средней школе система воспитания убеждает их, что сохранение своей культуры важнее, чем интересы всего остального общества – общества, принявшего их в свой состав.

Но страдают прежде всего их собственные интересы. Мексиканец, переселившийся в США и не желающий учить английский язык (а этот отказ поощряется всеми возможными способами), вредит самому себе, ограничивая собственные шансы и на образование, и на получение работы. Так обстоит дело не только в Америке. И главное, конечно, не в практически-материальной стороне. Стремление к самоизоляции, демонстративное неприятие преобладающей в стране культуры ведет к взаимному недоверию, расизму, ненависти. Отсюда – и многие межрасовые конфликты в США, Франции и Англии, и случаи насилия против эмигрантов и беженцев в таких странах, как Германия, и меры, применяемые против эмиграции в такой суперлиберальной стране, как Швеция.

Говоря об обществе, расколотом на отдельные, враждующие части, и о последствиях такого положения вещей, стоит иметь в виду не только Америку, о которой до сих пор шла в основном речь, но и прочие страны, испытывающие то же самое. Тут непременно нужно напомнить об американской внешнеполитической стратегии, оказывающей колоссальное влияние на весь мир, исключая, пожалуй, Китай, Вьетнам, Индию и несколько «стран-изгоев» вроде КНДР или Ирана. Речь пойдет о так называемой глобальной стратегии «управляемого хаоса», которой и руководствуется Америка в своей внешней политике уже по меньшей мере тридцать лет.

Идея относительно возможности насаждать западную демократию по всему миру (о чем говорилось выше) во многом стала

камуфляжем попыток сохранить и расширить мировую гегемонию Америки, особенно после распада СССР. Сегодня же в американских СМИ и даже в официальных документах про демократию почти никто и не вспоминает. Пишут об установлении «стабильности» в различных регионах мира, «помощи», «защите» от возможной агрессии (чаще всего со стороны России или так называемых «государств-изгоев»). Но вы не найдете ни слова о стратегии «управляемого хаоса», не прочитаете о ней даже в самых серьезных американских журналах, не услышите в телевизионных ток-шоу.

На этот термин наложено самое настоящее табу, хотя результаты «управляемого хаоса» до сих пор были более чем успешны во многих уголках мира, прежде всего – в России. Тем не менее ряд неофициальных источников информации, особенно интернетовских, уделяют анализу теории и практики «управляемого хаоса» все больше внимания. Например, информационный веб-сайт «SouthFront», находящийся сегодня в ситуации, близкой российскому телеканалу и веб-сайту «RT news», т.е. фактически под пристальным вниманием американских служб безопасности (незвизрая на Первую поправку к Конституции США).

Нам хотелось бы привести здесь фрагменты материала с интернет-сайта South Front, помещенного там в начале 2016 г. Автор – проф. Владимир Прав. Он считает, что одним из создателей новой стратегии, направленной на защиту глобальных интересов США, был некто Стивен Манн, американский дипломат, много лет занимавший различные посты в странах Третьего мира, в России и в бывших советских республиках и опубликовавший в 1992 г. статью под названием «Теория хаоса и стратегическая мысль». В этой статье Манн предлагает следующий тезис: «Мы можем многое понять, если будем рассматривать хаос и процессы реорганизации в качестве удобных факторов, вместо того, чтобы добиваться стабильности в качестве иллюзорной цели...»; «Мир обречен быть хаотичным, поскольку многие действующие в политической жизни лица имеют различные цели и ценности».

Главная задача, вытекающая из размышлений Манна, заключается в том, чтобы привести сокрушаемую систему в «политически кризисное» состояние. Тогда, при наличии определенных условий, система неизбежно придет к хаосу и «трансформации... Таким образом может быть обеспечена наша национальная безопасность...».

«В наше время используется целый набор средств для осуществления и продолжения политики “управляемого хаоса” в от-

дельных экономиках и обществах в процессе геополитической борьбы...», – считает В. Прав. И пишет далее:

«Согласно этой теории, разложение существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций может быть достигнуто путем:

- деидеологизации населения;
- избавления от “балласта” уже существующих ценностей и замены их нашим собственным набором;
- повышения материальных упований, особенно среди элит;
- утраты суверенного контроля над экономикой и его полного уничтожения;
- незаконных действий якобы спонтанных движений, зачастую имеющих этнический или религиозный характер.

При успешном осуществлении данные ключевые меры ведут к “цветным революциям”.

Теория “управляемого хаоса” основана на переформатировании массового сознания, мировоззрения и духовной сферы посредством современных методов манипулирования индивидами. Это, по сути, – глобальная психологическая операция, элемент глобализации, разрушающий культуру солидарности и подменяющий ее культом денег и социал-дарвинистских стереотипов в области общественной жизни. Таким путем способность масс оказывать организованное сопротивление внешнему давлению сводится на нет.

Эффект подобных технологий позволяет организаторам “управляемого хаоса” добиваться двух целей:

Уменьшать численность населения на территориях, не подчиняющихся архитекторам нового мирового порядка. Неолиберальные реформы приводят к демографической катастрофе путем снижения уровня рождаемости и увеличения смертности. Сексуальная революция, пропаганда гедонизма, индивидуализма и консьюмеризма сокращают уровень рождаемости. Социал-дарвинизм с его безразличием к страданиям ближних увеличивает смертность. Множество бедных и бездомных людей становятся по существу жертвами скрытой эвтаназии, поскольку обречено на более раннюю смерть. И число таких людей растет.

Задача уничтожения национальных государств путем установления над ними власти переходит в руки транснациональных корпораций, криминальных синдикатов, наднациональных организаций и учреждений, находящихся в услужении тех, кто осуществляет технологии контролируемого хаоса. Цель достигается

комбинацией “мягкой власти” с варварской военной агрессией (Югославия, Ирак, Ливия). В целом облегчается контроль агрессора над финансовыми, военными и информационными ресурсами его жертв.

Следует отметить, что экономики США и Евросоюза растут не путем увеличения собственного уровня производства, но через перераспределение богатства между сильными и слабыми государствами. Это достигается ослаблением национальных государств (обычно путем втягивания их в долговую яму), приватизацией и покупкой всевозможных видов национальных авуаров, включая природные (яркий пример: Россия, страны бывшего «соцлагеря», прибалтийские страны, Сербия, Молдова, Грузия, Украина). Под давлением финансовых институтов национальное государство становится инструментом подобного типа глобализации, осуществляя неконтролируемую приватизацию, сокращение расходов на социальные нужды, на потребности науки и культуры. Соединенные Штаты также организуют массовые и нелегальные миграции, с неизбежным удешевлением рабочей силы и лишением мигрантов-рабочих всяких прав. Сочетание этих действий лишает заданное государство его способности функционировать в качестве международного действующего лица. Это – один из неправовых путей отделаться от экономической конкуренции.

В результате:

Государство-жертва перестает быть самоуправляемым, у него отсутствует стратегия развития и оно не может обеспечить пристойные условия жизни для своих граждан и гарантировать им конституционные права.

Коррупцированные чиновники играют ключевую роль в управлении экономикой и обществом.

Средний класс постепенно исчезает, он дезорганизован и отчужден.

От политических партий и движений остаются лишь фасады.

Общественные движения не имеют никакого влияния на политику.

Граждане становятся пассивными и начинают испытывать серьезные проблемы самоидентификации (государственные, этнические, семейные).

Рассмотрим несколько примеров осуществления управляемого хаоса, направленного на уничтожение основ национальной независимости.

1. Нейтрализация возможностей развития.

– Разрушение органов государственной политики путем насаждения агентов влияния.

– Инфицирование путем коррупции, поддержка культа денег.

– Бюрократизация государственных органов.

– Отстранение научного сообщества от всякого влияния на политику страны.

– Внедрение мифа: «рынок все поставит на свои места».

2. Блокировка сопротивляемости.

– Массовый экспорт религиозных культов.

– Применение политтехнологий в избирательных кампаниях.

– Превращение средств массовой информации в сектор рынка.

– Поощрение примитивной массовой культуры.

3. Разрушение коммуникативных связей.

– Культ индивидуализма в неолиберальном духе, атомизация общества.

– Разрушение транспортных систем.

– Поддержка этнических и религиозных конфликтов.

– Классовый барьер между богатыми и бедными.

– Конфликт между поколениями.

4. Снижение способности влиять на ход событий.

– Использование манипулятивных методов в избирательных кампаниях.

– Гонения на независимые СМИ.

– Поощрение коррупции и криминализации.

5. Непосредственные преграды к развитию.

– Разрушение собственного научного потенциала и системы образования.

– Поощрение деиндустриализации.

– Устранение любого контроля над капиталом.

– Кредитная зависимость от международной финансовой системы.

– Невозможность сопротивляться зависимости от импорта.

– Ликвидация активного участия общества в развитии страны.

В итоге:

США сегодня стоят во главе использования инструментов «управляемого хаоса» с целью контролировать страну или регион и не допустить их собственных рычагов развития. Управляемый хаос есть де-факто неокOLONиализм, превращающий страны в поставщиков сырья для Первого мира. Он насаждает хищнические отношения в торговле и приобретении собственности.

Использование управляемого хаоса противоречит международным нормам невмешательства во внутренние дела государств. Это значит, что существуют основания для запрета и международного контроля над этими геополитическими технологиями. На протяжении нескольких последних десятилетий целый ряд стран выступали в пользу обеспечения информационной безопасности посредством юридических соглашений. Теперь они могли бы принять схожие меры по отношению к технологиям «управляемого хаоса».

РАЗДЕЛ III. УКРАИНА, ОДЕССА

Игорь Плисюк*

ОДЕССА: БОГАТАЯ ДОЧЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И БЕСПРИДАНИЦА УКРАИНЫ

...Итак, Одесса, по инерции все еще порой именуемая «Южной Пальмирой». Что осталось от ее былой славы и процветания после всего-то четверти века пребывания в независимой Украине? Что принес ей отрыв от матушки-России, породившей ее, а потом и от Советского Союза, незадачливо одарившего новосозданную СССР исторически и культурно с ней не связанной «третьей столицей империи»? И, самое главное, каковы перспективы города, еще совсем недавно по праву претендовавшего на титул самого европейского из городов и старой России, и равноправного Союза, и новой Украины?

Прекрасное начало

Зачем, в сущности, была основана Одесса на месте жалкой турецкой крепостцы Ени-Дунья? Ответ прост и ясен: если Петр Великий с боями прорубил «Окно в Европу» на севере своей только рождавшейся империи, то Екатерина Великая – чинно со-творила южные врата уже состоявшейся империи, желая максимально использовать все преференции расширения оной. На Юге державы был создан порт, который должен был, с одной стороны,

* *Плисюк Игорь Васильевич*, коренной одессит (1961 г.р.) журналист, выпускник Одесского мединститута, автор телепрограмм по истории; до 2014 г. – заведомом в «Одесском вестнике». В последние годы – независимый журналист, собкор. Севастопольского сайта «Политнавигатор». – Режим доступа: <https://www.politnavigator.net>, где и публикуется данная статья. См. также: <http://www.politnavigator.net/igor-plisyuk>

открыть путь русскому хлебу, салу и прочей продукции страны на рынки Турции, Леванта и всего Средиземноморья. Причем, с перспективой расширения связей вплоть до Америки... С другой же стороны, через него хлынул товарный поток: от «колониальных» – пряностей да экзотических фруктов, вин – до продуктов современной европейской технологии – французской и британской мануфактуры, механики, сельхозтехники.

Город рос вокруг порта, бывшего его сердцем. Смыслом появления на свет Божий. И уже буквально через пару десятилетий после своего основания, Одесса не только перешла из разряда дотационных проектов на самоокупаемость, но и стала приносить весомую прибыль в казну. В лучшие времена ее существования в XIX в. городской бюджет получал до 85% своего наполнения за счет серьезной доли от разнообразных таможенных и портовых и «хлебных» (от экспорта зерна) сборов, шедших туда напрямую, минуя центр. Это положение началось со времен знаменитого герцога Ришелье, генерал-губернатора Новороссии и устроителя города в начале XIX в., и продолжалось в разных формах до конца царской эпохи. Держава давала развиваться своей богатевшей на глазах дочери. Причем, с самого начала города его наделенные огромными полномочиями и правами властители применяли то, что ныне именуется комплексным подходом. Есть порт? – Должен быть и свой флот, который станет приносить прибыли отечественным судовладельцам. Есть импортные и экспортные товары? – Местные предприниматели и казна могут и будут получать профит от их переработки вблизи порта, отправляя за кордон и в метрополию не только сырье, но и готовые к употреблению товары. Именно это разностороннее развитие города позволяло ему с минимальными потерями переживать кризисные периоды – как, к примеру, Крымскую войну, в результате коей хлебный экспорт, бывший краеугольным камнем благосостояния, пошел на спад.

Уже к пресловутому 1913 году Одесса была не только городом-портом, но и портом приписки сотен судов нескольких мощных пароходных компаний, осуществлявших грузовые и пассажирские перевозки по всем направлениям – от ближнего Средиземноморья – до Америки и Дальнего Востока. И одновременно – крупным промышленным центром с развитой инфраструктурой.

Я сознательно не затрагиваю советскую эпоху, отметив лишь две основные тенденции. С одной стороны, при Советах продолжалось комплексное, разностороннее развитие города по всем направлениям, заложенным еще его отцами-основателями. С другой

стороны, оказавшись в составе Украины, Одесса навсегда утратила прямое поступление налогов в городскую казну, получив двух «хозяев-посредников» – Киев и Москву...

И настала «незалежность»...

Четверть века разграбления

Именно так без всякого преувеличения можно назвать сей период новейшей истории нашего города. Получив в наследство от Союза разносторонне развитую экономику, Украина начала форменное расточение нажитого трудом и талантами предков. И Одесса стала концентрированным олицетворением сего бездумного и хищнического, антигосударственного подхода, парадоксально подтверждая навязываемый нам трескучий лозунг «патриотов»: «Одеса – це Україна». Да, в плане того, как за минимальный промежуток времени процветающий город оказался лишенным основных своих источников существования, а его жители – потеряли и работу, и надежду на будущее, наш город показателен именно как областной центр «незалежной державы».

Первым делом было разделено на акционерные компании, доведенные до банкротства, крупнейшее в *мире* Черноморское морское пароходство, в 1991 г. насчитывавшее порядка 400 судов. От пассажирских лайнеров до грузовых судов всех типов. И провернули эту мегааферу при первом президенте Кравчуке, причем при его непосредственном участии. Отнюдь не бескорыстно... Уничтожены были и мощная рыболовецкая флотилия «Антарктика», и китобойный флот.

Десятки заводов, работавших и на весь Союз, и на ближнее, а порой, и дальнее зарубежье, быстро и весело, путем липовых приватизаций и рейдерских захватов, сошли на нет. «ЗОР» и «Продмаш», снабжавшие сельхозтехникой и современными плугами весь юг Союза и страны бывшего соцлагеря. «Краян», делавший современные порталные краны. «Агаровый», снабжавший уникальным агар-агаром кондитерскую промышленность и бывший основной продуктов для космонавтов... Перечислять можно долго. А итог страшен: разрыв связей с бывшими советскими республиками, и прежде всего Россией, плюс – форменное расточение местных и киевских властей, в индустриальном плане отбросили Одессу (как и всю Украину!) едва ли не ко временам начала позапрошлого века. И это – при миллионе жителей, потерявших возможность применить свою высокую профессиональную квалификацию и образование.

Порт – тоже терял грузооборот по вполне понятным причинам. В последние же три года – его утраты за счет разрыва связей с Россией и потери перевалки грузов из нее и в нее составляют что-то порядка шести-, а то и семизначных цифр. Наглухо встал Припортовый завод в городе-спутнике Одессы Южном, ведь он и был основан для переработки аммиака, шедшего по трубам из России. Стоит нефтеперерабатывающий завод. Замер Кабельный завод...

И даже знаменитый одесский «Толчок», «7-й километр», самый большой в Европе оптово-розничный рынок промтоваров, переживает стагнацию, за эти годы потеряв клиентов юга России, бывших его постоянными и крупнейшими закупщиками.

Последние же три года нанесли Одессе удары особой силы. Ведь она стремительно теряет сам смысл своего существования – роль города-порта и посредника между едва ли не половиной мира и Россией. Россия-то находила иные пути экспорта и импорта, но что остается нам?! – Роль былой богатой барышни, которую алчные и неразумные опекуны-оккупанты буквально толкают на паперть или панель. Причем эти «отцы нации» в своем варварском подходе, казалось бы, к неисчерпаемому источнику процветания, кое в чем превзошли даже румынских оккупантов. Те ведь, при всем своем хищничестве, норовили использовать все, что могло давать им прибыль, возомнив себя хозяевами Одессы. Эти – тупо грабят и разоряют ее, в предыдущие три года отрубив последние источники – остатки старых, наработанных связей с Россией. Страной, бывшей матерью нашего города.

Ретроспектива. Просветители и меценаты

Уже начиная с Ришелье, в Одессе развивалась не только основа экономического успеха – порт и флот, но и просвещение и культура. Основывались гимназии и школы. Уже в 1809 г. был открыт первый городской театр. Всячески поощрялась книготорговля, изыскания ученых и издательская деятельность. И благодаря заложенному незабвенными Дюком и графом Воронцовым фундаменту мудрой заботы не только об экономике, но и просвещении, к концу имперской эпохи Одесса была городом университетским, прославленным своими учеными мужами. Достаточно вспомнить труды Мечникова и Гамалеи по открытию в 1886 г. первой в России Пастеровской станции, боровшейся с бешенством. Созданной, прошу заметить, на деньги многолетнего городского

головой Григория Маразли, богатейшего мецената, изрядную долю своего состояния отдавшего на благо родного города. И имен тех, кто жертвовал огромные деньги на благие дела создания больниц и учебных заведений, музеев и общедоступных библиотек, можно привести десятки.

Здесь издавалось не меньше газет и журналов, чем в столице. Всего-то за столетие здесь появились и своеобразная Южнорусская школа живописи, и не менее оригинальная литература, и множество направлений науки как теоретической, так и прикладной. И самые знаменитые артисты и музыканты России и Европы считали признание одесской театральной публикой залогом мирового успеха.

Послереволюционная же эпоха нанесла городу первый, тяжелый удар. Разом из «третьей столицы империи», Южная Пальмира превратилась в обычный областной центр Украины, щедрой рукой Ленина и компании отданная новоявленной республике. И к потерям войн Мировой да Гражданской, эпидемий да эмиграции, прибавился массовый исход из города деятелей культуры, не желавших подвергаться убогой украинизации. Катаев, Ильф, Петров, Бабель, Утесов, Славин, Багрицкий... список их велик. Те, кто прославили свою колыбель вдали от нее, до конца жизни храня истинный облик многоцветной, разноплеменной, а не хуторянской, вынужденно погруженной в казенное украиноязычие, Одессы...

Но так или иначе город развивался, хотя его культурная часть была еще с тех пор отдана на откуп выходцам из сельской глубинки, компенсировавшим отсутствие таланта «правильным происхождением». А посему, к приснопамятному 1991-му были здесь и вузы, готовившие специалистов не только для Союза, но и для многих зарубежных стран. Было множество НИИ, работавших в прямой преемственности внедрения своих разработок с производством – что здесь, что по всему Союзу. Работали театры, снимала фильмы киностудия. И была все еще славная медицинская научная и практическая традиция. Но руководство творческими союзами и большинство ключевых постов были в руках отнюдь не одесситов, редких среди них, как негры в «Ку-Клукс-Клане».

И пришла «свобода»...

Расточители и рейдеры

...И под звучными лозунгами «приватизации в демократической державе» была угроблена львиная доля НИИ, трудившихся ради практического воплощения своих разработок далеко за пре-

делами Украины, а порой и Союза. К примеру, уже в 2007 г., после разнообразных манипуляций с акционированием, рейдерским захватом был уничтожен процветавший в советское время институт московского подчинения НИИССЛ, который занимался разработкой специальных сплавов и методов литья и имел свой экспериментальный завод. Ныне – его пустые корпуса мрачно смотрят на еврейское кладбище, что напротив.

Та же судьба постигла и многие другие центры прикладной и теоретической науки, приносившие стране и городу славу и прибыль. Чудом уцелел лишь Физико-химический институт имени академика Богатского, когда-то знаменитый своими разработками нового поколения транквилизаторов – к примеру, феназепам. Заметим, эти препараты, как и многие другие – витамины, средства тканевой терапии – плоды научной школы академика Филатова и института его имени, выпускались на одесском заводе «Биостимулятор», тоже ныне загубленном «державной политикой поддержки отечественного производителя»... Институт же Богатского – держится на плаву, работая на голландскую фармацевтическую фирму. Украине отечественные лекарства не нужны.

Не лучше и положение с просвещением. Десять с лишним вузов города с каждым годом сокращают набор бюджетников, окончательно превращаясь в коммерческие предприятия. Достаточно пройти в учебное время мимо иных «кузниц национальных кадров», чтобы понять: большая часть студентов – иностранцы. Впрочем, и те порой возмущаются непомерными поборами помимо законной платы за обучение.

«Культурка» и массы

А культура?! – Старейшая в стране Одесская киностудия давным-давно не снимает фильмов, попав в цепкие лапы господ акционеров и став площадкой для коммерческих ярмарок. И если еще недавно ее квалифицированные специалисты могли хоть в съемочный сезон заработать у заезжих российских кинематографистов, то сегодня сие невозможно. И погублена на корню идея создания «Ликвидации-2», продолжения легендарного сериала, поелику Владимир Машков украинским националистам не угоден... Не стану говорить и о кинофестивале: с каждым годом он все провинциальней и беднее.

Гастроли в Одессе стали еще одним позорищем – ведь выступления даже неугодных украинских артистов срываются улич-

ными «патриотами-активистами», под политическим соусом требующими с устроителей банальной мзды. И отменяются, из-за угроз тех же горлопанов, спектакли российской актрисы, одеситки Нонны Гришаевой, позорно прерываются представления даже таких «либеральных» актеров, как Константин Райкин.

Оптимисты-бодрячки внушают нам: ничего, сделаем из Одессы мировой туристический центр! Вынесем к лешему из центра порт, застроим Пересыпь отелями мирового уровня, тут к нам туристы и повалят! Тихо молчу на предмет того, что только полные безумцы из-за кордона станут инвестировать в абсолютно ненадежную и нестабильную страну огромные вложения. Не говорю и о том, что за последние три года мы уже потеряли основную массу непрехотливых российских туристов, приносивших и городу и его жителям существенные средства. А заменили их форменные *дикари* в обоих смыслах этого слова. «Вуйки з полонин» и прочей украинской глубинки буквально заполонили своими палаточными таборами все побережье от Фонтана до Лузановки, загавив его до невозможности... Наглые и скупые, они даже в недорогие кафешки норовят пролезть со своими припасами. О гигиене умолчу... А западные туристы встречаются все реже. Круизные лайнеры, которые в былое время порой приходили в наш порт едва ли не ежедневно, теперь здесь весьма редкие гости. Обстановка в стране и городе не располагает к вальяжному отдыху. Да и зрелище разрушающихся на глазах памятников былой архитектурной красоты на фоне растущих на глазах уродливых небоскребов, к созерцанию и восторгам не располагает.

Увы, Одесса гибнет на глазах. Былая богатая наследница Империи превратилась в разоренную и нищающую бесприданницу, потерявшей рассудок и элементарный прагматизм, Украины. И она концентрирует в себе все то, что принесли ей и четверть века «самостийности», и последние три года полной вакханалии саморазрушения. Не нужна ее хозяевам ни процветающая страна, ни ее когда-то самый европейский город. Им нужно все дограбить и разорить. Выжечь дотла тех, кто выжил в кроваво-огненной гекатомбе «Одесской Хатыни» 2 мая 2014 г., положившей начало новому этапу убийства духа города. Выкорчевать остатки русской культуры, языка, цивилизации... Но каково это нам, помнящим и пытающимся сохранить остатки былой славы Одессы? Ведь с таким настоящим мы и наши дети лишаемся и прошлого, и будущего!

Дарья Свиридова*
ОНИ ПОГИБЛИ ЗА МЕЧТУ

Я живу в одесских Черёмушках. Невдалеке от моего дома – парк культуры и отдыха, который до сих пор, вопреки проводимой «декоммунизации», носит имя пролетарского писателя Максима Горького. То ли руки у властей еще не дошли до переименования, то ли принято мудрое решение не покушаться на один из городских брендов, дабы не вызвать общественного возмущения.

Посреди парка стоит популярный в городе кинотеатр «Москва». Вернее, «Москвой» он звался до осени прошлого года. Последние несколько лет я, прогуливаясь по здешним аллеям, всякий раз навевдалась в этот уголок и дивилась нерасторопности «декоммунизаторов», оставляющих без внимания столь вопиющий факт. И вот в прошлом году, наконец, свершилось. К директору кинотеатра явились «двое из ларца» и прозрачно намекнули, что, дескать, в городе участились случаи возгорания и, если кинотеатр в срочном порядке не перестанет носить «вражеское» название, то не исключено, что вскоре и называть будет нечего. Директор, будучи убежденным «ватником» и «сепаратистом», разразился негодующим постом в соцсетях, но скандальные «имперские» буквы с фасада здания все-таки были сняты. От греха подальше. Теперь на их месте сереет пустая железка, над которой торжествующе реет желто-голубой прапор.

«Ну и правильно, – деловито прокомментировала инцидент моя подруга. – Кино все на украинском, при чем же тут Москва? Надо назвать “Галичина” или “Майдан”, будет в самый раз». И в ответ на мои вздохи добавила: «Да ну его. Во-первых, люди все равно называют по-старому. И будут так называть, не сомневайся.

* Свиридова Дарья, известная журналистка, живет в Одесской области.

Даже если те назовут по-новому. Так же, как и улицы. Ну, кто их зовет этими новыми бандеровскими кликухами? Разве что сами бандеровцы... А во-вторых, ты что, в этот кинотеатр ходишь? Тебе не все равно?»

Не хожу. Ни в этот, ни в другой, ни в третий. Но мне не все равно. Пока еще не все равно. И не в кинотеатре, конечно, дело. Кинотеатр – мелочь, пустяк. Но пустяк показательный, характерный. Таких «пустяков» много в жизни нынешней Одессы. Именно они, складываясь воедино, составляют среду ее обитания. Эта среда груба, глупа, агрессивна. Она абсолютно чужда веселому солнечному нраву города. Она навязана ему извне и губительна для него. Одолеть ее в одиночку невозможно, а ждать помощи неоткуда.

Данная ситуация рождает тяжкую душевную усталость у всех, кто любит этот город и причастен его судьбе. Вероятно, это та самая усталость, которую психологи называют «эмоциональным выгоранием». Когда выгорают эмоции, становится все равно.

Я прислушиваюсь к себе, слежу за своей внутренней «температурой». И меня радует мой эмоциональный «жар» в ответ на те или иные «пустяки». Значит, думаю я, на донышке души еще тлеет слабая искра надежды, освещающая своим светом мое тусклое, усталое бытие.

Недавно, накануне майских праздников, парк «заминировали». То есть предполагаемый злоумышленник позвонил куда следует и сообщил, что там-то и там-то заложена бомба. Обычная, будничная по нашим временам практика. До этого «минировали» в основном суды и вокзал с аэропортом. Парк – это ноу-хау, следующий шаг на пути обещанной европеизации.

Оградительные ленты, полицейские с собаками, испуганные мамы с колясками, торопливо покидающие насиженные парковые лавочки. На крайней скамейке, у самого входа, расположился валяжный аккордеонист в широкополой шляпе и невозмутимо наигрывает мелодию из «Шербурских зонтиков». Присаживаюсь рядом, слушаю.

– Ну что, мадам, как вы можете видеть, шоу продолжается, – с грустной улыбкой говорит музыкант. Я молча улыбаюсь в ответ. – Вы же понимаете, – продолжает он, – скоро 2 мая, потом 9-е. Надо чтоб в городе был непрерывный хипиш. Надо чтоб мы боялись...

Я понимаю. Много ли нас, понимающих? Думаю, что немало. Ведь те люди – тысячи, десятки тысяч, – что выходили на Куликово поле и участвовали в маршах Русской весны, никуда не делись. Они по-прежнему живут в Одессе. За исключением погибших, посаженных, эмигрировавших, уехавших добровольцами на Донбасс. Но это все-таки малая часть. Куда больше их осталось в родном городе. Это «свои», это «наши». Это про них написал один современный поэт: «А наши не придут, все наши – это мы». Они долго жили иллюзиями и ждали чуда. Они устали от ожидания и «эмоционально выгорели». Окончательно осознав, что «наши не придут», они растворились в толпе и живут заботой о хлебе насущном, стараясь не вспоминать «время больших ожиданий».

Они вспоминают о нем два раза в году – 2 и 9 мая. В эти дни они словно оживают, пробуждаются от бредового сна, в который превратилась окружающая их действительность. Они снова вместе, среди своих, – сперва на самодельном мемориале у Дома профсоюзов, а через неделю – на Аллее Славы, у памятника Неизвестному матросу, куда теперь ходят даже те, кто прежде относился ко Дню Победы формально, не воспринимая «официальную часть», просто радуясь выходному дню. Праздник, лишенный официоза, оболганный и уже почти отнятый у них, моментально стал любимым и всенародным.

Их глаза снова блестят, почти как четыре года назад. Но это уже не радостный блеск наивных упований – жарких, скороспелых и потому неизбежно поникших под пятой циничной реальности. Это горький отсвет скорби и памяти, обманутых надежд и преданных идеалов. А еще это глубинная, выстраданная сердцем мечта увидеть свой город свободным, сбросившим гнетущее бремя темного, узколобого хуторянства и расправившим легкие крылья над шумливой морской волной. Эта мечта, похоже, столь же несбыточная, сколь недостижимо чеховское «небо в алмазах», все еще неистребима в сердцах одесситов. Возможно, только ею они и живы.

Как ни странно, в этом году 2 мая обошлось без традиционного «минирования» Куликова поля. Не считая привычных уже металлоискателей и вяло шарящих по сумкам полицейских, никаких препятствий на нашем пути не было. Не было ни прошлогодних снайперов на крыше ближайшей высотки, ни стоящих по периметру «патриотов» в футболках с надписью «Смерть русне». Зато были кружащие над нами фотографирующие беспилотники, на одном из которых угрожающе развевался черно-красный флаг

«Правого сектора». Чтоб не забывал, дескать, город у моря с ненавистным имперским прошлым, кто в нем теперь хозяин. Безработные сельские неучи, после «майдана» «выбившиеся в люди» и почувствовавшие свою общественную значимость, за четыре года так и не поняли, что они никакие не хозяева, а лишь цепные псы настоящих хозяев. Сегодня те бросают им кость и треплют по заливку, а завтра вытравят за ненадобностью и не вспомнят, как звали их обнаглевшую от вседозволенности свору, которую сами же и выкормили. Но эта простая истина не проникает в их дремучие головы, набитые русофобскими клише. Сегодня они при деле, при том единственном деле, которое им мало-мальски удастся и за которое хорошо платят, – кошмарить и устрашать недобитую «вату».

Дальше все как всегда: возложение цветов к импровизированному мемориалу, поминальная молитва, прибытие на специальном автобусе матерей и жен погибших, короткие речи, черные шары и белые голуби в безоблачном майском небе... И провокаторы, провокаторы, снующие в толпе, как шакалы в поисках добычи. Они из года в год устраивают одни и те же постановочные стычки для телекамер, которых здесь тоже огромное множество. Делается это следующим образом. Кто-то, к примеру, бросает оскорбительную реплику в адрес одной из матерей, и на него тут же набрасываются и без того наэлектризованные друзья и родственники убитых. Боевой отряд журналистов уже тут как тут, «горячий» репортаж готов. Его «коллега» между тем выкрикивает что-то вроде «Да здравствует Путин», и его незамедлительно берут в оборот бравые хлопцы в вышиванках. Щелкопёры опять не дремлют, раскручивается еще одна жгучая тема...

– Пойдём отсюда, – говорю я. – Нет уже сил смотреть этот спектакль. Каждый год одно и то же, сколько же можно... Мы устало бредем к выходу. Мы привыкли к этому безобразному представлению, приняохались к его тошнотворному запаху. Оно стало нашей обыденностью, и от этого еще тошнотворнее, еще тяжелей на сердце.

– Послушай, – вдруг срывается на крик моя обычно сдержанная, ироничная подруга, – за что погибли эти люди в 14-м году? За что могли погибнуть мы, лишь по счастливой случайности не оказавшиеся тогда в этом проклятом доме? Ведь ничего не меняется. И не изменится. И никто не ответит за их смерть. Потому что никому ничего не нужно, кроме денег. Деньги, всюду одни деньги... С каждым можно договориться, каждого можно купить. Дело только в цене. ...Неужели же за все это?.. И она беспомощно раз-

водит руками. Это риторический вопрос, давно уже не требующий ответа. И все же я мысленно отвечаю ей.

Они погибли... по роковому стечению обстоятельств; по собственной наивности и неопытности; по злой воле одних и преступному малодушию других, которые сначала обнадежили и повели их, а потом предали и бросили на съеденье зверью. Одних купили, другими расплатились, – что тут, в сущности, особенного? Так говорит мой рассудок и мой четырехлетний опыт жизни в «королевстве кривых зеркал».

Но сердце мое говорит иначе. Они погибли за мечту. За прекрасную мечту о прекрасном городе, свободном от нелюдей и подонков. Пусть этот город, родивший на своем веку немало мифов и сам уже ставший мифом, пополнится еще одним – мифом о героях 2 мая. О мучениках идеи. О последних романтиках, бесстрашных и бескомпромиссных, отдавших жизнь за то, что нельзя купить за деньги. Ведь надо же оставить потомкам хоть какое-то высокое свидетельство о нашей ничтожной эпохе...

Май-июнь 2018

Вера Зубарева*
САМСОН И СОЛОМОН

К вопросу о противостоянии одесситов

Я родилась в Одессе на Куликовом поле. Так мне говорила мама, имея в виду роддом на Куликовом.

Про роддомы я тогда не понимала, а про Куликово слыхала от взрослых в связи с битвой. Поскольку исторические подробности мне тогда еще были неведомы, я считала, что поле называется «Кулаковым», и была убеждена, что родилась в разгар кулачной битвы. И я была не так уж далека от истины. По воспоминаниям моей подруги – одесской поэтессы Ирины Дубровской, ссылавшейся на рассказы ее отца – после войны это было довольно мрачное место, называвшееся «Куликовским кладбищем», место ожесточенных «пацанских» драк, стенка на стенку, в которых ее отец, конечно же, принимал участие.

В мое время на Куликовом уже было красиво, цивильно, высился Дом Профсоюзов. Мама по долгу службы нередко посещала его, а мы с одноклассниками ошивались на аллейке перед площадью. Куликово было местом романтических свиданий, интриг, состязаний в остроумии и драм подросткового периода. Жизнь при дворе какого-нибудь Людовика Надцатого вряд ли была более на-

* *Зубарева Вера Кимовна*, Ph.D. Пенсильванского университета. Автор монографий, а также книг поэзии и прозы. Первый лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной, лауреат Муниципальной премии им. Константина Паустовского, Третьего Международного конкурса им. Александра Куприна и других международных литературных премий. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «День и ночь», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостиная», президент литобъединения ОРЛИТА.

сыщенной, чем эта, которая нет-нет, да и вторгнется без предупреждения в какой-нибудь из сегодняшних снов.

Куликово осталось таким навсегда – местом свободы, местом мечты. Для подростков и взрослых. Для одесситов. Поэтому, когда тех, кто собирался на Куликовом уже после нас, стали гнать в Дом Профсоюзов под предлогом укрытия, я оказалась в их рядах. И я прошла сквозь все, сквозь них, сквозь себя. Я этого не хотела. Но меня никто и не спрашивал.

Я родилась в Одессе на Куликовом, и 2-го мая я всегда зажигаю СВЕЧУ.

Май месяц в Одессе ознаменован двумя датами – датой скорби и датой радости. Мой отец, прошедший Великую Отечественную войну, был причастен к дате радости. Он ушел из жизни задолго до 2-го мая 2014 года, и страшные события не успели омрачить его при жизни. Но я знаю, что там, где он сейчас, скорбь велика. Мученики, сожженные заживо, изувеченные, застреленные и добитые при попытке спастись... Последнее, что видели они в своей земной жизни, это ад, вырывающийся из пасти добывающих их. Этот ад ходит и сегодня по улицам Одессы, опалая своим дыханием настоящее, заставляя Город жить в позе зародыша.

Те, кто содеял это, не уйдут от ответа. Мне все равно, к каким политическим группировкам они принадлежали. Для меня все они вместе взятые – и руководители, и исполнители, и те, кто хочет все это замять и обелить, – против Бога. Им всем, я уверена, вынесен Высший приговор. И он обжалованию не подлежит.

Мне приходилось не раз слышать высказывания о том, что, мол, мешанский менталитет одесситов не позволяет им открыто отстаивать свой город. Они, мол, предпочитают вольготную жизнь борьбе, невзирая на одесскую Хатынь 2-го мая 2014 года. Здесь мне хотелось бы внести маленькое, но существенное уточнение: не «невзирая», а «вопреки». Одесса процветает и остается жемчужиной у моря *вопреки* тому, что с ней содеяли. Но можете быть уверены – у одесситов цепкая историческая память. Здесь даром никому ничего не проходит. Если сомневаетесь – полистайте историю. И нужно признать, одесситы всегда творчески подходили к задаче. Ну вот, например, 3 сентября 1941-го года такое послание румынскому султану, то бишь, Антонеску, отправили:

...Не тебе с дурною головою выступать против нас войною.
Огнем и мечом расправимся с тобою...
...Об этом ты, фашистский холуй, и Гитлеру отрапортуешь...

Потом, правда, Одессу все же оккупировали, но мало оккупантам не показалось. При румынах Одесса тоже вроде бы не загибалась – и театр был полон, и рестораны блистали. Любимый Город берегли, как могли. И это тоже было частью противостояния. Пожалуй, одной из главных.

Одессу голыми руками не возьмешь. Она нокаутирует в белых перчатках. И не только. Возьмите, к примеру, хоть такое новое охранное агентство как «Самсон», чье название говорит уже само за себя. «Мы оказываем качественные охранные услуги с использованием современных технических средств безопасности, автотранспорта, связи, вооружения и спецсредств», – значится на главной странице. Директор – 26-летний Андрей Васильевич Бабенко, бывший «беркутовец». «Самсон» – это его прозвище, по одной версии, а по версии самого Бабенко, это имя его сына. Уже бегло брошенный взгляд на фото директора заставит призадуматься того, у кого есть хоть какие-то минимальные мыслительные способности. В мае этого года, например, группа дала оторваться активистам, требующим у одного дилера 100 тысяч долларов, якобы, в качестве благотворительного взноса «на нужды украинских патриотов, воюющих добровольцами на Донбассе против сепаратистов». Сам дилер, гражданин Израиля, урожденный одессит, был остановлен этими активистами 2 мая на Куликовом поле, куда пришел – подумать только! – возложить цветы погибшим. Денег они, само собой, не поимели, но зато поимели немало нелестных слов в адрес своего босса, и дело, разумеется, на этом не закончилось. 24-го июня была совершена попытка взорвать Бабенко и его семью. Продолжение следует.

Понятно, что в данном случае никто не борется ни за какую Одессу. У каждого – свои клиенты и желание заработать. Но симпатии на стороне «Самсона» и его клиента, пришедшего с цветами на Куликово, догадайтесь, почему. Войны при этом, заметьте, нет, есть разборки на местном уровне. До солдат с автоматами, снайперов и иностранных танков дело не доходит.

Настоящий одессит – это настоящая мать из притчи о Соломоне и двух матерях. Как настоящая мать не позволит разорвать свое дитя, так и настоящий одессит не даст разорвать свой Город.

Он будет способствовать тому, чтобы Город функционировал и процветал в самые темные исторические периоды. Это касается не только бизнеса, но и литературы и искусства, без которых артистичный, творческий дух Одессы немыслим. Поэтому я вполне обоснованно верю в то, что у Одессы есть солнечное завтра вопреки некоторым прогнозам погоды, обещающим затяжную облачность. Не может город, основанный на идее свободного рынка, на уважении к коммерции и искусствам (!), превратиться в пыльный уездный пригород с ментальностью заезжего обывателя. Не будем щеголять лестными для каждого одессита именами таких знаменитых писателей, как Бабель, Багрицкий, Ильф, Вера Инбер, Ахматова и др. В отличие от Греции, которая славится древностью, Одесса продолжает фонтанировать новыми именами в литературе и искусстве.

Что хочет настоящая мать для своего ребенка? Чтобы у него все было. И Одесса сегодня изобилует бизнесами большими и малыми. К 2015-му году в Одессе было зарегистрировано 14,6 тысяч малых и 513 средних предприятий. Чтобы он получил хорошее образование. В Одессе полным-полно частных школ и лицеев. Чтобы у него были моральные ценности. В Одессе две действующие синагоги, семь храмов и церквей. Чтобы он мог хорошо отдыхать. В Одессе прекрасные пляжи и туристические агентства. По словам директора департамента культуры и туризма Татьяны Марковой, «туризм Одессы стремительно интегрируется в мировую туристическую индустрию, приобретая все более осязаемое значение для местного хозяйства». Чтобы он знал историю своего города, помнил о своих корнях. В Одессе более 30 музеев и множество исторических памятников. И главное – чтобы он сохранил дух своего Города, дух который и объединил все эти замечательные постройки, бульвары и побережья в единый город-легенду.

Дух города культивируется в Одессе и по сей день, невзирая на языковой запрет, сами понимаете, какой. Но дело видите ли в том, как поется в известной одесской песне о Косте-моряке, что запретить можно какой угодно язык, кроме одесского. Одесский язык неискореним. Так что одесситы друг друга понимают без перевода или бегущей строки на экране.

Ни в коем случае не хочу представить ситуацию в Одессе в розовом свете. Прекрасно знаю и о нуждающихся, и о том, что власти уничтожают порт, который всегда кормил город. Как с горечью написала одна моя корреспондентка, «в детстве я насчитыва-

вала более 10 судов на рейде, а сейчас у причалов едва половина. Особо ретивые предлагают перенести порт из Одессы в другое место. Что делать, если любимого ребенка не кормить? Он умрет». Печально, очень. Только, во-первых, сегодня в Одессе средств прокормиться предостаточно. Город по-прежнему упитан. Во-вторых, я не пишу о властях, я пишу об одесситах, о людях, в активность которых не перестаю верить. Как отмечает редактор отдела поэзии толстого литературного журнала «Южное сияние» Людмила Шарга, в Одессе «на самом деле, много настоящих подвижников. Настоящих одесситов. Каждые выходные у той тропинки, по которой я спускаюсь к морю, собираются одесситы... убирать мусор на склонах. Не за деньги, не потому что “акция”, или “неделя добрых дел”. Есть пару часиков – приди и убери. Но, конечно, можно стать рядом и рассказывать на весь мир, что вот такая у нас чудовищная грязь... А можно что-то делать. То, что умеешь. И тех, кто делает, больше, чем тех, кто говорит о том, что “все пропало и все уже было”. Нет, не было. Было – это то, на чем стоим. Что пытаемся сберечь. Есть. И будет. Началась реставрация многострадального дома Руссова. В Горсаду в Летнем Театре работает Арт-Балкон. Фестивали, встречи в Зелёном Театре, литературные вечера, гостиные... Презентации книг, журналов...». Так-то! Настанет время, и они поднимутся волной против такой вот пришлой власти, как поднимались не раз, и как поднимаются сегодня и на уборку Города, и против фашиствующих активистов. Не все сразу. Сразу Одесса только строилась. Как по мановению волшебной палочки. И стала одним из самых цветущих городов Европы. У истоков Одессы стояли блистательные, открытые, смелые, и творческие люди такие, как «де Рибас с его тремя братьями, и де Ришелье, с братьями жены – Рошешуарами, и не обремененные родичами де Волан и просто без “де” граф Ланжерон», которые «были людьми энергичными, умными, честлюбивыми и благородными», – пишет Елена Карякина в своей книге «По следам Юго-Запада»¹. «Великий экспериментатор, вскормленный французскими энциклопедистами, этот “герцог с мускулами грузчика” использовал для строительства Одессы все или почти все достижения урбанизма, наработанные человечеством к XIX веку. Город явился миру в фантастически короткий срок. Как будто вырос из-под земли. И вправду – из-под земли. В степи, которая окружала Хаджибей,

¹ Карякина Е. По следам Юго-Запада. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006. – 236 с.

камня для строительства не было. Значит, пришлось взять его из недр земных – не правда ли, похоже на сказку? Степь вывернули наизнанку – внутри оказался город...»¹

Да, Одесса выработала довольно своеобразные внутренние механизмы по борьбе с разрушением Города. Выработала на протяжении всей своей истории, а не вчера. Такой способ противостояния наиболее органичен для Одессы, и он будет существовать, покуда будет существовать Город. Пришлому этого не понять. Он примет усилия по процветанию Города за обывательский дух.

Только ради бога, не подумайте дурного! Одесситам не свойствен снобизм. Они не чванятся своим происхождением, как английские лорды, и готовы принять вас в свою семью, если в вас бьется одесская жилка. Блистательный Михаил Водяной, любимец публики родился в Харькове, а стал лицом Одессы, в отличие от Анны Ахматовой, которая стала лицом Питера.

Одесса – Город благословенный, сближенный с Иерусалимом и по строительному материалу (белый известняк), и по почве. Символом Одессы является белая акация, а ковчег завета был построен из дерева ситтим. Это разновидность акации (*Acacia Verek*), которую, кстати, используют для изготовления особого сорта древесного угля. Именно он горит и не сгорает, как горящий куст (неопалимая купина), явившийся Моисею. Ну и, наконец, о самом имени города. Если двигаться в том же направлении Земли обетованной, то можно говорить о сходстве слов «Одесса» и «одека». На иврите «одека» означает «я буду Тебя благодарить». 30-й псалом Давида, где появляется «одека» замечателен тем, что Давид сочинил его на обновление Храма. Параллель с построением нового города весьма прозрачна. Псалом читается в составе утренней и вечерней молитв и имеет освящающий и оберегающий смысл. И если имя «Одесса» действительно является эхом слова «одека», то благословение Храму распространяется и на благословение строящегося города, являясь его охранной молитвой на веки вечные.

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ (отрывки)

Привожу отрывки из писем друзей, написанных на протяжении мая-июня 2014 года. Мои друзья придерживаются разных взглядов и описывают события по-разному: для одних всему

¹ См.: *Карякина Е.* По следам Юго-Запада... Глава «Столица-самозванка».

виной была «бандеровская колонна», для других – «пророссийский марш». Но их объединяет скорбь по зверски убитым и неприятие происшедшего.

Из письма М.С.:

Мы с несколькими воцерковленными женищинами, когда сказали, что бандеровская колонна двинулась в нашу сторону, пошли в Пантелеймоновский храм просить, чтоб звонили в набат. Это нас спасло. Пока ходили, все случилось. ... А в Пантелеймоновском нам сказали, что “главного” нет на месте, а без него ничего не решают. Как будто в обком пришли. Прихожанки там просто в голос завывали – в их сознание такое равнодушие их отцов родных не может вместиться.

Одесса, 2 мая, 2014

Из письма А.А.:

...у меня есть перевязочные пакеты и бинты – много, может там надо...

Одесса, 2 мая, 2014

Из письма М.С.:

Выпрыгнувших из окон и еще живых людей подонки добивали железными молотками и кричали: “Ну что, тварь, Россия или Украина?” И попутно докладывали о своих подвигах по телефону тем, кто отдал приказ. Матери и родные пытаются прорваться сквозь тройное оцепление – трупы все в здании, идет “следственный эксперимент”. Их не пускают, много потасовок. Н., воспользовавшись журналистским удостоверением, прорывается. Идет по этажам, где свалены тела. Выйдя, говорить не может. Да и не надо – уже везде есть фото.

Одесса, 3 мая 2014

Из письма М.С.:

Что слышно... Война, похоже. Люди не простят убийства своих близких и друзей. Не простят лжи, которая еще хуже убийств и которая к ним приводит. Если бы хоть половина ментов была здесь накануне и хоть как-то пыталась помочь горевшим людям! Но сверху был приказ “не вмешиваться”, это я сама слышала, лично.

Одесса, 3 мая 2014

Из письма М.С.:

Хорошая новость. Объявили сбор денег для раненых. За несколько минут было собрано не меньше 10 тысяч. Это МОЯ Одесса, настоящая.

Одесса, 3 мая 2014

Из письма А.А.:

Я не спала в ту ночь...

Когда пошли первые фотографии и видеозаписи, подумалось: что может быть страшнее? Оказалось – может. Это комментарии под снимками обугленных трупов. Это радость при виде чужой смерти. Нет, даже не радость. Радость – это что-то светлое, чистое. А это – злорадство. В комментариях к страничке Вадима Негатурова, одесского поэта, погибшего на Куликовом поле, ВКонтакте кто-то выложил фото жареного окорочка...

Есть ли разум у этих людей, есть ли сердце?

Одесса, 4 мая, 2014

Из письма А.А.:

“...в здании более 100 убитых, трупы не вывозят, милиция заявила что ведется следствие, еще два дня трупы будут там! почему? да потому что в здании много трупов и там минимум 5 детей! трупы будут постепенно вывозить – это сообщил милиционер, у которого осталась совесть – это достоверная информация!!! большинство убитых прятались в комнатах от дыма, их застрелили, они не сгорели и не задохнулись, а некоторых так просто разрубили топорами...”

Кровь стынет в жилах...

я уже не знаю, кому верить, просто разум в это верить отказывается...

В Одессу прибыло спецподразделение нацгвардии. Разрешено усиливать и пополнять его местными силами.

Что дальше...

Как не свихнуться от всего этого...

Одесса, 5 мая, 2014

Из письма А.А.:

Я сегодня ехала проститься с поэтом одесским Виктором Гунном.

Людей хоронят в закрытых гробах – изувечены и потом уже сожжены.

На Куликовом была – надо было увидеться со знакомым – передать лекарства и т.п., там море цветов... люди идут и идут...

Знакомый мой стоял там с самого начала Антимайдана. Послушала его и... в церковь потом пошла.

Верочка моя, Верочка...

Забивали людей не одесситы, приезжее зверье.

Количество погибших до сих пор неизвестно.

Одесса, 5 мая, 2014

Из письма М.С.:

Все, от начала до конца – профессионально поставленный спектакль, где все оказались пешками – и друзья и недруги. Дьявол хитер, а мы по-прежнему беспечны и доверчивы.

Одесса 7 мая, 2014

Из письма М.С.:

На Куликовом снова собрались люди, сломали заграждения и подняли над Домом профсоюзов флаг Победы.

Одесса, 9 мая, 2014

Из письма О.У.:

...и еще страшно то, что сейчас многие стали рассуждать так... тренд этого сезона: войны без жертв не бывает... как будто смерть, убийство, зверство становится нормой...

Одесса, 21 мая, 2014

Из письма М.С.:

Вчера судьба свела с Т., который сказал, что точно знает, что в Доме профсоюзов погибло больше 300 человек, включая шестерых детей. Трупы спешно вывозили всю ночь и сжигали в крематории на Таировском. Эту же цифру анонимно подтверждают некоторые источники в МВД.

Одесса, 13 июня 2014

Из письма Н.В.:

Мы гуляли в тот день все вместе: я, М., его девушка и мой В. Оказались в центре. Когда увидели, что на проспекте Мира начинается пророссийский марш, начали снимать. И так до глубокой ночи, до тех пор как стали тела из облсовпрофа выносить... Настоящая жуть наступила, когда от снайперских пуль на Греческой окружающие падали... Я не спец в пожарном деле,

но мраморная лестница на втором этаже могла так обгореть только из-за внутреннего возгорания. Коктейли, которые бросали с улицы, дальше входной двери не долетали. Леденящий ужас. Я две недели после этого по ночам кричала и откашляться не могла от гари...

Одесса, 24 июня, 2014

Из письма А.Г.:

Сегодня выяснилось – среди тех, кого не могли опознать со 2-го мая – журналист Дмитрий Иванов.

Не знала его лично, но пересекались многократно в городе...

Одесса, 24 июня, 2014

Из письма Н.В.:

Димка делал там сюжет. Не оперативный, а был там заблаговременно. То есть драма была ожидаемой. Их лидеры согнали людей на убой. Все сложно, Вера, сложно и неоднозначно. В тот день мы с С.М. были рядом, и не знали, что он (Дмитрий Иванов. – В.З.) внутри... Диме – земля пухом. Боюсь, Вера, город не всю чашу до дна испил... Стараемся сохранять здравый смысл и оптимизм.

Одесса, 27 июня, 2014

Из письма Е.К.:

Среди погибших – сын моего однокурсника, его зовут Андрей Бражеский, ему было 26 лет, и Вадим Негатуров, одесский поэт, ему 55 лет, мы вместе поступали в университет, он на мехмате учился.

Одесса, 27 июня, 2014

Из письма Н.В.:

Трагичным был весь день. От первого убитого на Дерибасовской-Преображенской. Остался сиротой 10-летний мальчишка.

Одесса, 27 июня, 2014

Из письма Веры Зубаревой:

Мы все осиротели в этот день.

Филадельфия, 27 июня, 2014

РАЗДЕЛ IV. РОССИЯ

Роман Сенчин*

АБОРИГЕНЫ БЕЗ РОДИНЫ

Не знаю, да и не имею возможности в полной мере узнать, как в других странах, но в России очень многие проблемы, важные и насущные, в публицистике и художественной литературе – за редкими исключениями выступающих под никами блогеров – всерьез не поднимаются. Главным образом, из соображений политкорректности, чтобы не оказаться ненароком или сексистом, или гомофобом, или националистом, нацпредателем, ватником, либерастом, ксенофобом...

Завидую профессиональным историкам, которые могут представлять в виде аргументов факты, документы. Впрочем, на один документ находится другой, на любое событие существует несколько точек зрения и несколько равнозначных оценок. И сама история как наука очень относительна. «У истории нет правильной интерпретации», – говорит наш современник Андрей Зорин. «Истории нет – есть интерпретация прошлого», – то ли с иронией, то ли всерьез утверждает другой современник Александр Проханов. А вот слова историка конца XIX – начала XX в. Василия Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

* Сенчин Роман Валерьевич, прозаик, публицист критик (1971 г.р.). Автор романов «Елтышевы», «Зона затопления» и др., сборников повестей, рассказов и статей на актуальные темы российской жизни в настоящем и недавнем прошлом. Лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна», финалист «Русского Букера», «Национального бестселлера». Настоящий очерк написан специально для альманаха «ЭОН». В этом очерке, в частности, подробно освещен процесс вытеснения русского и русскоязычного населения из Республики Тыва, что стало одной из главных тем нового романа Р. Сенчина «Дождь в Париже» (М.: АСТ, 2018)

Но иногда встречаются статьи и книги, где соединяются философия, история и язык художественной литературы, и такие произведения многое объясняют.

Одним из них я считаю книгу «Грядущий Атила» Игоря Ефимова. Вышла она еще в 2008 г., но, очевидно, не пользовалась читательским вниманием, тираж не расхodziлся. А я, купив ее за копеечную цену в 2013 г., к ней часто возвращаюсь.

Идея ее такая – есть цивилизация Альфа (альфиды) и есть цивилизация Бета (бетинцы). Первые многочисленны, у них техника, города, наука, у вторых же – ненависть к технике, городам, науке. И бетинцы из века в век нападают на альфидов, убивают их, разрушают города, ломают технику, сжигают книги, поселяются на развалинах альфидской цивилизации и в итоге сами становятся альфидами, чтобы стать жертвой новых бетинцев...

Ефимов выстраивает цепочку, начиная с кочевников-иудеев, опустошивших Ханаан во II тысячелетии до н.э., и затем через скифов, которые уничтожили Урарту, теребили Персидскую империю, через нашествия варваров на Римскую империю, через бедуинов, которые покорили множество развитых государств от Индийского до Атлантического океанов, набегов норманнов на государства Европы, через походы Чингисхана и еще ряд звеньев, доходит до нынешнего глобального конфликта, в котором (с некоторыми оговорками) альфиды – западная цивилизация, бетинцы – мусульманская.

«Грядущий Атила» издан еще до мусульманской весны, как мы видим, быстро превратившейся не в весну, а в сумерки Средневековья (которым, правда, в Египте, Сирии упорно сопротивляются), еще до начала деятельности ИГИЛ, до обострения межнациональной ситуации в России (конфликты в Сагре, Демьянове, Пугачеве, многотысячная стрелка возле торгового центра «Европейский» в Москве, убийства русских Юрия Волкова, Ивана Агафонова, Егора Свиридова, Егора Щербакова и многих других, с одной стороны, и десятков уроженцев Кавказа и Средней Азии – с другой). И тем более до событий на Украине (в которых Россия приняла и принимает активное участие), которые, на первый взгляд, разрушают теорию Ефимова по крайней мере в отношении России как скорой жертвы бетинцев, а на самом деле, видимо, ускоряют развязку...

Действительно, идет война цивилизаций. И с точки зрения ученого, меряющего историю человечества веками, ничего исключительного не происходит. Одна цивилизация неизбежно сменяет

другую – объективный процесс. Исчезли те, кто зачем-то строил пирамиды, исчезла эллинская цивилизация, доскрипевшая в горах Афганистана до VIII века... Только вот наблюдать эту смену цивилизаций своими глазами больно и страшно. И снова – маленький слабый индивид – задаешься этим бессильным вопросом: «Что же делать?»

Власть кое-что старается предпринять. Но эти меры скорее ужасают, чем обнадеживают.

Ну, проверки документов на улицах у лиц неславянской внешности – это картина давно привычная, почти уже незамечаемая. Хотя, по сути, противозаконная, унижающая человеческое достоинство, да и бесполезная в борьбе с нелегальной иммиграцией, «этнической преступностью» как таковыми. Вот задержала полиция нелегала на улице, а дальше? Выдворяются даже по официальным данным единицы, а на деле и это сомнительно. Лет шесть-семь назад то и дело сообщалось, что произошла облава на ту или иную стройку, общежитие, рынок с целью «выявить». И что? Сотню выявят, а десятки тысяч стоят рядом и сочувствуют тем, кому не повезло. Да и что кроме позора наша страна демонстрировала этими этническими выявлениями? Помню, наткнулся в Интернете на ролик – по улицам Реутова гонят толпу мигрантов. Один в один сцена из фильма «Пианист» Романа Полански – там, где евреев гонят в гетто... Страшные кадры, до сих пор стыдно за них.

В октябре 2013-го в Москве уроженец Дагестана (т.е. россиянин) Магомед Расулов пробил голову сотруднику уголовного розыска, приняв, по собственному признанию, его за бандита (похоже на правду). Полиция стала шерстить рынки, организовала для задержанных лагерь, настоящий концентрационный, за высоким забором. Его, правда, довольно быстро ликвидировали, задержанных куда-то дели, но, как говорится, осадок остался... Расулову, кстати, дали 18 лет заключения.

В тот же октябрь 2013-го, после убийства в Бирюлеве Егора Щербакова и последовавшими беспорядками, стали проверять ближайшую к месту убийства плодоовощную базу, руководители базы были арестованы «по подозрению в организации незаконной миграции». Вскоре в том же Бирюлеве зарезали узбека. Отомстили, видимо, за Щербакова...

К концу 2013 г. тема межэтнических конфликтов, нелегальной миграции стала одной из главных в России. По крайней мере в Москве. И в одночасье исчезла в начале 2014-го: когда начались события в Киеве, переросшие для одних в «государственный пе-

реворот», для других в «революцию», присоединение Крыма к России, волнения на Юго-Востоке Украины, война в Донбассе... А вскоре возник «европейский миграционный кризис», на фоне чего Россия стала выглядеть тихой заводью.

Между тем война цивилизаций продолжается и в России. Долгая, почти скрытая от глаз, но, видимо, неостановимая. И здесь главной движущей силой, поглощающей европейскую цивилизацию, выступает не столько мусульманская религия, сколько вообще пассионарный подъем народов, населяющих Азию и Север Африки. От Китая до Ближнего Востока, Северного Кавказа и берегов Атлантики.

Пытаясь быть объективным, убеждать себя, что это исторический процесс, подобный тому, что происходило тысячи и сотни лет назад (скажем, покорение Сибири и Дальнего Востока русскими было отнюдь не бескровным, и многие народности и племена истреблялись оружием или болезнями), но как человека европейской культуры меня процесс этот пугает и заставляет искать пути, как его остановить, как уцелеть.

...Я родился в городе Кызыле, столице Тувинской АССР, ныне называющейся Республика Тыва. «А это Россия?» – тут-то обычно спрашивают меня. Да, Россия. 169 000 кв. км на юге Сибири, там, где начинается река Енисей.

Так вот, Кызыл был основан в 1914 г. русскими на пустынном берегу Енисея. В тот год Урянхайский край, будущая Тува, вошел под протекторат России. Сами тувинцы попросились, чтобы снова не попасть к оправившемуся после Синьхайской революции Китаю или монголам, которые не считали их за людей.

Кызыл первоначально назывался Белоцарск. В начале 1920-х его переименовали в Красный Городок и затем дали тюркское название – Кызыл (красный). До 1944 г. Тува считалась формально суверенным государством, в ней жило довольно много русских, переселившихся еще до Октябрьской революции, приезжали и советские специалисты. После 1944-го, когда она вошла в состав РСФСР и, следовательно, СССР, переселение стало массовым. Строились заводы и комбинаты, население Кызыла стремительно увеличивалось. В середине 1980-х около 80% составляли «лица некоренной национальности» – русские, украинцы, армяне, коми, евреи и прочие.

До лета 1993 г. наша семья покидать Туву не собиралась – у мамы здесь были корни (ее дед и бабушка поселились в Туве, тогдашнем Урянхайском крае, еще до того, как Российская империя приняла эту землю под протекторат в 1914-м), отец приехал в Туву в 1960-х из Красноярска по приглашению – как молодой представитель творческой интеллигенции...

Когда начались конфликты на национальной почве, большинство «некоренных» не придавало им серьезного значения. Была уверенность, что вот-вот все наладится, успокоится, и все мы снова заживем большой дружной семьей...

Осенью 1989 г. я, русский кызылчанин по линии мамы в четвертом поколении, уезжал на учебу из самобытного города, где русская культура была слегка расцвечена местным колоритом... Вернувшись на родину в декабре 1991-го, увидел этот колорит во всей его мощи. Причем главенствовали не этническая музыка, не горловое пение, не резьба по камню, а ножи в голенищах. Нередко окровавленные.

Город был наводнен тувинскими парнями из дальних районов, которым негде было работать, негде жить. И часто слышалось их шипение: «Ённыйорус все захватил. Моя земля!» И «ённыйорус» стал выдавливаться прочь.

Сегодня Кызыл сложно назвать российским городом. Скорее, центр улуса. Русские есть. Процентов пятнадцать... Из тех, кто остался, большинство работает в полиции, ФСБ, наркоконтроле, на зонах, в погранотряде. У многих из них уже имеется жилье в Красноярском крае, в Абакане, на Кубани. «На пенсию выйдем – и свалим», – говорят без колебаний. Пенсия близка – Тува приравнена к районам Крайнего Севера, у работающих много льгот...

Кызыл – город небольшой, сто с лишним тысяч жителей. И за какие-то несколько лет он в этническом и культурном плане изменился капитально. Москва – огромный город, на изменение уйдет времени больше. Но оно происходит, происходит на наших глазах.

Нам говорят, что мы сами виноваты в наплыве мигрантов. Зачем, дескать, Российской империи надо было лезть в Среднюю Азию, покорять Дагестан с Чечней, прибирать к рукам Азербайджан, что мы потеряли на Памире? Все государства, пытавшиеся разрастись на полмира, расплачиваются тем, что в их сердце вливается чужая кровь. Посмотрите, дескать, на Англию, на Францию, Германию, Голландию, Италию, Испанию... Ну да, ну да...

Голова понимает, а сердце не хочет, чтобы она в него вливалась.

За несколько тысяч лет своего существования европейская цивилизация не раз переходила на осадное положение. Во главе обороняющихся вставали короли и императоры... Однако победа во Второй мировой войне, когда Европа уничтожила вырожда в своей семье – Гитлера, стала и началом конца для ее цивилизации. Пока европейские президенты и премьер-министры радовались победе, от Европы отвалились колонии, а их освобожденные аборигены населили метрополии. И Европа только сейчас забила тревогу, руководители государств ломают голову, как бы спасти остатки своей цивилизации. Может быть, их преемники встанут во главе новой реконкисты, а может быть, преемниками станут представители «бетинцев»...

Как это ни банально звучит, обществу старой культуры нужно понять, что ему грозит гибель. Понять и начать спасать себя. Ведь, по существу, введено осадное положение, скажем, в Андорре – у нее в иммиграционном законодательстве черным по белому, совсем не политкорректно и немультимедийно записано, что народ желает «не раствориться в многочисленной иммиграционной среде и сохранить свое этническое и историко-культурное своеобразие». Поселиться в Андорре пришлому практически невозможно.

Ну, она крошечная, а мы-то большие, многоконфессиональные, историко-культурное наше своеобразие как раз в смешении. На этом, – о чем раз за разом заявляют наши первые лица, – и держится Россия.

Игорь Ефимов в упомянутой выше книге справедливо замечает, что «бетинцы» в конце концов становятся «альфидами». Сперва уничтожают предыдущую цивилизацию, некоторое время живут на развалинах, а потом строят свою... Наверняка на той территории, где сейчас раскинулась Россия, нынешние бетинцы создадут высокую цивилизацию, которая распухнет диковинным цветком на лице Земли. Но это уже будет другая – не наша – история.

Наверное, я резок в суждениях, настроен слишком пессимистично. Я не считаю какой-то народ или группу народов, какую-либо религию дурными. Но вижу, что, как и в древности, происходит борьба между народами за земли, религиозные лидеры хоть в большинстве своем и говорят о мире, но несут не мир, но меч, дабы завоевывать сердца и души все новых и новых приверженцев.

Язычники (эллы, римляне) убивали иудеев и бросали христиан на растерзание хищникам, христиане топили и резали языч-

ников и дикарей, мусульмане вырезали иудеев, христиан и буддистов-индуистов, буддисты-индуисты убивают мусульман; одна ветвь христианства ненавидит другую, шииты готовы истребить суннитов и наоборот...

В 80-е годы XX в., несмотря на множество проблем и кровавых конфликтов, человечество вроде бы стало достигать чего-то похожего на глобальный мир, на гармоничное существование. Но тут же начались новые, еще более острые конфликты, и история с ИГИЛ – это, по сути, то же, что было семь-восемь веков назад, при Чингисхане, при Тамерлане. Да нет, страшнее: уничтожаются не только те, кто оказывает сопротивление, но и все, исповедующие не ту религию или нарушающие законы завоевателей. Христианин или иудей может уцелеть в ИГИЛ, но свою религиозную принадлежность он не смеет обнаруживать, иначе – смерть.

Когда я смотрел сюжеты боев в Сирии и Ираке, казней, разрушений древних памятников, не мог отделаться от ощущения чего-то ирреального: участники поистине средневековых сцен с обеих сторон были одеты в майки, штаны, кроссовки «Адидас», «Найк», ездили на автомобилях «Мерседес», «Пежо», колонны Пальмиры крошили немецкими отбойными молотками...

Жить в ИГИЛ не хотят даже сунниты, за чье владычество это самопровозглашенное государственное образование борется. Люди бегут прочь, в том числе и в Европу.

Пик миграционного кризиса пришелся на вторую половину 2015-го – ИГИЛ тогда стремительно расширял свою территорию, одерживал победу за победой – и в Европу въехали, проникли, ворвались около двух миллионов беженцев. Все мы видели телекадры с кричащими, рыдающими людьми, пробивающимися через границы в глубь Европы. В мир безопасности, комфорта, социальной защищенности.

Кризис не преодолен и сегодня. После относительного разгрома ИГИЛ и освобождения большей части территорий Сирии и Ирака в родные места возвращаются очень немногие. Большинство так или иначе осело в Германии, Франции, Швеции, Великобритании... Видел этой весной в Париже десятки палаток, ворохи одеял, где обитают не пресловутые клошары, а явно выходцы с Ближнего Востока и Северной Африки. Подчас беженцы живут целыми семьями. Со временем они наверняка обретут жилище покомфортнее – помогут государство, единоплеменники...

Я не нашел статистических данных о национальном составе населения Франции. Может быть, таких данных и не сущест-

вует – французы стойко держатся принципов равенства и братства граждан. Но число граждан иностранного происхождения растет. Среди них выходцев из Азии и Африки больше 50%. Из стран Европы – 35%. В целом около четверти населения Франции составляют граждане из других стран.

Подобная ситуация и в большинстве государств Европы. За исключением, быть может, Польши и тех немногих, которые удерживают или (как в случае с той же Польшей) вернули мононациональный состав.

Тут, конечно, можно спорить, что такое национальность. Но в реальной жизни разнообразные терминологические определения и теории не работают. Группы людей – большие или маленькие – постоянно то объединяются, то дробятся по разнообразным признакам. Языковым, религиозным, антропологическим, классовым. И при этом на практике прекрасно отличают своих от чужих.

В 2014 г. выплыло из середины позапрошлого века и заблестало словосочетание «русский мир». Произошло это в дни присоединения Крыма к России, волнений в юго-восточных областях Украины, где часть жителей тоже хотела в Россию. В печати появилось множество размышлений о «русском мире», даже вспомнили, что Аляска была нашей, что в Южной Америке живут староверы, что Гавайские острова просились под флаг Российской империи...

А что такое «русский»? Когда русский «патриот» хочет дать емкую характеристику врагу, он говорит: для него, врага, «русский» – это прилагательное. Рискну кивнуть этому «врагу»: видимо, да, прилагательное.

Слово «славяне» употребляется сейчас очень редко. Слишком далеки славяне друг от друга, многие ветви так и вообще друг другу враждебны... Слова «православный», «иноверец», которыми в дореволюционной России часто заменяли сведения о национальной принадлежности, сейчас в этом значении не используются. Осталось «русский».

Но чем он – «русский» – определяется? Языком? Не обязательно. Многие тувинцы в 80-е годы не знали тувинского языка и говорили исключительно на русском, считая себя тувинцами; на Украине немало украинских патриотов, не знающих родной мовы, – Украину они славят, а Россию костерят по-русски.

Обликом? Вряд ли. Мой хороший знакомый – русский писатель – привез в Москву из Сибири жену. Ее отец бурят, мама чу-

вашка, сама она считает себя русской, но внешность у нее монголоидная. И в Москве ей иногда не дают прохода полицейские, проверяя документы, а «европоидные» жители или гости столицы нередко обзывают понаехавшей.

Верой? Но среди природных русских с давних пор было немало лютеран, католиков, мусульман. Определение казаков как исключительно православных, ставшее законом в последние десятилетия, ложно, так как среди казаков было немало буддистов – калмыки-бузавы на Дону, буряты в Забайкалье... Да и вычеркивать агностиков и атеистов из числа русских вряд ли разумно.

Было еще слово «великороссы». В быту и литературе оно употреблялось не слишком часто. Может быть, из-за некоторой нескромности в звучании – «велико-». Особенно по отношению к братьям малороссам, которые нынче зовутся украинцами. Были еще белоруссы – теперь белорусы – и три эти ветви объединяли в понятие «триединый русский народ».

То объединяли, то торопились разъединить при любом обострении отношений. Случалось, что великороссов исключали из братства славянских народов, относя к финно-уграм (или попросту к финнам), заговорившим на славянском наречии, случалось, малороссов причисляли чуть ли не к туркам, которые продолжительное время владели Приазовьем, Северной Таврией, Подольем, подбирались к Киеву. Обсуждение этого вопроса, причем зачастую в форме оскорблений, обострилось в последние три-четыре года. Но так или иначе украинцы, белорусы, русские – это все же разные народы. Наверное, когда-то они были одним целым, но разделение началось давно – еще до нашествия монголов.

Если посмотреть на карту с исконными названиями городов, рек, озер, расселением племен, то выяснится, что у нас, тех, кто называет себя русскими и кто, согласно переписи населения составляет больше 80% населения России, попросту нет той коренной земли, что называют родиной.

Да и не только топонимы на карте свидетельствуют об этом удивительном факте. Достаточно отъехать на 50–100 км от Москвы, Новгорода, Рязани, Владимира, Твери (беру, скажем так, наиболее русские города) и походить по деревням. Вы убедитесь, что там живут люди совершенно каких-то других этнических характеристик, потерявших полноту языка, сохранивших только осколки из русского богатства культуры. И мерещатся названия древних неславянских племен – меря, мешера, голядь, весь, чудь, мурома...

Каким образом наши предки – предки русских – расселились по широченному полотну земли и стали на этом полотне аборигенами? Аборигенами без коренной земли, без родины. И из кого, мы, русские, состоим?..

В силу возраста я застал лишь закат советской эпохи. Но примерно до 1987 г. вопрос, какой ты национальности, не стоял очень уж остро – в повседневной жизни люди были все-таки советскими. «Советский народ». Границы между союзными республиками были символическими, переезд, скажем, из Киргизии в Узбекистан, и наоборот, из РСФСР в Казахстан, и наоборот, не казался до поры чем-то рискованным.

Историки без труда приведут примеры того, что на протяжении всего существования СССР в нем происходили межэтнические конфликты, сохранялись резкие противоречия этого рода; но все же открыто вражда почти не проявлялась.

И к нам в Туву именно в середине 80-х приехало очень много молодых специалистов, в основном семейных, из центральных районов России, из Красноярского края, Иркутской области. Здесь сыграла роль и ухудшающаяся экономическая обстановка в стране, в том числе продовольственная (в республиках снабжение было все же получше, зарплаты выше, жилье получить было легче), и тот заряд романтики, что в самом начале перестройка дала молодежи. Лет через десять-пятнадцать эти специалисты, да и русские старожилы, побегут из Тувинской АССР, продавая квартиры, гаражи, дачи за бесценок или вовсе бросая их. Спасая жизнь.

Есть такая книга: «Разнесенные ветром»¹. Автор – Лидия Графова.

В бумажном виде найти ее мне не удалось, отыскалась электронная версия на сайте «Российской газеты», вернее, верстка книги тиражом в 300 экз. Самиздат, в общем, хотя и не подпольный – в выходных данных указано: «При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Движением “Гражданское достоинство”».

Лидия Графова в начале 90-х была одним из очень немногих журналистов, кто писал о беженцах и «вынужденных переселенцах»

¹ Графова Л. Разнесенные ветром. – М.: ООО «Сам полиграфист», 2016. – 272 с.

не наскоком, не ради рейтинга газеты, а всерьез, с болью, упорством, не бросая в дальнейшем бедствующих героев своих материалов. Статьи Графовой, публиковавшиеся в то время в основном в «Литературной газете», читались по очереди, а то и вслух в нашей семье. Не только (и не столько) как образчики хорошей журналистики, а как документы, касающиеся и нас, конкретных людей.

Когда, начиная с 1988 г., ситуация в Кызыле стала ухудшаться буквально с каждым днем и поджоги домов, избиения, ножевые ранения случались постоянно, статьи Лидии Графовой с их широким территориальным охватом показывали, что и мы в Туве вполне можем оказаться в положении тех, кто бежит в нижнем белье из Баку и Карабаха, Узбекистана, Таджикистана... А осенью 1993 г. в Туве была принята конституция, по которой республика становилась юридически отдельным государством, имеющим право в любой момент выйти из Российской Федерации. С новой силой принялись за свою «освободительную» деятельность националистические организации вроде «Хостуг Тыва» («Свободная Тува»), обсуждали, как должен выглядеть паспорт гражданина «Тывы».

На улицах «нетитульным» стало находиться попросту опасно даже днем. И эти нетитульные, и мы в том числе, рванули на север, в Красноярский край. Наша семья, продав трехкомнатную квартиру, двухэтажную дачу, гараж, кое-как купила трехоконную избушку в деревне. В ней мои родители, городские вообще-то жители, обитают до сих пор. (В последние годы часто приходится встречать мнение, в основном высказываемое тувинской молодежью, что не было никакого выдавливания русских, ножей и тому подобного: «слухи и дезинфа». Но если не было, с какой стати доля «нетитульных», в конце 80-х составлявшая почти 40% населения республики, теперь сократилась до 16%? Никакой демографический скачок, о котором часто и с гордостью говорят в Туве, неспособен так сильно изменить соотношение этнического состава. По Кызылу разница еще разительней – с почти 80% до 20% с хвостиком, включая хакасов, бурятов. И борьба за освобождение республики от «нетитульных» продолжается. «Национальное освобождение» маскируют под «бытовые конфликты, пьяные ссоры»...)

В книге «Разнесенные ветром» много страниц посвящено работе «Форума переселенческих организаций», председателем которого стала Лидия Графова. Организация полезная, для немалого числа людей спасительная, хотя большинство тех, кого можно считать беженцами и вынужденными переселенцами, наверняка туда не обращалось, – большинство пытается устроиться, а то и

попросту выжить, самостоятельно. Как-то стыдно, что ли, заявлять: «Я беженец!..» И всегда можно нарваться на ухмылку: «Вас там бомбили, можно подумать».

Самое для меня ценное в «Разнесенных ветром» – истории людей, нередко еще достаточно молодых, которые решили вернуться на родину предков – в Россию. Когда-то их бабушки и дедушки, папы и мамы ехали в союзные республики как молодые специалисты, по комсомольским и прочим путевкам, а после 1991 г. оказались отделенными от России, в круто изменившемся, не советском, мире. Как правило, их в России не ждут, а порой и выдворяют обратно.

Русский мир продолжает съезживаться.

Россию удалось сохранить ценой огромных усилий и большой крови. В первую очередь в Чечне. Сегодня чеченцы, по крайней мере декларативно, самые большие патриоты. О них, защищающих Донецкую народную республику восторженно написал участник чеченских войн на стороне федеральных войск, а ныне их однопольчанин Захар Прилепин: «Чеченские ребята тут имеют привычку ночью, оставляя автоматы, сниматься с места и куда-то уходить с одними ножами. К утру возвращаются с автоматами».

Есть чеченцы и другие, воюющие ныне на стороне Украины, есть живущие в дальнем зарубежье, молчащие в своих аулах. Не наступит ли момент, когда они, да и представители других народов России, заявят о том, что они униженные, оккупированные, что они хотят свободы? И начнут бороться за нее?

Сейчас очень странная ситуация: из многих республик России и даже некоторых областей, краев уходит та культура, что более близка к европейской, чем к азиатской. Уходит и русский язык – даже в некоторых школах Ростовской области, Ставропольского края есть классы, где обучение ведется не на русском.

С другой стороны, региональные права постоянно сокращаются, роль центральной власти усиливается все больше. Да и о прошлом многих народов, о взаимоотношении их с русским стараются поменьше вспоминать. Умалчивается не только о плохом, но и о хорошем.

Позволю себе еще один «тувинский экскурс».

Летом 2015-го я был в родном Кызыле и в беседах с тувинцами, да и живущими там русскими не раз слышал горестное: «А про нас забыли». Дело вот в чем.

Выступая на параде, посвященном 70-летию Победы, президент России Владимир Путин отметил вклад союзников нашей страны в борьбу с нацизмом. В том числе и о том, что «на протяжении всей войны нашу страну активно поддерживала Монголия».

Хорошо, потому что об участии Монгольской Народной Республики во Второй мировой войне вспоминают нечасто. Но еще одно государство, существовавшее в то время и участвовавшее в войне на стороне антигитлеровской коалиции, забыто, кажется, напрочь. Речь идет о Тувинской Народной Республике, существовавшей, как уже было упомянуто, в самом центре Азии с 1921 до 1944 г. Хочется напомнить о ее бытии и участии в самой страшной и масштабной войне.

Начну не издалека, а с первых десятилетий XX века.

До 1912 г. территория Тувы находилась под властью Китая, вернее, маньчжурской империи Цин. После революции в Китае несколько тувинских нойонов (правителей районов в Туве, Монголии, Калмыкии) стали обращаться к Николаю II с просьбой принять их под протекторат России. Несколько просьб остались без удовлетворения, но 4 апреля 1914 г. русский император, наконец написал на предоставленном документе «Согласен». В том же году рядом со слиянием Большого и Малого Енисеев и был основан поселок Белоцарск, ставший позже столичным Кызылом. Туву не миновала Гражданская война; победила советская власть.

После долгих споров и череды съездов, на которых обсуждалось будущее Тувы, 13 августа 1921 г. состоялся Учредительный хурал (съезд) тувинского народа, провозгласивший создание независимой республики Танну-Тува Улус и принявший Конституцию. Важным решением съезда стало определение статуса русского населения Тувы, которое насчитывало более 10 тыс. человек (русские, кстати сказать, стали селиться на территории Тувы с середины XIX в.). Была создана русская Советская автономная колония, живущая по Конституции Советской России. Въезд новых переселенцев был запрещен.

Провозглашение независимости Тувы вызвало негодование в Монголии и Китае, которые хотели иметь ее в составе своих государств. СССР тоже строил планы по присоединению Тувинской Народной Республики. Она была, что называется, частично признанным государством (ее существование признали в 1924 г. СССР и в 1926 г. Монголия). Внешнеполитические вопросы решались через Коминтерн.

ТНР, хоть и была в сфере интересов СССР (больше политических, чем экономических), но существовала самостоятельно: своя валюта, свой бюджет, банк, свои почтовые марки... Экономические отношения с Советским Союзом к началу 1930-х шли почти на равных. Но политическая зависимость ТНР от СССР была сильна. Туву не миновала борьба с религией: в 1928 г. ламаизм был объявлен государственной религией, но когда в начале 30-х в СССР принялись за искоренение религиозных культов, в Туве тоже стали ломать хурэ (святые места), арестовывать шаманов и лам; прокатилось несколько волн репрессий, раскулачивание... Впрочем, тот же путь прошла и Монгольская Народная Республика.

Монголия хоть и признала независимость Тувы, но не была согласна с линией границы. Пограничные трения возникали постоянно. Отношения между двумя странами были очень напряженными, и главы республик Салчак Тока (Тува) и Чойбалсан (Монголия) не раз ссорились чуть не до драк. Их приходилось разнимать, в том числе и командующему 1-й армейской группы советских войск в Монголии в 1939–1940-х годах Г.К. Жукову.

В 1939-м и в апреле 1941-го партийное руководство ТНР дважды выступало с предложением о вступлении республики в СССР, но у советского руководства это не вызвало поддержки. В начале августа 1941 г. (тяжелейшее положение на советско-германском фронте) конфликт между ТНР и МНР чуть было не перерос в военные действия. С большим трудом МИД СССР удалось отложить решение пограничных вопросов до лучших времен. Вопросы эти были сняты (хотя и не полностью) в октябре 1944 г., когда Тува вошла в состав СССР на правах автономной области РСФСР.

А теперь об участии Тувинской Народной Республики в Великой Отечественной (а шире – во Второй мировой) войне.

Когда ранним утром 22 июня гитлеровцы обрушили на Советский Союз удар, в Туве начинался день. В Кызыле по совпадению именно 22-го открывался X Великий Хурал. В 11 утра по местному времени делегаты приняли декларацию, фактически объявляющую войну Германии: «Тувинский народ во главе со своей революционной партией и правительством, не щадя жизни готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним». Вскоре состоялось заседание пленума тувинской Народно-революционной партии, на котором было принято решение о переводе экономики республики на военные рельсы с целью

«разгрома фашизма». «Кроме этой задачи в данный момент нет и не может быть другой цели у тувинского народа».

Советскому Союзу были переданы золотой запас государства, составлявший в перерасчете на тогдашние рубли около 30 млн, а также добыча тувинского золота на сумму около 5 млн рублей. Общая же сумма добровольной материальной помощи населения Тувы Советскому Союзу с конца июня 1941 по август 1944 г. превысила 60 млн рублей... Вообще суммарная помощь Монголии и Тувы лишь на треть меньше, чем помощь США, Великобритании и остальных союзников СССР. Если учесть экономический уровень, численность населения Тувы и Монголии, то помощь эта более чем значительна.

Вот еще некоторые цифры.

С июня 1941 по август 1944 г. ТНР поставила в СССР 50 тыс. боевых коней, а также более 700 тыс. голов скота, из которых почти 650 тыс. – безвозмездно. От 10 до 100 голов своего скота поставила почти каждая тувинская семья. Одной только весной 1944 г. освобожденной Украине было подарено более 25 тыс. тувинских коров.

За годы войны Тува поставила Красной Армии 52 тыс. пар лыж, 10 тыс. полушубков, 19 тыс. пар рукавиц, 16 тыс. пар валенок, 67 тонн шерсти, 400 тонн мяса, ржаной, ячменной муки и топленого масла, а также десятки тонн меда, плодово-ягодных консервов и концентратов, рыбных изделий, тонны перевязочных бинтов, лекарств традиционной медицины, воска и смолы. До 90% вышеперечисленного было передано безвозмездно.

16 марта 1943 г. на подмосковном аэродроме «Чкаловский», в присутствии наркома авиапромышленности СССР А.И. Шахурина, делегация ТНР торжественно передала в распоряжение 133-го истребительного авиационного полка ВВС РККА 10 истребителей Як-7 Б, построенных на средства, собранные тувинцами. На истребителях белой краской было написано: «От Тувинского народа».

Большинство русских жителей Тувы были советскими гражданами. 10 ноября 1941 г. советское и тувинское руководства приняли совместное решение о мобилизации проживающих в республике советских граждан в возрасте от 19 до 40 лет. Все расходы, связанные с проведением призыва, тувинское правительство взяло на себя. В течение февраля 1942 г. почти ежедневно тувинско-советскую границу пересекали автоколонны с призывниками по 100–120 человек в каждой. Последняя мобилизация была проведена в ТНР в 1944 г., когда на войну были призваны молодые люди

1926 года рождения. По самым скромным подсчетам, русская колония в ТНР поставила на фронт свыше 3,5 тыс. воинов, из их числа около 900 человек – добровольцы.

Что же касается граждан независимой Тувинской Народной Республики, то ее власти сразу после вступления в войну предложили советскому руководству отправлять на фронт тувинских добровольцев, экипированных стрелковым и холодным оружием. Москва сначала не согласилась на такого рода помощь, ссылаясь, в частности, на малочисленность населения Тувы, но после настоячивых просьб в 1943 г. началось зачисление тувинских добровольцев в действующую армию. Пройдя курс обучения, они были зачислены в 25-й отдельный танковый полк, с февраля 1944 г. входивший в состав 52-й армии 2-го Украинского фронта и участвовавший в боях на территории Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Осенью 1943 г. добровольческий эскадрон численностью в 208 человек (в его составе были и женщины) успешно выдержал экзамен на боевую готовность. Тувинские добровольцы-кавалеристы особенно отличились в боях за освобождение украинского города Ровно, ставшего в советские времена побратимом города Кызыла. В общей сложности они приняли участие в освобождении 80 украинских городов и сел. 67 бойцов и командиров были награждены орденами и медалями СССР, 135 человек – отмечены орденами и медалями ТНР. После тяжелых боевых потерь (за полтора месяца боев на Украине погиб 61 кавалерист) в марте 1944-го советское командование приняло решение: отправить кавалеристов обратно в Тувинскую Народную Республику как выполнивших поставленные задачи.

За несколько месяцев до празднования 70-летия Победы в Туве возникла мысль, что в Параде Победы вместе с личным составом армий государств антигитлеровской коалиции должен принимать участие и Тувинский добровольческий эскадрон. Идею эту не поддержали. Промаршировали по Красной площади китайские, сербские, монгольские, даже индийские воины, прошагали военнослужащие из Белоруссии и некоторых других ныне независимых государств бывшего СССР в форме времен Великой Отечественной войны, а кавалеристов из Тувы, к сожалению, мы не увидели.

У меня очень сложное отношение к моей малой родине. Когда в начале 1990-х бушевали межэтнические конфликты, от них страдали не только «нетитульные» этносы: многие национальности

распавшегося Советского Союза чувствовали себя обделенными, оскорбленными, неоцененными младшими братьями, чья история и судьба не принимаются всерьез. Уверен, что замалчивание в дни юбилейного праздника Победы участия независимого в военную пору, находящегося в тысячах километров от фронтов Великой Отечественной государства – Тувинской Народной Республики – в борьбе с нацизмом усугубит нынешнюю национальную напряженность в Туве. Обиженные голоса, повторяющие: «забыли» – могут стать злыми и гневными.

Любому народу нужны свои национальные герои. В советское время в Туве героями были те, кто строил там социализм параллельно с Советской Россией (про тех, кто строил, но кого расстреляли в 30–40-е, не вспоминали), кто воевал с нацистами. В годы перестройки героем вроде бы стал Монгуш Буян-Бадыргы, один из тех, кто в 1912–1914 гг. обратился с просьбой принять Урянхай под протекторат России, потом участвовал в создании независимой Тувинской Народной Республики, затем был председателем совета министров, первым секретарем тувинской народно-революционной партии, а в 1929 г. арестован и в 1932-м расстрелян. Сейчас ему поставлен памятник в центре Кызыла, но национальный героем он все-таки не стал. Об этой личности до сих пор ведутся жаркие споры.

Настоящим героем стал Субедэй. Большинству читателей это имя ничего не говорит. А он вот кто.

Субедэй вместе с Чингисханом опустошил север Китая, Среднюю Азию со всеми их библиотеками, городами и мудрецами, после Калки попиравал на помосте, под которым победители уложили русских князей. Возглавлял ударные отряды монголов во время так называемого Западного похода. Захватил и сжег Рязань, Владимир, Торжок, Козельск, Чернигов, Киев. Умер глубоким стариком, с лихвой исполнив завет Чингисхана: «Наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет...».

Есть версия, что происходил Субедэй из одного из тех родов, которые позже составили тувинский народ. Теперь он там национальный герой. Не освободитель родины из-под гнета завоевателей, не ученый, не созидатель, а разрушитель.

Несколько лет назад в Кызыле построили спорткомплекс с ледовым катком. В его открытии участвовали Сергей Шойгу (ныне министр обороны), Вячеслав Фетисов (тоже заметный государ-

ственный муж), олимпийские чемпионы. Назвали спорткомплекс «Субедэй», в фойе поставили памятник из желтого, напоминающего золото, металла. Мужественный человек в монгольских доспехах. Субедэй.

Знающие историю немногочисленные русские спорткомплексы не посещают.

Может быть, мои мысли и впечатления, собранные в этот текст, наивны и не совсем по теме. Но в последнее время я все чаще задаюсь уже прозвучавшим здесь вопросом: что такое русские, где их родина, почему та общность людей, которая зовется русскими, расселились на таком огромном пространстве? Может быть, это детские вопросы, может быть, вредные. Но они не выходят из головы.

Я считаю себя человеком русской культуры, но в то же время мне до сих пор, хотя я уже больше двадцати лет живу в европейской части страны, тяжело здесь. Нет, не то чтобы тяжело, а не родно́. Родина моя там, в горной степи, на берегу широкой быстрой реки Енисей, рядом с другим народом.

То же я слышал от многих родившихся и выросших в республиках Средней Азии, в Закавказье, в Бурятии, Якутии, Алтае. Там русские не аборигены. Они пришлые. Сто-двести лет, это не срок, чтобы стать аборигеном. Но что-то аборигенское у многих из нас есть. Даже физиогномически. И дело наверняка не столько в пресловутой метисации, которая далеко не всегда имела место. Нечто другое влияет.

Так называемый русский мир лет за 130–150 разросся до огромных размеров. Что ни говори, он нес свет многим народам. В начале 90-х большая часть народов от этого света у себя отказалась, погасила его, но в чем-то все же пошла вслед за отступающим, съжившимся русским миром. С ним происходит то же самое, что незадолго до того произошло с британским миром, французским миром, голландским... Глупо, наверное, предаваться ностальгии по Тбилиси (Тифлису), Ташкенту, Ашхабаду, Душанбе, Киеву, Таллину (Ревелю), Тарту (Юрьеву), Алма-Ате (Верному), Грозному, Махачкале (Петровску), Серхетабаду (Кушке), Кызылу (Белоцарску), которые были очажками русской (поправлюсь, в том числе и русской) культуры, а теперь перестали таковыми быть. Но почему-то ностальгия не уходит. Словно там каждый растерял частицу своей родины...

РЕДАКЦИОННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Предлагаем вниманию читателей выдержки из статьи сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН, известного экономиста Якова Миркина «Нужен ли мегапроект “Бедность”», где ставятся под вопрос реальные права жителей российской провинции на «кров и почву» и в ответ выдвигаются конструктивные предложения.

(«Российская газета» от 21 августа 2018 г.)

«Будет ли у нас национальная программа “Бедность”? Нет не помощь, не подавание, не обучение – это само собой, а год за годом оживление самых бедных, заброшенных уголков страны. Десятки тысяч поселений стоят недокормленными, с огромным дефицитом денег, с яркими заплатками, но в целом – с закрытыми глазами. <...> Число малых поселений быстро сокращается. <...> Есть считанное количество успешных регионов. Но дальше то, что? Даже внутри крупнейших городов ясно видны очаги бедности».

Автор обращается к бедственному положению ряда небольших городов средней полосы России, где смертность выше рождаемости, разрушены индустриальные предприятия, в полном упадке инфраструктура, глубочайшая зависимость от бюджетов «сверху», «70% предпринимательства – торговля. А что производить? И чем торговать? Чем обмениваться с другими городами и всеми России?»

В этих и множестве других городов – великолепные люди. Они влюблены в свою малую родину. Но они не обойдутся без помощи. В таких и тысячах других поселений нужны финансовые вливания. Оставить больше бюджетных денег на местах. Обновить малую инфраструктуру. Нужны соглашения с бизнесом – какие новые мощности станут «градообразующими, как сделать, чтобы город стал зарабатывать и дышать сам, без вечных дефицитов

бюджета. По сути, специальные “инъекции” в каждое такое поселение, в судьбе которого внимательно разбираться. Ценить его, не выбрасывать на помойку.

И еще – самая отчаянная борьба с бедностью. Не погрязнуть в мегапроектах космического масштаба. “Малые и средние поселения России” – это и есть мегапроект. Унизительно, что зарплата почтальона, медсестры или даже врача – 11–13 тыс. руб. Мастер в рабочей профессии – 25 тыс. руб. Уборщица и бухгалтер – 11 тыс. руб. Все это реальные вакансии, объявленные в малых городах.

Какой массовый способ жизни скрывается за этими доходами? Бедность. Когда без сада и огорода жить нельзя, и они дают большую часть семейного бюджета. В 2017 г. 77% картофеля, 63% овощей, больше 40% молока дали личные хозяйства населения (Россия). Семьи прямо вовлекаются в безналоговую серую экономику. А что им еще делать? Вне крупных городов до 60% платежей, по оценке, делаются населением прямо в руки, минуя очи государства и любые налоги. И еще в натуре, ты – мне, а я – тебе.

Что еще? Вечная зависимость от государства. <...> Любый первый шок – болезнь, потеря работы – выводит семью из строя. Уход в Москву и другие большие города на заработки. Кочевая жизнь вахтерским методом. А если не можешь – из места, где живешь, далеко не уехать. Добраться до Петербурга или отдохнуть в Сочи, не говоря уже о загранице, пожить там – невыносимо дорого. Только авиабилеты – месячная зарплата. Одежду? С такими зарплатами не купить, большей частью – донашивать. Не ремонтировать жилье. Не вложиться в образование. Дипломы стоят не одну тысячу рублей, а бюджетных мест все меньше.

Что говорят опросы? Более 60% населения не имеют банковских сбережений (НАФИ, 2017). У 40% едва хватает денег на еду и одежду. В аграрных поселках эта доля – 46%, у пенсионеров – число заемщиков выросло по микрокредитам (Банк России), и за большинством из них – семья, живущая с постоянной нехваткой средств».

Выходит? С бедностью, опустошением им самим не справиться. Будь они хоть семи пядей во лбу. И другим регионам тоже. **Нужен мегапроект по борьбе с бедностью в России как с чрезвычайной ситуацией.** Хотя бы с охватом 200–300 малых городов, достойных стать новыми национальными жемчужинами.

О ПОЛОЖЕНИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*По страницам книги Л. Графовой
«В защиту “понаехавших”»: Сборник статей
о миграционной политике России
(М.: ООО «Сам Полиграфист», 2016. – 362 с.)*

Михаил Федотов

**(Председатель Совета при президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества и правам человека)**

Что может слово

Автора книги «В защиту “понаехавших”» я знаю с незапамятных времен. Помню экзотические репортажи Лидии Графовой на страницах «Комсомолки»: то она летала на Северный полюс, то опускалась в скафандре на дно Байкала... Невозможно было предположить, что эта летающая за сенсациями журналистка «неизлечимо заболевает», как она о себе говорит, тупиковой проблемой миграции. Целых 25 лет (четверть века!) Графова не просто пишет, но буквально живет внутри трагедии людей, вырванных с корнем из привычной почвы жизни и разнесенных ветром во все стороны света. «Разнесенные ветром» называется предыдущая книга Графовой, которая вышла в начале 2016 г. и сразу привлекла неожиданное для документалистики внимание прессы (шесть рецензий в СМИ – это не шутка, причем, некоторые рецензенты совершенно далеки от проблем миграции и с автором лично незнакомы).

«В защиту “понаехавших” – продолжение “Разнесенных ветром”».

В первой книге Графова описывает страшную историю русского исхода из бывших советских республик и одновременно рас-

сказывает, как она, благополучный журналист, стала заниматься не очень-то уважаемой у нас общественной работой. Хлынувшая во время перестройки гласность постепенно сама себя заглушила: «На нашу свободу слова нам все чаще отвечают... “свободой” слуха». Так что в правозащиту Графову привело разочарование в действительности печатного слова... Однако журналистику она не бросила. Более 500 статей о миграции одного и того же автора в разных изданиях – это «рекорд Гиннеса» в журналистике. Но не в количестве суть. Графова стала экспертом в сфере миграции, была инициатором создания и несколько лет главным редактором уникального журнала «Миграция XXI век», делала его, кстати, в одиночку, но сумела привлечь в Общественно-редакционный совет самых авторитетных ученых. И естественно, что статьи «зацикленного» журналиста (за Графовой закрепилось прозвище «беженская мама», в Интернете ее называют «совестью российской миграции») имеют особую цену, не теряются среди миграционных скандалов, которые с садистским наслаждением мустирует наша пресса. В ее статьях присутствует личное переживание и поиск выхода. Поэтому они еще долго после появления в газете продолжают работать.

Сборник статей «В защиту “понаехавших” – полезная книга, работающая на вразумление нашей «заблудившейся», как считает Графова, миграционной политики. С этим жестким диагнозом трудно спорить. Ведь сама Концепция государственной миграционной политики России, принятая в 2012 г., однозначно утверждает, что наша политика должна быть привлекательной для мигрантов. Но известно же, как немилосердно мы относимся к самым желанным из них, к нашим соотечественникам-переселенцам. На неподготовленного, т.е. нормального читателя, незнакомого с переселенческой трагедией, книги Графовой могут произвести шокирующее впечатление: столь убийственна и неприглядна правда о тех кругах ада, через которые проходят наши соотечественники, чтобы вернуть себе Родину. Но даже равнодушных, думаю, тронет искренность и человечность рассказа о той правде жизни, которая не совсем жизнь.

«Никакой век не в состоянии написать своей собственной истории», – утверждал Герберт Спенсер. Книги Графовой опровергают данное утверждение. Автор ничего не сочиняет, не сгущает краски, хотя даже у меня, следившего за публикациями Графовой в газетах, теперь, когда перечитываю их подряд, возникает недоумение: да ведь это же какая-то дурная бесконечность, ну зачем,

кому это нужно годами прокручивать в бюрократической мясорубке судьбы людей, и без того обделенных, начинающих в России жизнь с нуля?!

Если в первой книге герои Графовой, сравнительно легко получавшие российское гражданство и статус вынужденного переселенца, надеялись пусть не сразу, но хоть когда-нибудь получить от государства жилье (в 90-е годы сама Россия была разоренной и почти нищей, но репатриантам старалась помочь), то начиная с 2002 г., когда обновилось миграционное законодательство, переселенцы уже и не мечтают о жилье, им бы поскорее обрести гражданство РФ, чтобы иметь элементарные права и начать законно работать, «вертеться»...

Страдания по гражданству – сквозная боль второй книги Графовой. Вызывающее название сборника может сбить читателя с толку. Наше общество устало, конечно, от обилия мигрантов, некоторые из них, что греха таить, ведут себя нагло, и окружающие начинают думать, что «все они такие». Это штамп человеческого восприятия. К тому же в последнее время проблема миграции превращается в одну из главных тревог глобального мира, слово «мигрант» становится, чуть ли не синонимом слова «террорист». Так что кто-нибудь, только взглянув на заголовок новой книги, может подумать: «Опять эта Графова защищает своих “понаехавших”... Надоело!»

Не спешите гневаться, уважаемый читатель! Да, Лидия Ивановна, как настоящий правозащитник, всегда на стороне тех, кому особенно плохо, кого несправедливо (скопом!) оскорбляют и унижают, но защищает она не только «своих» мигрантов, а пытается при этом помочь и всем нам (российскому обществу) стать гуманнее, освободиться от скоропалительности выводов, от разъедающей душу вражды и ненависти. Даже не о ксенофобии тут речь, ведь большинство ее подзащитных – русские, но разве не известно, как в деревнях жгут дома, построенные этими работающими, не пьющими «другими русскими»?

Графова была членом Правительственной комиссии по миграционной политике нескольких созывов, она точно знает, что мигранты жизненно необходимы России: трудоспособное население нашей страны сокращается на 1 млн человек в год (и так будет до 2025-го!). Без притока новой рабочей силы захиреет наша экономика и, значит, все мы, россияне, станем беднее. Экономический кризис, будем надеяться, скоро пройдет, а вот кризис демографический повышением рождаемости срочно не преодолешь.

«России, чтобы стать великой державой, – говорил В.В. Путин, – надо бы принять до 50 миллионов мигрантов». Графова не устает повторять: после распада Союза «отрезанными» от России оказались 25 млн русских и 9 млн представителей других национальностей, чьи коренные территории в России. У нашей страны был на редкость счастливый шанс преодолеть демографический кризис, который переживали на рубеже двух тысячелетий почти все развитые западные страны. Мы не воспользовались этим шансом.

«Мигранты – не обуза, а благо для России» – под этим девизом вот уже 20 лет живет и действует Международное общественное движение содействия мигрантам и их объединениям «Форум переселенческих организаций». Это – самая мощная из трех общественных организаций, которые одна за другой возникали в 90-е годы «под крышей» либеральной в ту пору «Литературной газеты», где работала Графова. Еще в начале 1990-го, когда в Москву привезли десятки тысяч армян, пострадавших в бакинских погромах, Графова вместе с известной правозащитницей Светланой Ганнушкиной создали первую в Советском Союзе общественную организацию, помогающую беженцам, – комитет «Гражданское содействие». После распада Союза в Россию, как на остров спасения, устремились миллионы русских и русскоязычных, ставших «оккупантами» в бывших братских республиках. Возникла необходимость объединить усилия разных общественных организаций – с 1993 г. при «ЛГ» стал работать Координационный совет помощи беженцам и вынужденным переселенцам. В него вошли представители Красного Креста, Московской патриархии, ученые и писатели (например, активным членом КС был Денис Драгунский). В 1996 г. Координационный совет созвал активных переселенцев из разных концов России на учредительный съезд «Форума переселенческих организаций». Не узнали бы они о существовании друг друга, если бы по сарафанному радио (Интернета в ходу еще не было) не разносились миграционные новости, прочитанные кем-то из них в «ЛГ».

[Однако в апреле 2016 г.] вышел Указ о ликвидации Федеральной миграционной службы России, вся проблема миграции, включая переселение, были переданы в ведение МВД. Можно себе представить, сколько тревог вызвала у переселенцев эта повторная попытка государства (первая была в 2001 г. и успеха не принесла) навести порядок в миграции путем передачи ее в МВД, чья основная функция – борьба с нелегальными мигрантами, а совсем не прием и не обустройство соотечественников. Было опасение, что

на заседание не придут бывшие сотрудники ФМС, отвечавшие за вопросы гражданства и работу с соотечественниками, ведь тогда еще никто из них не знал своей судьбы в новой структуре МВД. Однако все приглашенные явились и до самого конца (пять часов!) присутствовали на заседании.

Основными докладчиками на заседании были сами переселенцы. Честно говоря, я удивлялся тому, с каким профессионализмом они анализируют запутанное, порой уму непостижимое миграционное законодательство и прямо-таки репрессивную практику его исполнения. А с каким великим терпением рассказывали, как своими силами строили компактные поселения, создавали новые производства, распахивали давно заброшенные земли, а у них потом отнимали эту землю, запрещали прописку в поселках... Но все равно почти каждый повторял, что не жалеет о своем переезде в Россию. Утверждали, что переселение соотечественников еще далеко не закончилось, и это непростительный грех России – воздвигать бюрократические барьеры на пути тех, кто считает ее своей Родиной. «Это же просто абсурд: из-за отсутствия каких-то справок, за просрочку срока пребывания депортировать русских “нелегалов” из России!».

Заканчивая это предисловие, хочу вспомнить известный мне любопытный эпизод. Поздравляя лет пять назад Графову с присуждением ей Правительственной премии за освещение в СМИ проблем миграции, бывший директор ФМС, которого она так нелюбезно критиковала, публично признал, что ее статьи влияют на гуманизацию миграционной политики. Наверное, он был прав, только почему-то с годами гуманизм из конкретных дел ФМС все больше выветривался...

В сборнике «В защиту “понаехавших”» есть такое признание автора: «Я так мучительно не могла понять: ну зачем к мигрантам предъявляют столько невыполнимых требований? К сожалению, долгие годы работы в миграции привели меня к горькому выводу: это просто кому-то выгодно – загонять человека в ловушку, из которой без взятки не выберешься. Увы, миграция превратилась в Клондайк для коррупции». Наивное, конечно, «открытие», оно известно почти каждому, кто сталкивался с миграционной службой. Наверное, это и есть главная причина, заставившая передать ФМС в структуру МВД. Хочу надеяться, что книга Графовой послужит своего рода предостережением, чтобы нам вновь не наступить на те же самые грабли.

Анатолий Вишневский
«Величие государства – “не в обширности
тщетной без обитателей...”»

Интервью с директором Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики; беседует Лидия ГРАФОВА, член Правительственной комиссии по миграционной политике.

***Лидия Графова:** Анатолий Григорьевич, свой доклад о сбережении народа на Международной конференции Высшей школы экономики вы начали с замечательной цитаты из Ломоносова. Давайте начнем с нее и наше интервью.*

Анатолий Вишневский: Ломоносов говорил, что в «сохранении и размножении российского народа... состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности тщетной без обитателей». Эти слова сегодня еще более актуальны. Ведь во времена Ломоносова население России росло, а теперь сокращается.

***Л.Г.:** В 2009 году, кажется, не сократилось?*

А.В.: Только благодаря миграции, которая перекрыла естественную убыль. Но дальше будет сложнее, потому что естественная убыль скоро начнет расти, и чтобы ее перекрыть, понадобится наращивать приток мигрантов.

***Л.Г.:** Но почему вы так уверены, что естественная убыль будет увеличиваться? Рождаемость вроде бы растет, смертность снижается, Минздрав обещает скорую ликвидацию «русского креста»...*

А.В.: Уже не обещает. Хотя долгое время Минздрав, действительно, сеял ненужные иллюзии, связывая их с ростом рождаемости и снижением смертности.

***Л.Г.:** Но ведь и то и другое происходит.*

А.В.: Да, но ни того, ни другого пока не достаточно для ликвидации «русского креста». По уровню рождаемости Россия находится примерно в середине списка европейских стран. Список возглавляют Ирландия, Франция, Великобритания и Швеция, их показатели процентов на сорок превышают российские. Даже если наш успех последних лет закрепится, а в этом нет полной уверенности, я не вижу оснований ожидать, что мы в короткое время обгоним нынешних лидеров, а ведь и у них рождаемость несколько ниже, чем требуется для простого воспроизводства населения.

Но главное даже не в этом.

Число рождений в стране зависит не только от уровня рождаемости (т.е. от среднего числа рождений в расчете на одну женщину), но и от числа женщин в детородном возрасте. Сейчас этого возраста достигают малочисленные поколения, появившиеся на свет в 1990-е годы, поэтому мы вступаем в полосу драматического снижения числа потенциальных матерей. Сейчас у нас примерно 14 млн молодых женщин в возрасте от 18 до 30 лет, а к 2020 г. их останется менее 9 млн. Даже если каждая родит, в среднем, больше детей, чем сейчас, общее число рождений будет неотвратно сокращаться.

Чтобы в этих условиях ликвидировать «русский крест» (т.е. превышение числа смертей над числом рождений), надо, чтобы число смертей сокращалось еще быстрее, а на это рассчитывать не приходится.

Л.Г.: Почему вы считаете, что не приходится? Вот Росстат дает вполне оптимистические прогнозы.

А.В.: У нас есть официальная программная установка: к 2025 г. довести продолжительность жизни населения России до 75 лет. В соответствии с этой установкой Росстат разработал вариант прогноза: ожидаемая продолжительность жизни мужчин должна вырасти к 2025 г. до 70,2 года, женщин – до 79,3 года, а к 2030-му, соответственно, до 71,4 и 79,9 года. А в 2008 было 61,8 и 74,2 года, т.е. рост, как видите, ожидается довольно значительный. Многие наши эксперты, оглядываясь на грустные результаты прошедших десятилетий, высказывают сомнения в возможности запланированного рывка. Ведь всего один раз за всю историю России продолжительность жизни мужчин превысила 65 лет (это было в 1964 г.), а максимальная продолжительность жизни женщин – 74,5 года была зафиксирована в 1989 г.

Л.Г.: Что ж, сомнения экспертов можно понять.

А.В.: Вы правы, но, как это ни парадоксально, правительственные планы можно подвергнуть критике и с другой стороны – за их недостаточную амбициозность. Россия, как известно, не та страна, которую можно упрекнуть в недостатке амбиций. Везде – на земле, в небесах и на море – мы хотим быть первыми, и иногда даже бываем. Почему же наша тяга к первенству ослабевает, когда речь идет об увеличении численности россиян, о жизни и смерти россиян?

Л.Г.: Не понимаю, при чем тут амбиции, когда речь о жизни и смерти...

А.В.: Ну, оглядимся вокруг. Что такое ожидаемая продолжительность жизни 75 лет (для обоих полов)? Это сегодняшний уровень такой страны, как Мексика, намного более бедной, с гораздо менее образованным населением и т.д. Приведенные выше прогнозные оценки продолжительности жизни российских мужчин (самые оптимистические из всех вариантов прогноза) на 2030 г. на 3,9 года ниже, чем уже сегодня достигнуты в США, на 6,3 года ниже, чем во Франции, на 7,3 года ниже, чем в Японии. Соответствующие разрывы для женщин – 1,2, 4,3 и 5,7 года. Если же принять во внимание, что во всех этих странах продолжительность жизни до 2030 г. заметно вырастет, то наши амбиции на два десятилетия вперед не идут дальше сокращения российского отставания от названных стран по продолжительности жизни мужчин с нынешних 14–17 до 7–9 лет, женщин – с 7–11 до 3–8 лет. Не густо.

Л.Г.: *Но если б стал реальностью даже такой рост продолжительности жизни, число смертей все-таки сократилось бы?*

А.В.: Конечно, но не настолько, чтобы стать меньше числа рождений. Этому будут препятствовать невыгодные изменения возрастного состава населения, на которые уже нельзя повлиять. Мало того, что сейчас в силу закономерных, общих для всех стран изменений население вообще стареет, так у нас в России в ближайшие 10–15 лет старение населения ускорится за счет того, что в старческий возраст вступят самые многочисленные среди послевоенных поколений россиян – те, кто родился с конца 1940-х по начало 1960-х годов. А чем больше пожилых и престарелых людей, тем больше и число смертей, это понятно. Так что даже при самой оптимистической из принятых гипотез снижения смертности это число не опустится ниже числа рождений, а ближе к концу 2020-х годов разрыв между ними станет увеличиваться.

Не все эффектно эффективно

Л.Г.: *Ваш пессимизм не слишком созвучен с идеей сбережения народа. Неужели действительно ничего нельзя сделать для снижения в стране смертности?*

А.В.: Я этого не сказал. Сделать можно, как сделали многие другие. Но для этого надо очень серьезно поменять всю систему приоритетов. Совсем недавно, выступая на совместной коллегии Минфина и Минэкономразвития, Путин сказал: «Не будет у нас нормального здравоохранения, если мы денег не будем на это тратить. Мы пока за экономику возьмемся, все туда направим, но

если мы все выйдем, то для кого тогда эта экономика?» В самом деле, мы расходуем на охрану здоровья очень мало, гораздо меньшую долю своего ВВП, чем другие страны. Но известно же, что скупой платит дважды. Экономика несет огромные потери из-за низкой продолжительности жизни (а у нас к тому же низка и продолжительность здоровой жизни). Огромное количество россиян выбывает из строя, а то и из жизни в трудоспособном возрасте. Из-за этого у нас очень низка, по сравнению с другими странами, отдача затрат на подготовку человека к активной экономической деятельности. Путин сказал, что нужно всегда соблюдать баланс, но сейчас он, по-моему, не соблюдается. Все еще жива советская традиция финансирования здравоохранения «по остаточному принципу».

Л.Г.: Неужели все проблемы нашей смертности сводятся к деньгам?

А.В.: Нет, конечно. Тем не менее надо понимать, что долгая здоровая жизнь – и не для нескольких избранных удачников, а для всех – стоит дорого. Впрочем, большие деньги тоже можно потратить неэффективно. Вот смотрите: у нас на 10 тыс. жителей приходится почти 50 врачей, во Франции и Германии – 34, а в Японии – всего лишь 22. Однако же у нас продолжительность жизни – 67 лет, у них – 79–80, а в Японии даже 82 года. Видимо, лечат, как и воюют, не только числом, но и умением. Впрочем, само население тоже не безгрешно.

Л.Г.: Вы имеете в виду пьянство?

А.В.: Да, пьянство – в первую очередь. Как фактор высокой смертности оно играет в России совершенно исключительную роль. Это, между прочим, показала горбачёвская антиалкогольная кампания, когда ограничение потребления спиртного сразу привело к снижению смертности. Но та кампания также показала, что алкоголь – не тот противник, которого можно победить лихим кавалерийским наскоком. Здесь нужно выиграть не одно сражение, а всю войну, для этого нужна тщательно продуманная, глубоко эшелонированная система мер. Боюсь, мы к этому не готовы, и даже не готовимся. Стране как воздух нужна грамотная антиалкогольная политика, которая не может упасть с неба. Она должна пройти этапы научной разработки, общественной экспертизы, публичных дебатов, законотворческих инициатив. Ничего этого у нас нет, а время уходит. В какой-то момент, как всегда в спешке, примут политически эффективные решения, но не все внешне эффективное бывает эффективно. Непродуманные меры могут привести только к очередному конфузу.

Л.Г.: Но разумная антиалкогольная политика – это дело правительства, а не самого населения.

А.В.: И да, и нет. Население у нас еще с советских времен живет под гипнозом государственного патернализма. Я не слишком верю во всякого рода общества трезвости, но меня удивляет, что у нас их нет. Ведь речь идет о тяжелой общественной болезни. Вот Ломоносов ожидал усилий по сбережению народа от высокой монаршей воли – правда, тоже без большого успеха. Но сейчас другое время. Минздрав не был бы столь пассивным наблюдателем многолетней алкоголизации населения, если бы чувствовал какое-то давление снизу. А он этого не чувствует. Горбачёвская антиалкогольная кампания потому и сошла на нет, что ее не поддерживало общество, она основывалась на запретах и ограничениях, была негибкой. Быстрый эффект тогда ощутили буквально через месяц, но долговременный успех может принести только изменение предпочтений массового поведения, а этого не было.

Л.Г.: А если бы нам удалось победить пьянство, это помогло бы сбережению народа?

А.В.: Ситуация со смертностью изменилась бы коренным образом, продолжительность жизни в 75 лет перестала бы нам казаться недостижимым пределом. Но и в этом случае естественная убыль населения не исчезнет, хотя и сократится. Так что все равно без миграционной подпитки избежать сокращения численности населения России не удастся.

Как иначе компенсировать убыль?

Л.Г.: В прошлом году – кажется, впервые за много лет – миграция перекрыла естественную убыль населения?

А.В.: Да, миграционный прирост, по данным Росстата, составил 273 тыс. человек, и население России даже немного выросло – такого не было с 1993 г. Но естественная убыль снова будет расти, и компенсирующая миграция должна будет увеличиваться.

Л.Г.: Какими, по-вашему, должны быть ее объемы в будущем?

А.В.: Если реализуются оптимистические прогнозы и естественная убыль за ближайшие 20 лет составит 5–5,5 млн человек, то для компенсации такой убыли нужно принимать 250–300 тыс. мигрантов в год (речь идет о чистой миграции – прибывшие минус выбывшие). Если, не дай бог, события будут развиваться по пессимистическому прогнозу, то естественная убыль может вырасти до 20 млн человек за 20 лет.

Чтобы компенсировать такую убыль, чистая миграция должна в начале периода быть на уровне полумиллиона человек в год, а ближе к концу периода вырасти до миллиона человек и более. Но скорее всего истина окажется где-то посередине, и потребность в компенсирующей миграции будет увеличиваться примерно с 300 тыс. человек до 700 тыс. в год и составит за 20-летний период около 11 млн.

Л.Г.: *Но это ж не реально! Прежде всего, наше общество не потерпит такого количества «понаехавших». Да и где их взять? Если верить статистике, то за предыдущие 20 лет – с 1989 по 2009 г. – миграционный прирост составил всего лишь 7 млн человек.*

А.В.: Думаю, для России и 11 миллионов – не такая уж большая цифра. Ежегодный миграционный прирост населения США – около миллиона человек. Но тут дело не только в арифметике. В Америке давние традиции иммиграции, огромный опыт адаптации мигрантов, а для нас это дело новое. После распада Союза миграция в Россию возросла, но это была скорее репатриация тех, кто когда-то выехал из России в другие республики, или же возвращались их потомки. Из них 65% были этнические русские, еще примерно 15% – другие народы России, а также обрусевшие украинцы и белорусы. Им не нужно было преодолевать языковой барьер, культурную дистанцию, они просто вернулись домой.

Вчерашний опыт не поможет завтра

Л.Г.: *Считается, что Россия вторая страна в мире (после Америки) по количеству мигрантов, а опыта интеграции у нас практически нет.*

А.В.: Еще в начале 90-х в журнале «Знамя» была опубликована моя статья «Неизбежно ли возвращение?» Я утверждал, что репатриация неизбежна и что к приему возвращенцев надо готовиться.

Л.Г.: *А Россия встретила эту великую человеческую трагедию по известной пословице: авось рассосется... И только недавно появилась программа содействия возвращению. Странно: ее почему-то стесняются назвать программой репатриации.*

А.В.: Эта программа – типичная подготовка генералов к прошлой войне. Основной этап возвращения закончился. Сегодня надо готовиться к приему и интеграции совсем других мигрантов, которых отделяет от россиян немалая культурная дистанция. Миграция в Россию все больше будет напоминать миграцию турок в

Германию или алжирцев во Францию. Хорошо бы извлечь уроки из опыта этих стран и не повторить их ошибок.

Л.Г.: Но с мигрантами из бывших республик нас связывает общее историческое прошлое, многие из них знают русский язык...

А.В.: Многие алжирцы тоже знали французский, это облегчало их интеграцию, но не решало всех проблем. Дело не только в том, насколько мигранты готовы и способны интегрироваться, но и в том, насколько готова к такой интеграции принимающая страна. А мы, по-моему, не очень-то готовы. Миграция всегда была для нас совершенно нейтральным понятием. Русские спокойно выезжали жить в Среднюю Азию, Закавказье или Прибалтику, во время войны Средняя Азия приютила огромное количество эвакуированных из России и Украины, армяне и грузины без проблем селились в Москве и т.д. Слово «мигрант» впервые приобрело отрицательное значение на исходе советского времени в Латвии – там стали так называть выходцев из России.

Можно только удивляться, как быстро антимигрантские предрассудки распространились в постсоветской России. И сквозь призму предрассудков миграция предстает в искаженном виде: ее позитивная роль заведомо преуменьшается, а проблемная сторона, которая, конечно, тоже существует, раздувается до невероятности. Это и есть признак неготовности общества к интеграции мигрантов. Хорошо еще, что на стороне миграции такой сильный союзник, как объективные экономические интересы России.

Л.Г.: Но считается, что России нужна образованная и кредитоспособная миграция, а к нам, мол, едут толпы неквалифицированных узбеков и таджиков.

А.В.: Конечно, любая страна заинтересована в приезде готовых специалистов. Но известный феномен «утечки» («перетечки») мозгов не бывает массовым. Все экономические и культурные центры мира выросли, как известно, за счет миграции вчерашних крестьян, часто не имевших представления о городских занятиях. А их дети уже становились квалифицированными рабочими, инженерами, учеными, деятелями культуры. То же происходит и сейчас уже с международной миграцией: в индустриальные и постиндустриальные мегаполисы Европы и Америки едут, в основном, выходцы из бедных крестьянских стран.

В массе своей они способны поначалу осваивать только «нижние этажи» экономической пирамиды. Но именно на этих непрестижных рабочих местах мигранты и нужны больше всего, потому что местное население не хочет их занимать. Трудовая

миграция гармонизирует ситуацию на рынке труда, способствует более эффективной реализации человеческого капитала, накопленного в этих странах.

Л.Г.: Но сколько проблем рождает миграция... И вот московское правительство собирается заменить гастарбайтеров приезжими из других регионов России.

А.В.: По сути это конкуренция за дефицитную рабочую силу на внутрirosсийском рынке труда. Богатой столице выиграть тут нетрудно, но выгодно ли это всей России? Великое княжество Московское будет, значит, откачивать людей из всех городов и весей, а общий дефицит рабочей силы, как и убыль населения страны, при этом ничуть не уменьшится. Мне кажется, это политика тришкина кафтана. Нужны специальные программы привлечения мигрантов, их приема, интеграции. Такие программы могут оказаться довольно затратными, что не понравится, конечно, любителям сыра в мышеловке. Но это область политического выбора, проверка политиков на дальновзоркость.

А вот если бы...

Л.Г.: Недавно вы высказали любопытную мысль о «ремонте» российской возрастной пирамиды за счет приглашения мигрантов 1990-х годов рождения. Вы действительно считаете это возможным?

А.В.: Я считаю, это было бы великое дело. Благотворные последствия ощущались бы не менее ста лет, неизменно смягчая проблемы, возникшие у нас из-за резкого снижения рождаемости в 90-е годы, на которые еще наложилось отдаленное эхо войны. Если бы в Россию удалось переселить большое число молодых людей, это и был бы своего рода демографический «ремонт». И есть ведь у нас хороший способ привлечь – позвать учиться в наши вузы и техникумы. У российского образования – хорошая слава, но скоро из-за нехватки собственной молодежи часть учебных заведений придется закрыть. Так пусть же там учатся иммигранты, пусть без заморочек получают вид на жительство, служат в нашей армии, рожают детей. Почему нет?

Л.Г.: Да потому нет, что у нас ксенофобия в общественных настроениях бушует...

А.В.: К сожалению, здесь ничего нельзя доказать. Есть люди, которым сокращение населения кажется нормальным явлением. И они вправе так думать. Это в каком-то смысле философский

вопрос. Но я исхожу из убеждения, что сокращение населения губительно для России. И при всей важности повышения рождаемости и снижения смертности, иммиграция – единственный реальный ресурс, который может сейчас стать источником сбережения и приращения народа.

Конечно, масштабная миграция связана с рисками. Да, опытом интеграции нам придется овладевать почти с нуля. Нужны неординарные решения, нужны пробы, а они неотделимы от ошибок. Но уйти от всего этого нельзя. Масштабные международные миграции – все более утверждающая себя реальность современного глобализованного мира, и если Россия не хочет утратить конкурентоспособность, она должна найти свое место в этой новой реальности.

(«Новая газета», 01.04.2000.)

Валерий Тишков

«Антимиграционизм как официальная политика – это наше российское ноу-хау»

По оценкам МВД, в России около 5 млн нелегальных мигрантов. Федеральная миграционная служба (ФМС), переживающая седьмую реорганизацию за последние шесть лет, главной целью ставит борьбу с нелегалами. Но их количество увеличивается. «Лучший способ борьбы с нелегальной миграцией – это легализация» – «круглый стол» под таким девизом прошел в здании ФМС. Инициаторами «круглого стола» стали «Форум переселенческих организаций» и программа «Миграция и право» («Мемориал») при поддержке Международной организации по миграции и аппарата уполномоченного по правам человека в РФ.

Об итогах дискуссии беседуют директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий ТИШКОВ и председатель исполкома «Форума переселенческих организаций» Лидия ГРАФОВА.

– Ваше выступление на «круглом столе» было самым радикальным. Это потому, что вы смотрите на ситуацию с особой «глобальной колокольни»? И расскажите, пожалуйста, что это такое Глобальная комиссия по миграции, в которую вы вошли по приглашению Генсека ООН Кофи Аннана.

– Комиссия возникла потому, что процесс глобализации выдвигает миграцию в число главных мировых приоритетов. Всего в комиссии 25 ученых и общественных деятелей из разных стран.

Я представляю не только бывшие республики Советского Союза, но и государства Восточной Европы. Комиссия готовит доклад о миграционной ситуации в мире и дает рекомендации правительствам об адекватных способах решения проблем в их странах.

– Вы заявили, что миграционная политика России, по сути, является антимиграционной и что частичными поправками в законы ситуацию не исправить.

– Нужно как можно быстрее менять концепцию запретительной миграционной политики. Бессмысленно жестокие законы «О гражданстве» и «О правовом положении иностранных граждан» принимались вроде бы для борьбы с опасной нелегальной миграцией, а ударили в первую очередь по значительной части жителей нашей страны и нашим бывшим соотечественникам, которые остаются во многом культурно-родственными россиянам людьми, обладают качествами, крайне необходимыми для нашего общества и, самое главное, – желают жить и работать в России. Два или даже три миллиона новожителей, давно и законно (по безвизовому режиму) переехавших в Россию, успевших интегрироваться, найти работу, уплачивающих налоги, вдруг узнают: по новым законам они – нелегалы, и каждого из них власти могут в любой день депортировать. Это абсурд. Иммиграционную амнистию надо было проводить, как это делается во многих странах, по крайней мере за полгода до новых законов.

– Много недоумений вызвало само название – «иммиграционная амнистия». Амнистируют, мол, только преступников...

– Ну ладно, давайте заменим этот принятый в мировой практике термин словом «легализация». Но разве в словах дело!

– Сколько трагедий происходит из-за того, что процедура легализации немыслимо усложнена. Недавно в Серпухове мы проводили встречу работников паспортно-визовой службы с переселенцами. Старая женщина с орденами (была партизанкой в войну) встала перед президиумом на колени и со слезами молила: «Сделайте мне подарок ко Дню Победы – даруйте российское гражданство». Анна Петровна Смирнова переехала к дочери с Украины и уже два года мучается без пенсии, медстраховки. Из-за отсутствия справок ей не дают ни вида на жительство, ни гражданства. Нужно собрать больше десятка справок (90-летних стариков заставляют сдавать анализы на СПИД), и пока человек их добывает, остальные могут устареть. Экзекуция начинается по новой.

– Я сам уже два года наблюдаю за мучениями супругов из Узбекистана. Даже письмо в ОВИР ЮЗАО Москвы о продлении

им регистрации без выезда в Узбекистан, подписанное мною как членом правительственной комиссии по миграционной политике, и положительная резолюция председателя комиссии никак не помогли: поезжай, вернись, заплати штраф 500 рублей за один день просрочки (попали выходные и праздники). Переселение в Россию практически прекратилось. А Россия нуждается в мигрантах, причем не в гастарбайтерах, а в постоянных жителях.

– Легализация разных категорий мигрантов могла бы стать «прорывом» в создавшейся ситуации.

– Но кто будет эту деликатную работу исполнять? Из-за реорганизаций миграционная служба фактически развалена, опытные сотрудники ушли. Мне показали проект указа президента о новой структуре ФМС. Оказывается, ее объединяют с паспортно-визовой службой, а та имеет свои отделения в каждом городе и даже поселке – огромный штат. Миграция как проблема в этом котле потонет. Теперь все мы пойдем менять паспорта почему-то в «миграционку». То есть все станем немножко мигрантами.

– О том, чтобы передать в ФМС вопросы регистрации, вида на жительство и гражданства, разговоры идут давно. Был проведен эксперимент в трех пилотных регионах. Учитывая, что именно вопросы легализации стали главной мукой для мигрантов, возможно, было бы логично, чтобы все они решались в одном «родном» ведомстве...

– Но мы же знаем, какие «родственные» чувства питает милиция к мигрантам. В свое время было замечено: передавать миграцию в ведение милиции – все равно что «общество защиты животных присоединять к мясокомбинату». В новом проекте нарисован устрашающий монстр: ФМС должна разрабатывать и осуществлять «комплексные меры по выполнению мобилизационных заданий и мероприятий гражданской обороны», обеспечивать «функционирование госсистемы воинского учета». Вести розыск каких-то должников... При чем тут миграция! Станные вещи происходят: президент заявляет, что нам нужны не запреты, а эффективная миграционная политика, а ему на подпись готовят такой документ...

– Есть надежда, что в таком виде проект указа к президенту все же не поступит.

– Идеология же антимиграционной политики разрабатывалась некой межведомственной рабочей группой, которую возглавляет зам. руководителя администрации президента Виктор Иванов. Именно эта группа виновата в том, что были приняты

такие законы. Президенту же пришлось вносить поправки в закон «О гражданстве» и фактически извиняться за чужие ошибки. Спрашивается: почему истинные виновники никакой ответственности не несут?

– Президентские поправки могли бы создать правовую основу «иммиграционной амнистии» (легализации). Но на последнем этапе получение гражданства связали с наличием «регистрации по месту жительства», т.е. с постоянной пропиской. Но ведь ее отсутствие как раз и есть главная беда переселенцев! Эксперты Совета по правам человека, который возглавляет Элла Памфилова, предлагали выход: пусть наряду с регистрацией дорогу к гражданству открывают и «иные подтверждения факта постоянного проживания». Всего пять слов. Но они были выброшены из проекта. И теперь даже судебные решения о факте постоянного проживания многие чиновники просто игнорируют.

– Я много думал: откуда такая мигрантофобия в нашей стране? Объяснять все бытовым невежеством («понаехали тут...») было бы слишком просто. Неприятие чужаков свойственно всем местным сообществам. Но вот чтобы антимиграционизм становился официальной политикой – это наше российское ноу-хау. Спрашивается: зачем, кому это выгодно? И негодные законы, и не соответствующие проблеме исполнители возникли не сами по себе, а потому, что были востребованы антимиграционной политикой. Сторонники запретительных мер действовали (и продолжают), как говорится, из добросовестных заблуждений. Они считают, очевидно, что уловили настроение широких масс и что этой ненавистью к «понаехавшим» можно консолидировать электорат, поддержать высокий рейтинг президента.

– Однако мы уже, как вы помните, почти пятнадцатый год пытаемся доказать, что мигранты не обуза, а благо для России. При нашем демографическом кризисе и слабозаселенных просторах Сибири и Дальнего Востока нынешняя антимиграционная политика – это серьезная угроза национальной безопасности страны.

– Увы, установка на позитив дается всегда труднее, чем разжигание дурных страстей. Вот СМИ и политики говорят: мы лишь отражаем настроения в обществе. Неправда. Посмотрите многие телепередачи, в которых тон задают шовинисты националистического толка. Если бы людям почаще объясняли, что те же таджики-строители только потому живут тут в скотских условиях, чтобы раз в неделю послать мешок крупы своим семьям – спасти от

голода... И если бы ученые посчитали, какую экономическую выгоду уже принесли мигранты стране и многим из нас лично (дешевый ремонт квартир, строительство дач, уход за детьми, больными и т.д.), настроение, думаю, изменилось бы. Все мы в какой-то степени причастны к эксплуатации этих людей. И многим, наверное, кажется, что если прогнать с рынков «черных» торговцев, то арбузы-дыни-овощи все равно останутся. Года через два, как предсказывают демографы, рынок все поставит на свои места: в России, как и во всей Европе, рабочая сила станет самым большим дефицитом, и страны начнут переманивать друг у друга мигрантов. Но сколько еще таджикских девочек и африканских студентов погибнут за эти два года от рук скинхедов? И поедут ли в такую опасную страну будущие мигранты?

(«Известия», 08.07.2004.)

Лидия Графова **Русские без России**

Три килограмма трагедий для генерала

Парадокс: начавшаяся с 15 января либерализация миграционного законодательства касается только гастарбайтеров. А новожителям, выпавшим из правового поля, никакое облегчение не светит.

На первом заседании недавно созданного при ФМС Общественного совета опять был поднят вопрос об иммиграционной амнистии. Теперь уже не обо всех нелегалах, как раньше, идет речь, а главная тревога сегодня о той сравнительно небольшой части «застрявших» соотечественников, которые приехали к нам на ПМЖ. И в подавляющем большинстве это классические репатрианты – русские люди.

С письмами таких «нелегалов» я обошла много кабинетов в ФМС – пыталась получить скорую помощь. И почти все сочувствовали, но в бессилии разводили руками. Так и пришла я на заседание Общественного совета с тяжелой сумкой отчаянных писем и, когда зашла речь об амнистии, поставила эту сумку на стол перед директором ФМС Ромодановским: «Вот, Константин Олегович, здесь, наверное, килограмма три трагедий. Что с этими письмами делать?» Ромодановский заявил сгоряча, что готов лично с этим грузом разбираться, и если виноваты сотрудники службы, он сразу же позвонит и прикажет...

Спасибо, Константин Олегович, за отзывчивую реакцию, но ведь это всего лишь капли в слезном море. А как помочь остальным сотням тысяч, этих «нелегалов поневоле» никто даже не считал.

Из того тяжелого груза выбираю лишь три типичные истории.

«Нелегалка» четырнадцатилетней давности

С Натальей Шваловой я познакомилась прошлой осенью в аэропорту Домодедово, когда мы вместе встречали Людмилу Журавлеву. Оказалось, Людмила и Наталья – дважды землячки. И та и другая – из Туркменистана. И – так случилось – обе переселились в одно и то же место – Сергиев Посад Московской области.

Правда, Наталья сначала (еще в 1993 г.) приехала из Ашхабада в Санкт-Петербург, окончила там библиотечный техникум. А потом переселилась в Сергиев Посад, где к тому времени жили у родственников ее мать и сестра. Они успели получить российское гражданство еще в Туркменистане, и им дали статус вынужденного переселенца.

А у Натальи не было ни того, ни другого, и сергиево-посадские паспортисты не желали ее легализовать. Раз нет, мол, у вас своего жилья, не может быть ни постоянной прописки, ни гражданства.

Наконец, в 2005-м документы у нее приняли. Радовалась: это уже реальный шаг к гражданству РФ. Год терпеливо ждала, а когда пришла спросить, заместитель начальника ПВУ Д.Е. Карпов как ни в чем не бывало сообщил Наталье, что ее советский паспорт... в миграционной службе... «куда-то затерялся».

Я, конечно, позвонила в Сергиев Посад. Карпов заявил, что паспорта Натальи он в глаза не видел. И вдруг стал отчитывать меня за «клеветнические» статьи про Журавлевых. Это ж он, Дмитрий Евгеньевич, и его начальница Морозова инициировали скандальное дело о депортации, сломавшее жизнь молодой семье. Стало, честно сказать, очень грустно. Если этот зам на меня так кричит, как же он с переселенцами обращается?

Вот видите, уважаемый генерал Ромодановский, – никакого раскаяния. Правда, после звонка ваших сотрудников из ФМС Карпов признался, что паспорт Шваловой был-таки потерян. И пообещал найти выход. До сих пор ищет. Еще полгода прошло. А всего, значит, уже 14 лет вернувшаяся на свою историческую родину Наталья не может стать законной гражданкой.

На днях она позвонила, что уволилась с работы: не хочет подводить свою заведующую. Сейчас ведь идет зачистка рынков, а она, библиотекарь без паспорта, работала продавщицей в продуктовой палатке.

Месть чиновника

Мария Королева с мужем Виктором и дочкой Ксенией переехала в Краснодарский край из Молдовы десять лет назад. В станице Старощербиновской им достался дом по наследству. В феврале 2003-го, получив после долгих мытарств свидетельство о праве собственности, начали они собирать справки для прописки. Казалось бы, теперь им должна быть зеленая улица. Вот лежит передо мной копия документа на бланке краевой комиссии миграционного контроля: «...комиссия не возражает против временного проживания в Российской Федерации ... на жилой площади в собственном домовладении...».

Но «не возражать» еще не означает, оказывается, разрешить. Паспортно-визовая служба Щербиновского района отказала семье в регистрации, ссылаясь на то, что изменилось, мол, законодательство и еще нет инструкций, как его выполнять.

«С тех пор мы пока собирали одни справки, кончался срок других. Перечень документов и справок поражает. Это какой же образ жизни нужно вести, чтобы заработать такие болячки, как СПИД, сифилис, лепра, и еще стать наркоманом. Мало того, что натерпишься стыда, таская ребенка по диспансерам, так за эту макулатуру нужно еще заплатить немалые деньги. А как их зарабатывать, если ты – нелегал?»

У мужа Марии, профессионального телеоператора, за время этих бесполезных хождений закончился срок действия молдавского паспорта. У школьницы-дочери и не могло быть никакого паспорта. А от них стали требовать миграционные карты, хотя семья переселилась в Россию за пять лет до того, как эти карты были введены. Но все равно: «Выедьте и снова въедьте». Мария, имеющая действующий молдавский паспорт, катала одна то в Молдову, то на Украину, добывала эти квиточки. «Мы прекрасно понимаем, что надо соблюдать закон, каким бы он ни был. Но если за изменением законов невозможно угнаться, как быть нам, попавшим в западню?».

В отчаянии они написали в Москву в президентскую Комиссию по гражданству. Жалоба, как водится, вернулась в ГУВД

края, и с тех пор над семьей нависла угроза депортации. Месть чиновников, на которых какие-то мигранты посмели жаловаться, бывает долгой и многообразной. Дочку Марии, десять лет проучившуюся в одной школе, вдруг отказались допускать к выпускным экзаменам. Вдруг выяснилось, что ей не могут без паспорта выдать аттестат, а только справку. Мария пишет:

«Я с ужасом думаю, что нас может постигнуть та же участь, что и Журавлевых...»

Уважаемый Константин Олегович! Дамоклов меч депортации может опуститься над Королевыми в любой день. Вот же повадился ходить к ним участковый и в начале февраля заставил подписать протокол о том, что они находятся на территории Российской Федерации незаконно. И потребовал в течение месяца уплатить штраф. Мария спросила: сколько? А он говорит: вы что, телевизор не смотрите? Мол, от двух до пяти тысяч с человека.

Мария звонит нам, рассказывает, что в их маленькой станице нет гастарбайтеров, так милиция, чтобы выполнить план по борьбе с нелегалами, взялась за «пээмжэшников». Даже врачей «скорой» обязали докладывать адреса незарегистрированных переселенцев, которые обращаются за помощью ...иностранцы по штампу.

Письмо телятницы-«нелегалки» Людмилы Слесаревой переслала мне депутат Законодательного собрания Калужской области Татьяна Котляр. Она, беспокойный депутат, пытается помочь Людмиле и двоим ее сыновьям уже не первый год.

Людмила, зоотехник по образованию, имела несчастье в период развала Союза десять лет прожить на родине мужа в Украине. В 1997-м вернулась в деревню Волконск того самого Козельского района, где родилась и выросла. Позвала ее больная бабушка, нуждавшаяся в уходе. Вскоре бабушка умерла и отказала внучке дом. Людмила в отличие от Марии не сумела до сих пор оформить наследство. Но дальнейшие ее злоключения развиваются по тем же, до боли знакомым нотам: «Чтобы оформить разрешение на временное проживание, я собрала уйму справок на себя и двоих детей. Это стоило пять тысяч рублей, а зарплата моя – полторы тысячи. Однако все наши справки пропали, просто устарели. Я никак не могла сдать их в ПВО, хотя ездила в Козельск много раз. Там прием документов один день в неделю, во вторник, до 13 часов. А мне из деревни добираться 30 километров. То очередь передо мной кончалась, то сумма моего заработка не подходила – слишком маленькая, то паспортистка уезжала в Калугу. И вот какая беда: если раньше у меня все-таки соглашались принять до-

кументы по старому советскому паспорту, то теперь требуют оформлять новый украинский. Никак не могу уразуметь, зачем это нужно. Ведь я никогда не отказывалась от российского гражданства. А украинский штампик мне поставили в паспорт, не спрашивая моего согласия».

Вот тут и лежит та «пропасть взаимонепонимания», как выражается Людмила, между такими бедолагами, как она, и чиновниками, решающими их судьбы. Ну не чувствует себя Слесарева, хоть убей, иностранкой в родной деревне, и вся эта бумажная канитель для нее – пустая формальность. А чиновники смотрят на ситуацию сквозь призму своих инструкций, им на всякие там чувства плевать. Разве чиновника за гуманизм начальство похвалит? Наоборот, могут наказать, снять погоны. И потому штампик в паспорте или квиточек миграционной карты для чиновника важнее всех человеческих чувств.

Депутат Котляр написала для Слесаревой заявление в суд. Бывают случаи, когда судебное решение о признании факта постоянного проживания открывает переселенцу прямую дорогу к гражданству. Козельский районный суд потребовал от Людмилы принести бумажку от паспортистов о том, что она к ним не раз обращалась и все без толку. Но кто ж даст бумажку против самого себя? В общем, и с судом ничего путного не вышло.

Она бы поставила на этом бесполезном деле крест и жила бы себе нелегалкой, но теперь уже с ее старшим сыном (он оканчивает радиотехнический техникум) происходит та же беда, что и с дочерью Марии. Ему, не имеющему паспорта, не хотят выдавать диплом. И срочно переводят на платное обучение: иностранец.

Это опять, значит, надо ехать в город, просить чужих людей, унижаться... А ей ведь так трудно вырваться. Каждое утро и каждый вечер нужно дать пойло из ведра каждому из семидесяти двух ее телят. И чтоб их накормить, приходится толкать вручную каток сена в 300 килограммов весом. Иностранка...

«Но разве я виновата, что, пока я была на Украине, развалился Советский Союз?».

Что ответим ей, Константин Олегович?

Девять месяцев надежды одного года

Так вот спрашивается: зачем и кому это нужно, кому выгодно выгонять из России работающих переселенцев? Я задавала этот давно терзающий меня вопрос многим экспертам и ответст-

венным чиновникам. Ни от кого не получила внятного ответа. И совсем уж необъяснимая, какая-то бессмысленная жестокость была допущена недавно в отношении этих «нелегалов»-новожителей. В соответствии с последними поправками в Закон о правовом положении иностранных граждан от 6 января с.г. была вновь введена квота на получение РВП. Как показывают все три наших истории, процедура получения этого так называемого РВП – разрешения на временное проживание – становится буквально ловушкой на первых же шагах наших соотечественников к гражданству. И вот же какой получается абсурд: теперь для трудовых мигрантов установлена безбрежная квота – 6 млн, а для приезжающих на ПМЖ совсем мизер всего лишь 50 тыс. Это на всю Россию! В два раза меньше, чем в прошлом году. И будет, значит, таким Наталья, Марии, Людмиле еще хуже.

До каких же пор, Константин Олегович, мы будем допускать эти издевательства над репатриантами?

(«Российская газета», 14.03.2007.)

Лидия Графова

Генерал Поставнин ушел из ФМС, но остался с миграцией

На днях состоялась презентация нового фонда, который ставит перед собой весьма амбициозную цель: способствовать формированию разумной, спасительной для будущего России миграционной политики. Среди множества организаций, занимающихся сейчас этой жгучей проблемой у фонда «Миграция XXI век», хочется надеяться, будут особые авторитет и эффективность. Ведь возглавляет его Вячеслав Поставнин, бывший заместитель директора Федеральной миграционной службы России, тот самый нетипичный генерал с правозащитным геном, который продвигал либеральную миграционную революцию, начавшуюся в нашей стране в 2007-м. Тогда были введены поправки в законодательство о трудовых мигрантах, что позволило легализоваться (выйти из рабского подполья) 4 миллионам так называемых гастарбайтеров.

Это был прорыв. В сущности, страна предприняла серьезную попытку борьбы с коррупцией. Известно же, что нелегальная трудовая миграция – клондайк и для ненасытных чиновников, и для уходящих от налогов рабовладельцев, и для вольготно пасущихся на этой ниве человеческого бесправия «правоохранителей». Но уже с начала 2008-го реформа пошла вспять. Миграционная политика в

нашей стране движется в ритме старого танго: шаг вперед – два шага назад. Не хотят, ясное дело, хищники отдавать свою многомиллиардную наживу... Как-то ухитряются втихую, с ловкостью наперсточников, вставлять в служебные инструкции такие тупики и ловушки, из которых мигрант не выберется без взятки.

Да и сама коррумпированная система автоматически отторгает шестеренки, которые вертятся «не в ту сторону». Генерал Поставнин ушел из ФМС «по собственному» и мог, конечно, как это делают многие «бывшие», выгодно устроиться в бизнесе. Но миграция не отпускала. Он не теоретически, а на живом практическом опыте уверовал, что у России, самой большой по территории страны в мире, теряющей от 700 тысяч до миллиона населения в год, просто нет перспективы развивать экономику и даже просто сохранить свои бескрайние просторы без привлечения мигрантов. Не навечно же пришел кризис. Все развитые страны нуждаются в притоке трудовых ресурсов, а России после распада Союза выпал счастливый шанс – к нам едут в основном наши вчерашние соотечественники. Не отпугнуть бы их все возрастающей мигрантофобией.

Особенностью нового общественного фонда является высокий профессионализм. Второе лицо организации, Наталья Власова, много лет занималась трудовой миграцией в Министерстве труда, а в последние годы работала заместителем начальника Управления внешней трудовой миграции ФМС России. Она тоже играла важную роль в той либеральной, так быстро прекратившейся «революции».

Это отважный шаг – создавать фонд в защиту мигрантов и миграции как таковой в ситуации нынешней кризисной паники, когда «понаехавшие» назначены виновниками наших бед, чуть ли не сплошь преступниками и разносчиками заразных болезней. Тема миграции стала расхожей козырной картой в популистских политических играх, телевидение то и дело зомбирует россиян уроками человеконенавистничества. Кого сегодня впечатлишь тревогой о завтрашних глобальных угрозах?

Однако эксперты, правозащитники и представители международных организаций, собравшиеся на презентацию, были едины во мнении: именно сейчас, в смутное время, особенно важно доносить до людей правдивую информацию о вкладе мигрантов в экономику нашей страны и в решение социально-бытовых проблем россиян. Рамазан Абдулатипов, только что вернувшийся из Таджикистана, где был послом России, с болью говорил о том, как

пагубно влияет на взаимоотношения стран СНГ нагнетаемая анти-миграционная истерия.

С пожеланием успехов фонду выступили директор бюро МОМ (Международной организации по миграции) в России Энрико Понзиани и старший советник по вопросам миграции бюро МОТ (Международной организации труда) в Москве Нилим Баруа. А вот из руководства ФМС никто, к сожалению, не пришел. Между тем фонд искренне намеревается налаживать конструктивное сотрудничество с разными государственными структурами, и в первую очередь, конечно, с этим профильным ведомством. ФМС сегодня можно посочувствовать – служба оказалась на передовой линии фронта, где идет борьба не просто за цивилизованную миграцию, а, в сущности – за достоинство и благополучие России. Но понимают ли это, думают ли об интересах России государственные чиновники?

(«Новая газета», 01.04.2009.)

Михаил Федотов Политика для Робинзонов

Беседа руководителя Совета при президенте РФ по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека с Л. Графовой.

Рейтинговая ненависть

Лидия Графова: *Насколько мне известно, Михаил Александрович, ваша первая официальная встреча после вступления в новую должность была с директором ФМС. Почему вы выбрали миграцию?*

Михаил Федотов: Потому что мигрантам, пожалуй, тяжелее всех. Мало того что, приезжая в Россию, они чувствуют себя как робинзоны – должны начинать жизнь с нуля, так они еще испытывают специфические проблемы, связанные с их инородством и иноземством. Именно поэтому я начал свое знакомство с руководителями профильных для нашего Совета министерств и ведомств со встречи с Константином Олеговичем Ромодановским. Миграция сегодня – одна из самых горячих проблем. Не только у нас, но и во всем мире. К тому же меня давно волнует роль нашего журналистского сообщества в разжигании ненависти к мигрантам.

Графова: Вы смотрели ток-шоу Соловьёва «Поединок» о миграции? Вот уж яркий пример затуманивания мозгов. Просто удивительно, почему так суетился Соловьёв, зачем подыгрывал противникам мигрантов, а реплики экспертов тонули в крике.

Наша страна подошла к «демографической яме», и теперь количество трудоспособного населения сокращается почти на миллион человек в год.

Федотов: Передачу не видел, но наслышан о ней. К сожалению, скандальных передач и статей о мигрантах – море пруди. Тут циничный расчет: потрапишь настроению большинства – подскочит рейтинг, пойдешь против – рейтинг упадет. Коммерческий интерес, не более. К сожалению, некоторые наши СМИ убеждены, что рыночная экономика распространяется и на тонкие сферы человеческих отношений. Для них главное – всучить товар покупателю, а что товар «с душком» – плевать. Вот опросы показывают, что большинство россиян настроены против «понаехавших». Честно сказать, я не очень этому доверяю, но вообще-то нельзя не учитывать особенности человеческой психологии, имеющие истоки в глубокой древности: люди другой культуры, языка, традиций, особенно когда их много в твоём городе, создают неудобство, даже пугают.

Но какой канал ТВ взял на себя труд внятно и последовательно объяснять россиянам, какие «неудобства» нас ждут, если мигранты Россию покинут? Все вроде бы слышали, что наша страна подошла к «демографической яме», о чем давно предупреждали эксперты, и теперь количество трудоспособного населения сокращается почти на миллион человек в год. На самом деле это катастрофа. Но до сознания большинства серьезность положения не доходит. А ведь без необходимого человеческого ресурса, пополнить который могут именно мигранты (рост рождаемости, которого мы так долго ждали, пополнит трудоспособный ресурс страны самое раннее через полтора десятка лет), остановится рост экономики, рухнут социальные программы, буквально каждый из нас обеднеет. Почему эти очевидные вещи не объяснить публике? Будем же в конце концов прагматиками: не можем обходиться без мигрантов – надо по-человечески к ним относиться. Ведь в доброжелательной среде самым «неподдающимся» захочется интегрироваться.

Графова: Трудности интеграции и в европейских странах вызывают мигрантофобию. А мы только начинаем об этом задумываться, вот в ФМС создано управление по содействию интеграции.

Федотов: Мы говорили об этом с Ромодановским. Он, мне кажется, глубоко вник в проблему и прекрасно все понимает. Вот и в вашем с ним интервью в «Российской газете» прослеживается мысль, что миграционная политика обязательно должна быть с «человеческим лицом» («Миграция без милиции» – «Российская газета» № 219 от 29.09.2010 г.). Справедливости ради отметим: далеко не все зависит от ФМС. Мне, например, непонятно, как это получается: ведь «наверху» вроде бы давно осознали, что приток мигрантов нам жизненно необходим, а некоторые наши коллеги-журналисты напропалую резвятся, натравливая народ на мигрантов. Вот если бы не только эксперты и некоторые социально ответственные журналисты говорили о пользе мигрантов, а высшее руководство страны внятно заявило бы свою политическую волю: «принимать – и точка», могу предположить, зная сервильность того же ТВ, что досужие дискуссии «нужны или не нужны нам мигранты» быстро бы закончились.

В стиле танго

Графова: Но пока что наша миграционная политика движется в стиле старого танго: шаг вперед, два шага назад. Вносятся либеральные поправки в законодательство, а потом произвольно урезаются квоты. Знаете, существующая система квотирования работает как мощная наковальня, массово штампуящая нелегалов из добропорядочных мигрантов. Они приезжают к нам из СНГ по безвизовому режиму, вполне законно, и ведь работа для них есть, но нет квот, якобы кончились (правда, квоту всегда можно купить, но чем дальше, тем она дороже), и вот нелегал готов. А ведь загоняет этих трудяг в теневой сектор само государство. Эксперты уже говорить об этом устали. В общем, борьба с нелегальной миграцией сегодня просто видимость. Впрочем, это понятно, ведь нелегальная миграция – Клондайк для коррупции.

Федотов: С системой квотирования в сфере миграции я пока незнаком, но сам этот принцип мне хорошо известен: его коррупционность видна невооруженным глазом. Но что можно ему противопоставить? Ромодановский с гордостью рассказывал мне о системе патентов для мигрантов. Может быть, это поможет вывести нелегалов из тени?

Графова: Очень хочется, чтобы так было. Но пока, к сожалению, вместо ожидаемых миллионов за патентами обратилось только 140 тыс. Это за пять месяцев. По всей России.

Федотов: Рано еще огорчаться. Главное, что механизм заработал.

Графова: Нет, это не механизм, это работают настойчивые приказы из московского аппарата ФМС. А на местах, насколько могу судить по ситуации в Приморье (только что вернулась из Владивостока), идет тихий саботаж. Мигранты, желающие легализоваться, встречаются с таким количеством бюрократических придирок, что в испуге уходят. Есть опасение, что хорошая идея патентов будет скомпрометирована на корню, как это уже произошло с программой содействия добровольному переселению соотечественников.

Федотов: Но известно же, что программа переселения оживает. Вы вот ездили на Дальний Восток по приглашению Минрегиона, да? Это был, кажется, уже четвертый по счету Интеграционный форум, который проводит Минрегион, и они разработали очень разумную новую концепцию программы переселения. Тут я в курсе и считаю: через какие бы ухабы ни проходила эта программа, саму ее идею негоже компрометировать. Дело даже не в количестве переселившихся, а в гуманном духе программы. Теперь наши соотечественники, живущие вне России, смогут почувствовать себя более защищенными. Само сознание, что ты в любое время можешь приехать и получить российское гражданство, думаю, дорогого стоит.

Квоты на надежду

Графова: Михаил Александрович, вы упомянули о получении гражданства. Это самая болезненная тема в миграции. Много лет пишу на страницах «Российской газеты» о трагедиях «нелегалов поневоле». Нормально ли, что наши соотечественники, давно приехавшие жить в Россию (кстати, без всякой помощи государства), по пять, семь и даже по десять лет не могут стать законными гражданами? У кого-то нет регистрации (прописки), кому-то не хватает какой-то справки или просрочена миграционная карта. Как ни странно, в большинстве это русские люди. Миграционная служба на голубом глазу отправляет их за недостающими бумажками обратно «в свою страну» (Таджикистан, Узбекистан и т.д.). Им говорят: «Вы выедьте, а потом въедьте». Чего, мол, вам стоит. А у вернувшейся в Россию «нелегалки», которую в свое время партия и правительство послали поднимать промышленность советских окраин, может быть, денег на хлеб

не хватает, без пенсии живет. Уму непостижимо: ради чего эти издевательства?!

Сразу после принятия нового закона о гражданстве, превратившего всех наших вчерашних сограждан де-юре в «иностранцев», мы, правозащитники, стали требовать проведения срочной иммиграционной амнистии. Такие акции упрощенной легализации проводятся в большинстве цивилизованных стран, когда ужесточается законодательство и скапливается большое количество мигрантов без статуса. Восемь лет доказываем очевидное: ну куда ж эти люди от нас не денутся, зачем их так долго мучить? И никто вроде бы не возражает, но...

Федотов: Насколько мне известно, иммиграционные амнистии на Западе обычно проводятся для трудовых мигрантов, которые решили остаться и ничего противоправного за время своего пребывания в стране не совершили. У нас ведь другое дело – переселенцы, соотечественники. И тут слово «амнистия» вряд ли уместно. Впрочем, не в названии, конечно, дело. Здравый смысл подсказывает, что эти наши давно интегрировавшиеся соотечественники – фактически россияне. Полагаю, что наше государство обязано признать за ними все гражданские права. Не хватает каких-то документов, трудно их добыть? Значит, нужно установить для решения вопросов гражданства максимально простую судебную процедуру. И чтобы судья имел возможность пренебречь формальностями в пользу справедливости, учитывая конкретные жизненные обстоятельства человека.

Могу вам обещать, что наш Совет будет активно поддерживать идею скорейшей легализации этих, как вы говорите, «нелегалов поневоле». Кстати, мы договорились с Ромодановским, что Совет поддержит поправки, разработанные ФМС по поручению Правительственной комиссии по миграционной политике. Это же хорошо, что предлагается без всяких бюрократических заморочек выдавать паспорта детям мигрантов, которые въехали с родителями еще несовершеннолетними, а теперь выросли и не имеют никаких документов.

Графова: *Знаете, мне эти поправки кажутся слишком уж осторожными. Разве не странно: у родителей-неграждан будут дети с российскими паспортами? Почему не решить в целом давно Perezревзшую, постыдную, прямо скажем, проблему? Чего мы боимся?*

Федотов: Считается, что наше законодательство, касающееся вопросов гражданства, соответствует лучшим мировым стандартам.

Оно и в самом деле сделано довольно добротно. Но полностью ли оно учитывает ситуацию коллапса Союза ССР? Советский Союз распался внезапно, человеческие связи разрывались по живому, и раны будут кровоточить еще не один десяток лет. К тому же Россия стала государством – продолжателем Союза, и значит, взяла на себя определенные обязательства перед соотечественниками.

Графова: Владимир Лукин в одном из интервью «Российской газете» сказал определенно: «Наши соотечественники, лишившиеся родины против своей воли и ныне переселившиеся в Россию, в сущности, не являются иностранцами» («Лишить паспорта – лишить жизни» – «Российская газета» № 166 от 04.09.2009 г.). Уполномоченный давно озабочен этим. Два года назад он представил доклад, посвященный массовому нарушению прав при изъятии паспортов. Во время проведения так называемой «сплошной проверки» ФМС отобрала у граждан более 50 тысяч «подозрительных» паспортов, что в большинстве случаев означало лишение гражданства. Генпрокуратура прекратила порочную практику. Так теперь они «исправились» – действуют через суд.

Федотов: Но ведь так требует закон: никто не имеет права лишать человека гражданства без решения суда.

Графова: Конечно. Только суд должен доказать при этом, что в подделке документов виноват тот человек, которого лишают гражданства. А миграционные чиновники здорово наловчились вину за собственные злоупотребления сваливать на головы своих жертв, и самое возмутительное, что прикрывают эту манипуляцию видимостью законности. Знаете, вот уже год не дает мне покоя орехово-зுவская история: там из-за махинаций с продажей квот на временное проживание пострадали четыре сотни человек. В их документах были обнаружены грубые подделки, которые сами эти люди никак не могли сделать, и Московская областная миграционная служба прекрасно это понимает, тем не менее обращается в суд с лукавыми исками. В решениях Московецкого суда признаются, конечно, факты подделок – они ж очевидны, но кто виноват – не сказано. В «Российской газете» было опубликовано две моих статьи про эту затянувшуюся историю: «Повисли в воздухе» и «Заврушка. RU». Я не раз лично у Ромодановского просила пощадить этих без вины виноватых, не лишать их гражданства. Нет, суд до сих пор завален исками миграционной службы против орехово-зувских пострадавших. Это наглядный пример того, как на нашу свободу слова нам отвечают «свободой» слуха.

Федотов: Мне трудно комментировать эту историю, надо будет конкретно разобраться. Но о каких квотах вы говорите? Они же устанавливаются для трудовых мигрантов, а тут переселенцы.

Графова: *Для переселенцев установлены другие квоты, причем мизерные. Абсурд, конечно. Россия вымирает, программа добровольного переселения стопорится, а тут люди приехали сами, ничего у государства не просят, кроме гражданства, а их чуть ли не в преступников превратили. Как, по-вашему, Михаил Александрович, есть ли у нашей миграционной политики, а тем более у практики, «человеческое лицо»?*

Федотов: На ваш риторический вопрос отвечу так: прежде всего нам нужно упорядочить миграционное законодательство, оно должно быть ясным, прозрачным, понятным каждому мигранту. И, конечно, не коррупциогенным. Надеюсь, вы верите, что президент со всей искренностью объявил войну коррупции. Должен заметить, что каждый проект закона, прежде чем попасть в Думу, проходит проверку на эту самую коррупциогенность.

Вы, Лидия Ивановна, «зациклились» на миграции (говорю не в обиду), и вам кажется, что ситуация в этой сфере хуже некуда. Увы... Не секрет, что коррупция, как раковая болезнь, проникает во все жилы и суставы наших госструктур. Президент это видит не хуже нас с вами. Но задача президента – не ловить отдельных жуликов и казнокрадов, а определять основные направления внутренней и внешней политики. Причем делать это так, чтобы жулики и казнокрады ускоренным темпом свои теплые места меняли на места весьма отдаленные. Но он не волшебник. У него нет кнопки, чтобы нажать – и коррупция, как нечистая сила, вмиг бы исчезла. Президент очень нуждается в поддержке гражданского общества, и бывает очень обидно, когда люди активные отворачиваются, опускают руки – все равно, мол, от меня ничего не зависит.

Где заключается союз чиновника и энтузиаста?

Графова: *Как вы считаете, миграционной службе нужна помощь общественных организаций?*

Федотов: Риторический вопрос. Без сотрудничества с общественными организациями ни о какой интеграции мигрантов и речи быть не может. Именно социально ориентированные НКО берут на себя тысячи житейских проблем, с которыми сталкивается человек в новой среде, заодно освобождая чиновников от лишних забот. В Америке, например, более тысячи неправительственных

организаций работают с мигрантами. И государство их поддерживает. Как административно, так и финансово. Ведь государству это выгодно: труд общественников и не так дорог, и более эффективен, потому что многое в так называемом «третьем секторе» держится на энтузиазме.

Графова: *К сожалению, в ФМС относятся к общественным организациям как-то несерьезно («драмкружок» – любимая шутка директора), а к тем, кто работает по зарубежным грантам, отношение подозрительное. Вот мечта опытных переселенческих организаций нашего «Форума...» получить социальный заказ от родного государства так и осталась мечтой. Между тем в законе о вынужденных переселенцах есть статья 13, именно о социальном заказе.*

Федотов: Однако же именно ФМС создала при своих региональных управлениях общественные советы и возлагает надежды на их помощь в интеграции мигрантов.

Графова: *Да, три года назад в регионы ушел приказ директора о создании таких советов, все начальники бодро отчитались и продолжают отчитываться. Но реально работают, наверное, не больше десятка советов. Но чего ждать от региональчиков, если работники центрального аппарата отказываются, например, посещать очень важные мероприятия сети МИРПАЛ. Это созданная по инициативе Всемирного банка сеть практиков и экспертов по миграции из девяти стран СНГ. Вот согласились вроде бы участвовать в видеоконференции по интеграции, специально им в помощь вашингтонский офис Всемирного банка приглашает специалистов мирового класса, а теперь – отказ. Некогда им, понимаете ли, слушать про мировой опыт интеграции.*

Федотов: А вы хотите, чтобы сотрудничество НКО с государственными ведомствами протекало как в рождественской сказке? Не надо иллюзий, но я уверен, сама гремучая смесь миграционных проблем заставит ФМС и профильные НКО активно сотрудничать. Тут важен обоюдно уважительный диалог, умение прощать обиды, которые вольно и невольно стороны наносят порой друг другу. В общем, как говорится, интересы дела – прежде всего. А дело у вас ой какое нужное для всей России!

(«Российская газета», 21.12.2010.)

Лидия Графова Такая упрямая жизнь

Переселенцы воскрешают умершие деревни России

В далеком от всех городов вымирающем уральском селе Катарач недавно произошел, как ни странно, демографический «взрыв»: население разом увеличилось на десять человек. Это две семьи переехали из Казахстана, и у каждой – по трое детей (младший еще материнскую грудь сосет, зато старший 12-летний Данила уже умеет управлять трактором).

И даже «электропастух» есть

Первой переселилась из Казахстана в Катарач семья Свиридовых. Виктор, глава семьи, в свое время окончил радиотехнический техникум, но жизни без земли не мыслил – мечтал, как и его отец, завести когда-нибудь свою ферму. С распадом Союза в бывших республиках резко изменилось отношение к русским, получить под ферму кусок земли Свиридову не удалось. Стал гастарбайтером в России – несколько лет ездил на заработки в Самару, Сызрань, Омскую область. «Всюду искал тот заветный уголок, который предназначен именно для меня и моей семьи». И вот нашел такой уголок на Урале.

Не прошло и двух лет, а в стенах давно заброшенной фермы забурилась жизнь. Возникла, как в сказке, отара из 370 овец, 9 бычков, 2 лошади, индюки, гуси и больше сотни кур. Проведено на ферму электричество, пробурены скважины для воды, отремонтирован пол и крыша фермы. Территорию для выгона охраняет так называемый «электропастух». Это растянутые на кольях провода, по которым проходит ток низкого напряжения, и животные, получив однажды легкий (безопасный) удар, приобретают инстинкт – больше к ограде не подходят. На ферме установлено видеонаблюдение. В хозяйстве два трактора, две телеги, бортовая «Газель», токарный станок, недавно был куплен рулонный пресс-подборщик для заготовки сена.

Как могло в столь короткий срок возникнуть все это на руинах? Нечему было бы удивляться, если бы в Катарач заехали богатые предприниматели, наняли бы бригаду, завезли мощную технику... Но тут обычные крестьянские семьи, не нищие, конечно, однако припасенных в Казахстане сбережений им хватило

бы только на выживание, окажись они в положении «робинзонов» на покинутом людьми острове, как оказываются многие переселенцы даже в шумном городе.

Но в Свердловской области есть «Уральский дом».

Миграционные мосты

Общественную организацию «Уральский дом» создали в г. Заречном Свердловской области два друга-переселенца Леонид Гришин и Рафаэль Сераждинов. Еще 15 лет назад. В ту пору слова «гастарбайтер» в российском обиходе не существовало, и была у друзей одна цель – помогать таким, как они, переселенцам делать первые шаги в новой жизни. Образование у них обоих среднетехническое, у Рафаэля даже обнаружили предпринимательские способности (организовал мастерскую по ремонту мебели); но создавая общественную организацию, немного комплексовали: ну какие из нас правозащитники?

Начали с простого: своими руками построили на хоздворе овощехранилище (закупленные подешевле с лета овощи помогли выжить многим семьям), организовали при мастерской общежитие на несколько коек, чтоб хоть в первые дни дать приют бездомному. А когда нашему «Форуму переселенческих организаций» удалось через спонсоров получить для «Уральского дома» мощный трейлер, они сумели так по-хозяйски его использовать, что сами смогли зарабатывать средства на свою общественную деятельность. Жизнь заставляла расширять эту деятельность: на том трейлере совершали «Рейсы мира» в палаточные лагеря Ингушетии и в Чечню, провели акцию «Из рук в руки» по сбору в области продовольствия и сами доставили груз в зону вооруженного конфликта в Кыргызстане, провели там, в Кыргызстане, конкурс русского языка, организовали сбор книг и учебников для русских школ в странах Центральной Азии, осуществляют многолетнее шефство над школой, работающей при православном храме в г. Оше. У себя в Свердловской области именно «Уральский дом» с успехом провел первые курсы обучения мигрантов русскому языку. Открыли в Заречном уникальный Центр комплексной поддержки мигрантов с комфортабельным общежитием, скоро откроют свой медпункт.

Но главное из их дел, которое принесло «Уральскому дому» известность не только в России, – это, конечно, «миграционные мосты». Они разработали механизм реализации того самого орга-

бора, о котором как о спасении от нелегальной миграции так давно говорят миграционные чиновники. Говорят и говорят, а тут – получилось. Да, в микромасштабе, но ведь по обе стороны «моста» (в странах СНГ и в России) работали общественные организации, не имеющие никакого административного ресурса.

Моделью «мостов» заинтересовались в Санкт-Петербурге, Воронеже, Красноярске и даже во Владивостоке. МОМ (Международная организация по миграции) собиралась организовать на базе «Уральского дома» школу по распространению опыта. Но тут в Свердловской области произошел скандал – обнаружилась манипуляция трудовыми квотами для мигрантов. Общественно-консультативный совет при областной УФМС, возглавляемый в ту пору Леонидом Гришиным, стал инициатором разоблачения коррупционных сделок. Этого им не простили. Лидеры «Уральского дома» убедились, что невозможно бороться с нелегальной миграцией в одном отдельно взятом регионе, и решили не заниматься больше трудовой миграцией («Здесь все подогнано под интересы коррупции, а ей нелегальные мигранты сверхвыгодны».) Решили сосредоточить свои усилия на деле, ради которого создавали свою организацию, – на конкретной помощи переселенцам.

Кстати, модель «миграционных мостов» наглядно показала, что временные трудовые мигранты, если они в регионе действительно нужны и если встретить их по-человечески, естественно превращаются в желанных переселенцев.

Хотя программы содействия добровольному переселению в Свердловской области до сих пор не было, «Уральский дом» фактически давно помогает соотечественникам, сумел привлечь в уральскую глубинку около 200 специалистов, в том числе учителей и врачей. Местные жители таким мигрантам не нарадуются. Омбудсмен Свердловской области Татьяна Мерзлякова считает: «Эта небольшая общественная организация сделала для нашего региона то, чего не смогла сделать миграционная служба».

Прецедент

«Меня встретили в “Уральском доме” так, как никогда нигде не встречали, – вспоминает Виктор Свиридов. – Будто только меня тут и ждали». Оно и в самом деле: зареченцам давно хотелось найти надежных переселенцев, готовых поднимать брошенные деревни. Сколько их пустует на Урале, да и по всей России, а города стонут: «понаехали тут...».

«Ну почему мы боимся идти в село?» – недоумевает Леонид Гришин. Он теперь по решению правительства Свердловской области является членом авторитетной Межведомственной комиссии по реализации долгожданной программы добровольного переселения (она была, наконец, принята и вот-вот должна заработать). Гришин пытался добиться, чтобы сельские районы были включены в приоритеты программы – не получилось. Так вот, упрямые зареченцы решили создать доказательный прецедент в селе.

Выбрали Катарач почти случайно. Просто свели Виктора Свиридова с бывшим жителем этого села, который работает теперь инженером в коммунальном хозяйстве Талицкого района и тоскует по брошенному родительскому дому. Он, Дмитрий Павлович Дёмешкин, с радостью повез Виктора в Катарач, показал «перспективные руины» фермы, привел в свой бывший дом и сказал: «Нравится – живите!» Было это – Виктор точно помнит – 10 октября 2011 года, а 16 октября он уже привез из Казахстана своего друга Виталия Гангалю. Купили для второй семьи дом по соседству, прилично сохранившийся и – смешно сказать – за 5 тысяч рублей.

Должна признаться: когда мне самой довелось побывать в этом селе с трудным названием Катарач, никакой особой красоты я там не увидела. Ну, раздольные поля вокруг, ну, лес на горизонте, ну, мелковатая речка. А чуть отойдешь от двух их обжитых домов с ухоженными огородами, попадаешь в заросли бурьяна в человеческий рост, натыкаешься на покосившиеся заборы, в некоторых дворах остались только скелеты сгоревших изб, а там, где дома еще уцелели, погребально стучат на ветру распахнутые ставни. Но они, переселенцы, всей этой тоски просто не замечают. Мужчины, а в особенности их жены – Татьяна и Светлана, взахлеб рассказывают мне, какая прекрасная здесь природа и какой хороший чернозем. Жены – настоящие «декабристки», они приехали позже, прошлым летом, и мужа не нахвалятся, какой у них теперь надежный «тыл».

Сам собой заходит разговор о человеческом счастье. Хором признают, что это, конечно – крепкая семья. «И еще чувство свободы», – добавляет Виталий, сладко потягиваясь (хроническое недосыпание). Виктор вдруг говорит: «Знаете, кто-то мечтает, чтобы его сын стал министром, а я вот хочу, чтобы мои сыновья стали классными трактористами, и знаю, что так и будет, – это же в наших руках».

В геометрической прогрессии

Увы, это иллюзия, что у человека, решившего возрождать российскую деревню, все «в своих руках», пусть у него руки и золотые. При всем неукротимом энтузиазме этих переселенцев («Позвонишь им за полночь, они все еще копошатся на ферме», – не раз говорили мне зареченцы) не смогли бы приезжие справиться с тем кошмаром административных заморочек, которые ждут каждого иностранца, желающего начинать свое дело в России. Да, они, русские репатрианты, до сих пор считаются иностранцами. Если у мужчин есть хоть РВП (разрешение на временное проживание), то у жен и детей – только миграционные карты. Одна из женщин имела несчастье на день просрочить временную регистрацию, так пришлось 300 километров дважды преодолеть туда-обратно и платить штраф 2 тысячи рублей – срочно зарезали на продажу барашка. А о приключениях кормящей матери в ближайшей районной больнице, куда привезли заболевшего младенца – «иностранца», лучше не рассказывать. Они сами, кажется, тот сюжет уже забыли, это у меня застряло в памяти, как негодовали тогда Леонид с Рафаэлем.

Как манны небесной ждут эти переселенцы, как и десятки тысяч таких же «иностранцев» в разных углах России, когда, наконец, вступит в действие реформированная программа содействия добровольному переселению соотечественников. Только став ее участником, можно будет через три месяца, а не через семь лет (!), получить российское гражданство. А без гражданства ты не можешь ни одного практического шага сделать, ты здесь – никто. В общем, лежала бы их ферма по сей день в руинах, если бы не оформил на себя индивидуальное предприятие и землю тот местный житель, Дмитрий Павлович Дёмешкин. Это целая эпопея – оформить кипу документов, выпросить у администрации необходимые для выпаса гектары земли, которая вдруг становится кому-то очень нужна. Все эти хлопоты «Уральский дом» брал, конечно, на себя. Вкладывались в дело как интеллектуально, так и материально. Продали тот знаменитый трейлер, чтобы помочь переселенцам купить самое необходимое из техники. Отдали им свою старую легковушку. Первых трех барашков подарил переселенцам отец Гришина, живущий в другом уральском селе. Потом переселенцы, вложив собственные сбережения, стали покупать самую разную живность – каждой твари по паре. И тут на глазах у всей деревни началось удивительное самовоспроизводство жизни, оно происходит, оказывается, «в геометрической прогрессии».

Вскоре потребовались дополнительные рабочие руки. Леонид с Рафаэлем приезжают только по выходным, вкалывают, как говорят, «от всей души». Но этого, конечно, мало. Переселенцы уже давно принимают на работу местных, и в селе (вот уж настоящее чудо!) стали меньше пить.

P.S.

На днях из Заречного пришло радостное известие: по региональной программе поддержки села администрация Свердловской области выделила переселенческой ферме грант в 1 млн 100 тыс. на разведение племенных коров. Теперь Леонида с Рафаэлем трудно застать в офисе – колесят по всей области, выбирая самый надежный питомник, чтоб купить самых лучших племенных нетелей.

(«Российская газета», 08.08.2013.)

Лидия Графова **Дороже любых денег**

Как украинские беженцы ищут и находят приют в России

По сведениям ФМС России, начиная с 1 апреля [2014], в нашу страну въехали больше 515 тыс. жителей с юго-востока Украины. 145 тыс. из них обратились в миграционную службу. В пунктах временного размещения (ПВР) находятся 26 тыс. человек.

О чем говорят цифры

Статистика дает представление о масштабах человеческой трагедии, а что переживает каждый беженец (каждый день!), по цифрам, конечно же, не понять. Но если просто сравнить две цифры: 26 тыс., живущих в пунктах временного размещения, и 515 тыс. въехавших (они ведь тоже где-то живут) – становится очевидным, что основной удар от наплыва беженцев держит все российское общество. Конечно, в пограничных с Украиной регионах (Ростовская, Белгородская, Воронежская и др. области) администрация и разные госслужбы затратили массу энергии и нервов, создавая «с колес» пункты временного размещения в пансионатах, бывших пионерлагерях, интернатах, гостиницах...

Оперативно, как всегда, работает МЧС, разбивая палаточные лагеря (хорошо, что сейчас лето). В стране создано 400 стационарных и 8 мобильных пунктов временного размещения, разной,

конечно, комфортности, но там живут на полном гособеспечении, получают четырехразовое питание, медицинскую и даже психологическую помощь (кое-где даже бесплатный доступ в Интернет) 26 тыс. человек. Остальные 490 тыс. нашли приют у родственников и друзей, знакомых и незнакомых людей. Часть семей приютили монастыри, больницы и школы.

Эффективно помогать людям, попавшим в беду, может и должно именно гражданское общество.

Можно от души порадоваться отзывчивости россиян, но нужно все-таки учитывать, что любое гостеприимство имеет пределы. Мне лично известно немало случаев, когда семьи с радостью принимали у себя близких родственников из Украины, но через какое-то время взаимоотношения в этих семьях становились невыносимыми. Что поделать, большинство россиян сами живут весьма скромно, и долгое время содержать вторую семью просто не в силах.

На прошлой неделе премьер Д.А. Медведев провел селекторное совещание и объявил, что подписан ряд постановлений правительства, касающихся беженцев из Украины. Из бюджета на решение их проблем выделено 4,9 млрд руб., причем львиная доля – 3,6 млрд пойдут как трансферты регионам для обустройства пунктов временного размещения, а на адресную финансовую помощь беженцам, проживающим в домах граждан, выделяется 380 млн, и распределять эти деньги по регионам поручено ФМС. Неимоверной загруженности этой службы стоит посочувствовать. В начале августа вступают в силу еще два миграционных закона – о носителях русского языка и о необходимости заявлять о наличии второго гражданства, так что хлынут на прием новые толпы, а тут еще такая щепетильная задача, как распределение финансовой помощи беженцам, рассыпанным по всей России. Но пусть хоть какая-то часть из них сможет оплатить коммунальные расходы своих хозяев. Ну а общая сумма (почти пять миллиардов!) – неслыханная щедрость государства в решении проблем жителей Украины, покинувших родину из-за ведения там военных действий.

Компромат на беженцев

Почему только 145 тыс. из полумиллиона украинских беженцев обратились в ФМС? Оказалось, что приютить и накормить сотни тысяч человек легче, чем дать им легальный статус, позволяющий законно трудиться и не чувствовать себя иждивенцами.

Пожалуйста, не надо думать, что подавляющее большинство беженцев не приходили в миграционную службу, потому что не интересуются своим правовым статусом. Уверена: почти все приходили, приезжали из далеких поселков и, наверное, не раз, но после стояния в очередях (часами на ногах, под палящим солнцем) многие уходили, не добившись никакого толка.

Было бы несправедливо сваливать всю вину на чиновников. Многие миграционные службы работают самоотверженно, на пределе человеческих возможностей (хороший пример – Белгородская и Липецкая области). Но могут ли сотрудники дать толковый совет каждому, если наше запутанное, противоречивое миграционное законодательство перенасыщено запретами и ограничениями? И даже тогда, когда чиновник со всей искренностью хочет человеку помочь (отказать – дело не хитрое), все каверзы законодательства вылезают наружу как иголки у дикобраза.

Казалось бы, это так естественно – разрешить беженцу, если он нашел работу, законно трудиться и самому кормить свою семью. Нет, нельзя – закончились квоты. Тогда, может быть, получить РВП (разрешение на временное проживание), оно ведь дает право законно жить в России и работать без квот? Нет, тоже нельзя. На РВП свои, еще более крутые квоты. К тому же нужна регистрация по адресу, где ты реально проживаешь (за фиктивную регистрацию новый закон о «резиновых квартирах» предусматривает штраф и даже уголовную ответственность хозяевам жилья). А где взять беженцу настоящую регистрацию (прописку), если россияне порой даже своих родных детей не хотят прописывать? Оформление документов на РВП стоит до 10 тыс. руб., а у некоторых приехавших с юго-востока Украины даже на дорогу в ту же миграционку денег нет. И с документами у многих тупик: во время обстрела, кроме паспорта, ничего не успели захватить.

В общем, стали бы они все «нелегалами поневоле», не будь давнего соглашения с Украиной о том, что ее граждане имеют право находиться в России 90 дней без регистрации. Теперь им этот срок продлили еще на 180 дней. И квоты на РВП для украинских беженцев увеличены теми хорошими постановлениями. Но это случилось только недавно, в конце июля.

В официальном сообщении Ростовской области упомянут такой тревожный факт: «...на работу устроено примерно от 900 до 1 тыс. человек». Неужели из 220 тысяч, скопившихся в самой перенаселенной беженцами области, нашлась всего одна тысяча неленивых? Известно, что в основном к нам едут спасаться жен-

щины с детьми, а отцы семейств продолжают воевать, но все же не может быть, чтобы было так мало трудоустроено. Звоню в Ростов, знакомый эксперт отвечает: «Да что вы... У нас много тысяч беженцев работают, правда, не совсем легально. Это из пунктов временного размещения удалось трудоустроить только одну тысячу. С теми, кто живет на всем готовом, действительно беда. Там находятся такие, что всем недовольны, им подавай гостиницу в пять звездочек».

Как правило, весь негатив идет от тех, кто посетил пункты временного размещения. Жизнь основной массы беженцев остается для них в тени. Но стоит набрать в интернет-поисковике два слова: «братская помощь», и окунаешься в такую пучину горя, что дышать нечем. Слава богу, что на любой отчаянный зов кто-то откликается: предлагают работу, жилье, отдых для детей, уход за стариками и инвалидами, оплату редких лекарств... До чего ж необходим единый, широко известный сайт, где был бы банк данных о вакансиях по разным регионам, о доступном жилье, о срочных нуждах беженцев и о предложениях самой разнообразной помощи. Было бы так здорово, если бы люди без всяких посредников могли общаться между собой, многие просят: пусть помощь будет адресной, по принципу «из рук в руки». Уже есть энтузиасты, готовые начать кропотливую работу по созданию и наполнению такого сайта, но без поддержки государства тут, конечно, не обойтись.

И вновь возвращаюсь к дорогой мне истине, пришла к ней не умозрительно, а на живом опыте (как-никак четверть века работаю с мигрантами), так вот: эффективно помогать людям, попавшим в беду, может и должно именно гражданское общество, а не только и не столько чиновники, у них просто нет на это времени.

Зачем нужен общественный контроль

Это несправедливо и даже непрактично, что государственные средства отданы в полное распоряжение чиновников, а общественные структуры как бы ни при чем. Вот те 3,6 млрд, что выделены на организацию и содержание пунктов временного размещения, пойдут, видимо, не только на уже существующие в приграничных регионах (многие из них сейчас спешат расселить – надо же освободить к 1 сентября интернаты и школы, да и нельзя оставлять людей на зиму в палатках), основная часть денег пойдет на создание новых, более фундаментальных центров в других областях. Кто и как будет осваивать эти бюджетные деньги?

Нет сомнений, в регионах найдется немало строительных фирм, жаждущих получить бюджетные деньги за свою застрявшую из-за дороговизны продукцию. Им ведь совсем не важно, соответствуют ли эти строения потребностям беженских приютов, быстро проведут тендер, и победит, как водится, тот, у кого больше коррупционных связей.

Нельзя допускать, чтобы повторилась история с организацией центров временного размещения, предназначенных для участников программы добровольного переселения соотечественников. Больше всего таких центров в Калининградской области, и у них дурная слава: переселенцев там обманывали несбыточными обещаниями, вынуждали брать кредиты, чтобы делать за свой счет ремонт, на который были выделены бюджетные деньги, а теперь выселяют целые семьи в никуда.

Чиновники не привыкли экономить, когда есть бюджетные деньги. Вот в Воронежской области всех беженцев из интерната уже перевели в частную гостиницу. Можно себе представить, сколько будет стоить их содержание, пока другие регионы пришлют заявки на переселение. К сожалению, те не спешат, и это сейчас главный стопор. Общественные организации (с Урала, например, и Приморья) бьют тревогу: «нам очень нужны люди!», готовы предложить гражданам Украины работу с жильем... Небольшая переселенческая НКО «Уральский дом» (Свердловская область) своими силами (с помощью негосударственных спонсоров) создала уникальный Центр комплексной поддержки мигрантов (с удобным общежитием). И вот у них никаких проблем с обитателями центра не бывает. Только благодарности. Ведь здесь им подыскивают работу, помогают с оформлением документов и с решением массы житейских вопросов, которые возникают у каждого человека на новом месте. Если бы таким общественным центрам доверять хоть небольшую часть бюджетных средств, они бы их использовали с наибольшей пользой.

Поразительное дело: даже в нынешней экстремальной ситуации, когда государственные службы явно не в состоянии справиться с валом беженских проблем, многие чиновники не заинтересованы в предлагаемой им помощи компетентных НКО. Учитывая вездесущность нашей госпожи коррупции, хотелось бы, конечно, предложить: за использованием бюджетных средств, выделяемых на беженцев, нужен неусыпный общественный контроль, но знаю же я, что в это свое «святая святых» чиновники никого не допустят.

О вреде напрасных обещаний

Украинским беженцам (они де-факто таковыми и являются) в основном рекомендуют подавать документы на временное убежище. Статус беженца, дающий ряд социальных гарантий, смогли получить только единицы во всей России. Ну а за временным убежищем обратились, как сообщает ФМС, 38 тыс. человек... Почему же так мало?

400 стационарных и 8 мобильных пунктов временного размещения создано в России. Пугает людей необходимость сдавать украинский паспорт, получая синюю книжечку о временном убежище. А у многих остались на Украине старики, братья и сестры, которых в зависимости от хода событий, возможно, придется срочно забирать. И куда ж ты двинешься без паспорта? Если возьмешь назад – лишишься убежища. И напрасны, значит, все пережитые мытарства: сначала надо отстоять очередь на консультацию, потом заполнить и принести анкету (6 страниц!), в другой день сдать документы и пройти дактилоскопию, наконец, прийти за справкой о том, что документы приняты, и ждать, ждать... В Москве получение синих книжечек назначают аж на февраль будущего года, в Московской области – на ноябрь сего года.

Но теперь принято постановление, и все должно вроде бы измениться: беженцам из Украины решено выдавать убежище не в индивидуальном, а в массовом порядке (трудно понять, почему до этого не додумались раньше). «Вместо трех месяцев – за три дня!» – эту сенсацию разнесли многие СМИ.

...Захожу в конце прошлой недели в Московскую областную миграционную службу, где часто бываю, и вдруг вижу на закрытой двери объявление: «Уважаемые иностранные граждане! По техническим причинам с 24 июля по 28 июля приема не будет». Это какие же технические причины заставили прекратить работу в такое горячее время? Неужели и впрямь кончились бланки, как давно уже опасались сотрудники? А как же с выдачей адресной помощи, ведь она, как сказано в постановлении, будет выдаваться только тем, кто уже получил статус беженца или временное убежище? Причем (внимание!) строго оговорен срок: надо успеть... до 1 августа сего года.

Впрочем, теперь, когда для беженцев из Украины снят ряд ограничений, многие говорят, что и не будут оформлять временное убежище, а будут просить иные статусы, не требующие сдачи украинских паспортов.

Думать о завтра

Люди, убежавшие от войны, не знают, что с ними завтра-послезавтра будет (этого и никто в России не знает). Как все беженцы на свете, украинские больше всего хотели бы возвратиться в свою прежнюю жизнь, домой. Но у многих руины вместо дома. И почти все жители юго-востока Украины опасаются репрессий со стороны киевских властей уже за то, что побывали в России. Да, это особые беженцы, и нам нельзя забывать, что это родные близкие нам люди. Как и все люди, они – очень разные и ведут себя по-разному. Но давайте попробуем представить самих себя на их месте...

Труд, как известно, лучший лекарь в тяжелых жизненных ситуациях. Это возмутительно, что известные своей работоспособностью жители юго-востока, ставшие беженцами, так долго пребывали в правовой невесомости. В то же время трудовые мигранты из Украины (их, как сообщает статистика, сегодня в России 1,9 млн) – самые желанные работники на российских предприятиях. Граждане Украины прекрасно владеют русским, их не надо интегрировать, от работодателей порой слышишь: «Вот бы заменить гастарбайтеров из Средней Азии на украинцев...». Если иметь в виду нашу демографию и хроническую нехватку рабочих рук, можно сказать, что украинские мигранты – не обуза, а благо для России. Только бы освободить их от бюрократических пут и относиться к каждому по-людски. Повторю: сделать это чиновники без сотрудничества с гражданским обществом не смогут. Несмотря на причитания, что «гражданского общества в России нет, все мы разобщены», наше общество сегодня в очередной раз показало, как это случалось при массовых пожарах, наводнениях и других катастрофах, что россияне не очерствели и способны отзываться на чужую беду коллективными действиями. По всей стране стихийно возникают благотворительные фонды и добровольческие организации, раскошеливается крупный бизнес, даже пенсионеры просят номера беженских мобильных: «Положу хоть несколько по сотне, им же приходится так много звонить...». До чего же важно поддержать и сохранить в людях этот искренний настрой на добро, на помощь пострадавшим. Благожелательный климат в обществе не только беженцам нужен (большинство из них со временем уедут), а нам, самим россиянам, может быть, еще больше. Недаром ведь старшее поколение с ностальгией вспоминает советские времена, когда жизнь была гораздо хуже (о многом даже

страшно вспомнить), но ведь это правда, что люди добрее относились друг к другу.

Как в отдельной семье, принявшей беженцев, так и в местных сообществах могут вскоре начаться конфликты. Из-за неповоротливости нашего бюрократического аппарата мы уже и так потеряли много драгоценного времени, у людей накопился ворох обид, которые начнут выплескиваться наружу, а в ответ естественно пойдут упреки в неблагодарности. Надо уже сегодня всерьез думать, что будет с настроением нашего общества завтра. Ведь, по сути, вся помощь беженцам, независимо от того, идет ли она из личных кошельков или из госбюджета, делается за счет средств, заработанных российскими гражданами. Это правильно, что беженцев из Украины бесплатно лечат в наших больницах, принимают украинских студентов на бюджетные отделения наших вузов, берут их детей в школы и детсады. Но все это ни в коем случае не должно ущемлять насущные интересы наших граждан. Люди должны знать, что это не из-за беженцев у нас сегодня растут цены на продукты, поднимается плата за ЖКХ. Раз война в Украине и судьба бегущих от войны стала нашим общим горем, значит, необходим доверительный разговор с народом о том, как разумней помочь пострадавшим, не обнадеживая их напрасно и не поощряя иждивенческих настроений. При решении беженских проблем важно учитывать мнение россиян, спрашивать, наконец, чем наше общество готово пожертвовать, а от чего отказаться никак нельзя. Нам грозит серьезная опасность, если люди в ближайшее время не увидят, что те 5 млрд из бюджета рачительно расходуются на самые насущные нужды беженцев, а не застревают в невесть чьих карманах. Укрепить самоуважение нашего общества, право же, дороже любых денег. В нынешней экстремальной ситуации необходимо поддержать и консолидировать добровольческие усилия. К сожалению, и здесь тоже много неразберихи. Как всегда, к доброму делу норовят примазаться самозванцы и жулики... Порой организации и фонды, помогающие беженцам в одном регионе, не знают о делах друг друга, дублируют свою деятельность и получается, что в одном месте с гуманитаркой слишком густо, а в другом – совсем пусто.

Кто взял бы на себя ответственность по составлению региональных списков надежных НКО, гражданских активистов и юристов-правозащитников, чтобы был телефон и адрес приемной, куда могли бы обращаться не только беженцы, но и принимающие их местные граждане? Может быть, где-то проявит такую инициа-

тиву аппарат регионального Уполномоченного по правам человека? А в другом регионе Общественная палата? Какую роль в беженских делах играют существующие при всех ведомствах Общественные советы? Неужели в каждом из них не найдется хоть один человек, который мог бы растормозить других? Действовать тут приказом начальника, конечно, нельзя – толку не будет. Все живое и действенное происходит только по желанию, по внутренней потребности, но любой инициативе нужна поддержка. Хотя бы административным ресурсом или мудрым словом авторитетного человека. А часто ли звучит такое слово в наших СМИ?

Закончить этот трудный разговор хотелось бы радостным фактом, который привела на совещании у премьера правительства министр здравоохранения В. Скворцова: за четыре последних месяца у живущих в России украинских беженцев уже родилось больше 200 детей. И еще в ее докладе мне запомнилось замечательное слово: «жизнеспасение». Вот собственно о чем идет сейчас речь.
(«Российская газета», 01.08.2014.)

Лидия Графова **Агент милосердия**

16 июня [2016] Минюст внес в реестр НКО, исполняющих функции «иностранного агента», Интеграционный центр «Миграция и закон». Руководитель этого центра Гавхар Джураева в декабре прошлого года получила главную премию Московской Хельсинкской группы «За мужество, проявленное в защите прав человека».

В правозащиту Гавхар Джураеву привела трагедия ее народа – кровопролитная гражданская война, вытолкнувшая из Таджикистана в Россию сотни тысяч беженцев. Впервые горячее выступление Гавхар в защиту этих обездоленных людей я услышала во Дворце наций в Женеве. Там в 1996-м проходила знаменитая Международная конференция о проблемах миграции на постсоветском пространстве. В ту пору Запад боялся, что толпы беженцев, заполонивших Россию (к тому времени уже прибыли в Россию 8,6 млн человек), прорвутся в Европу. Так вот, незнакомая никому из нашей неправительственной делегации женщина с миловидным восточным лицом подошла к микрофону и весьма деликатно стала критиковать главного устроителя конференции – Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев за формальный под-

ход к миграционной ситуации в России. В моем старом блокноте сохранилась запись той впечатлившей меня речи Гавхар. Она говорила: «Вы предлагаете нам применять европейские стандарты при определении статуса беженца... Россия сама разорена и перенасыщена приезжими... Не может она дать каждому социальный пакет и жилье. Предлагаю постепенную “лестницу”: как можно скорей регистрация, дать человеку право работать, пусть он сам себя кормит, а уж потом проводить его через все формальности для статуса».

Оказалось, Джураева приехала в Женеву за свой счет, как волонтер-одиночка. Свою общественную организацию – фонд «Таджикистан» она создала, вернувшись в Москву после конференции. Работали на чистом энтузиазме, платить за офис было нечем, выпрашивали хоть один стол у других организаций, порой писали ходатайства на подоконнике... Но как нужна была растерянным беженцам их поддержка, самая разная – социальная, информационная, моральная... Организация быстро овладевала знаниями законов, привлекала партнеров из гуманитарных фондов, завоевывала авторитет у работников ФМС. По мигрантскому сарафанному радио быстро распространилась молва об организации, куда можно прийти с любой бедой и тебе хоть чем-то обязательно помогут.

К ним шли пострадавшие разных национальностей, и вскоре стало ясно, что название фонда – «Таджикистан» сужает их возможности. Возникали, например, вопросы у судей и у других официальных лиц, почему фонд «Таджикистан» защищает права узбека, молдаванина, кыргыза... Это стало одной из причин, заставившей Гавхар создать на базе фонда вторую организацию – Интеграционный центр «Миграция и закон». Это был 2002 год, в Россию уже потянулись трудовые мигранты. И тут душанбинские правозащитники, получив солидный зарубежный грант, переслали Джураевой 15 тыс. долл. (!) Она смогла нанять юристов, владеющих разными языками стран СНГ, до сих пор уверена, что общаясь с клиентами на их родном языке, можно эффективней им помочь.

Гавхар – филолог по образованию, ее супруг Давлат Худоназаров – кинорежиссер. Конечно, талантливый. Не случайно же маститые советские киношники избирали его, провинциала, сначала секретарем Союза кинематографистов СССР, а позже – председателем этого Союза. Давлат был депутатом Горбачёвского съезда. В 1991-м демократическая оппозиция Таджикистана выдвинула его кандидатом в президенты республики. Он занял второе место, на-

брав 30% голосов. Давлата люди знали по его добрым поэтическим фильмам, правдиво рассказывающим о тяжелой доле таджикского народа. Главным героем Худоназарова был «маленький человек», часто – неудачник, но автор показывал, как самим фактом своего бескорыстного существования этот «неудачник» освещает безрадостную действительность, пробуждает в окружающих лучшие человеческие чувства.

«Мир держится любовью, и жизнь каждого человека бесценна», – убеждена Гавхар. Она была сценаристом лучших фильмов Давлата. Чтобы помочь мужу, бросила почти готовую к защите диссертацию. Ее имя не всегда значилось в титрах. «Не выпячиваться» – это ее жизненный принцип.

После того, как оппозиция проиграла выборы, в Таджикистане началось гражданское противостояние, которое привело к многолетнему кровопролитию.

Гавхар не может забыть старушку из Курган-тюбе, которая стала свидетелем братоубийства и в отчаянии, упав на колени, тихо причитала: «Господи! Брось на нас бомбу, чтоб скорее всем погибнуть, или верни нам Николая...».

«Это какого же Николая?» – «Представляешь, она вспоминала русского царя...»

Не только та старушка, но и сама Гавхар выросла в ощущении, что защитник ее страны – это Россия. «Моё детство прошло на Памире. Небольшой город Хорог, где жила моя бабушка, окружен высокими горами, а посередине – речка. На окраине располагалась пограничная застава, и нам казалось, что там, за забором с красной звездой, обитают небожители, охраняющие нас. По утрам оттуда раздавались дивные военные русские песни, я просыпалась счастливая. Когда научилась читать, с утра до вечера пропадала в библиотеке. Толстой, Пушкин, Достоевский, Чехов... Россия стала второй частью моего памирского рая. Библиотекой заведовала моя бабушка, она была сильный и светлый человек. Дедушку Ибрагима я не знала, он был секретарем ЦК партии Таджикистана, а в 37-м стал “врагом народа”, его расстреляли. Бабушку тоже посадили, а детей – моих маму и дядю – отправили в детдом. Через год, как только бабушку освободили, она сразу же пошла в местное НКВД (кажется, это было в Казахстане) и потребовала: “Вы разлучили меня с детьми, теперь помогите их найти”. Она всю жизнь молилась за какого-то доброго чекиста, помогавшего ей искать в лесу тот детдом. Чекист добыл ей шубу,

снарядил сани, и она нашла детей, одна их вырастила, дала обоим высшее образование, дядя стал кандидатом наук, мама – доктором медицинских наук».

Остановившись на минуту, Гавхар, чтоб не заплакать, улыбается своей ласковой, всегда немного виноватой улыбкой. И говорит мне: «Вот видишь, система была репрессивной, безжалостно ломала судьбы, но даже внутри системы находились люди с живым сердцем, а не “механические пианино”». Я понимаю, что это – продолжение наших давних споров с Гавхар. Свою убежденность, что люди системы делятся на «механические пианино» и «потрясающе отзывчивых личностей», она часто доказывала в дискуссиях правозащитников, когда мы резко критиковали работу ФМС. Многим казалось, что тем самым Гавхар стремится оправдать репрессивную тактику миграционной службы, чуть ли не заискивает перед ее руководством.

Лично я пыталась обычно защитить Гавхар, знаю же, скольких людей она буквально спасала, не устаю (уже двадцать лет!) поражаться ее самоотверженности. Ну нет у человека другой заботы и радости, кроме как помочь очередному страдальцу, покинувшему свою родину.

У семьи Гавхар – свой опыт разлуки с Родиной. Давлат после провала оппозиции на выборах стал в Таджикистане «персоной нон-грата». Гавхар долго не хотела уезжать из страны, охваченной войной, считала своим долгом хоть как-то содействовать примирению враждующих сторон. Но события повернулись так, что Гавхар пришлось стремглав улетать в Москву, даже не успела сменить домашнюю одежду. Их дети – сын и дочь были отправлены в Россию еще в начале войны. Скоро и в Москве Давлату стало жить не безопасно, он был объявлен в «международный розыск». Друзья-кинематографисты отправили всю семью с детьми вроде бы на фестиваль в Сан-Франциско. Два года длилось их добровольное изгнание. Конечно, в Америке им предлагали статус беженца. Они вернулись в Россию.

После войны Давлат не снял ни одного фильма: «Как-то стыдно думать о кино, когда видел столько пролитой крови». Он работал в разных гуманитарных московских организациях, чтобы кормить семью. Дело в том, что Гавхар, когда ее центр «Миграция и закон» начал уже получать зарубежные гранты (им, кстати, чаще всего предлагали помощь сами спонсоры) на свою зарплату руко-

водителя проекта норовила взять еще одного юриста: «Быть вечным волонтером – это свобода!»

Среди множества социальных функций, которые исполняет организация Гавхар, значатся и «ритуальные услуги»: когда погибает мигрант, и его родственников не удается найти, они спешат собрать средства для отправки «груза 200». Лет пять назад у них был грант на создание «горячей линии». Консультации и впрямь оказывались *ежедневно и круглосуточно* – номера мобильных номеров нескольких юристов сообщались в Интернете и в объявлениях по радио. Хотя тот грант давно кончился, «горячая линия» действует. Правда, в выходные и по ночам все SOS идут на мобильник Гавхар. Можно подумать: странная семья у Джураевой – столько лет живут все в режиме «Скорой помощи», а могли бы остаться в благополучной Америке. Но как писал поэт, «каждый выбирает по себе...». Для Давлата и Гавхар такого понятия, как «отпуск», просто не существует. Когда Гавхар совсем уж выбивается из сил, сын зовет ее пойти в кафе или посмотреть хорошее кино. Вот это блаженство!

Недавно семью пригласили во французское посольство – Гавхар стала победительницей неведомого ей конкурса под названием «Сирано». Оказалось: на французов произвела впечатление небольшая заметка в газете «Le Courriere de Russie» с рассказом о бескорыстной российской правозащитнице. Гавхар вручили премию в виде именного билета в Париж в любое, когда ей захочется, время. Кто б не обрадовался? Но Гавхар, наоборот, смутилась. Не сможет она полететь в Париж. Мало того, что не найдет свободного времени, так просто состояние здоровья не позволяет.

Она, не успев дожить до получения пенсии, уже перенесла два инфаркта, причем – на ногах. Вот она – расплата за стрессы войны, миграции и за то самое «мужество, проявленное в защите прав человека»... Не помню, чтоб при множестве мучающих ее недугов Гавхар ложилась в больницу. Давлату нелегко уговорить ее пойти полечить зубы: ей, как всегда, некогда... в поликлинику сделать кардиограмму или даже полечить зубы. «Перетерпится, – отмахивается Гавхар. – Вот бабушка никогда не ходила по врачам». Давлат, настоящий – ангел-хранитель своей любимой жены, порой сетует: «Упёртая, как и все они, памирцы».

До чего ж ликовали памирцы, да и все таджики, когда в передаче у Соловьёва Гавхар пристыдила Жириновского, выступившего с оскорблениями в адрес народа Таджикистана, и доказала,

что он тем самым оскорбляет и народ России. В телестудии в основном сидели россияне, и они почти каждую реплику Гавхар сопровождали аплодисментами.

Искренний русский патриотизм этой таджички позволяет ей смело вступать в публичные дискуссии с ура-патриотами; она ходила даже на встречи со скинхедами. С любым человеком находит общий язык, самых жестокосердых умеет склонить к добру. Так убедительно поговорит с работодателем, «кинувшим» трудового мигранта, что обидчик скорей вернет человеку зарплату, чем сделал бы это после обращения в суд.

Свой офис в спорткомплексе «Олимпийский» Гавхар в шутку называют «душегубкой». В 30-метровой комнате, где работают шесть человек, нет окон. Зато аренда здесь дешевле и рядом мечеть. «Все пострадавшие приходят за божьей помощью, а ведь Бог помогает человеку через других людей, так что мы просто обязаны быть под рукой».

Она не ожидала, что ярлык «иностранный агент» станет для нее таким невыносимым ударом. Впервые вижу ее растерянной. Показывает, как на суде, отчеты, программу действий... Оправдывается! Вот их уникальные памятки мигранту. На разных языках СНГ: «Важно, чтобы их составляли носители языка, а то переводчики такое напутают...». Главное – что их памятки составляются на заботливом человеческом языке.

«В 2013 нас проверяла прокуратура, тогда у нас было больше грантов, но нам не сказали, что мы агенты. Сейчас – всего два гранта: от швейцарского фонда, работающего в Молдове, на проект “Мать и дитя” (он заканчивается в декабре), и от Международного Красного Креста на комплексную поддержку мигрантов (этот проект до середины 2017-го. Неужели отказаться от этих денег? Но как тогда помогать мигрантам?!»

Больше всего Гавхар поразило, что в Минюсте им сказали: если бы вы сами сразу после проверки признали себя агентами, вам бы не грозил штраф в 300 тысяч. «Но где взять такую огромную ссуду, когда все наши финансы – строго целевые». Она то и дело подчеркивает, что организация работает с конкретными людьми, и вовсе не занимается политикой. «Мы есть на портале правительства Москвы в списках социально-ориентированных. И вдруг...»

В протоколе Минюста нет ни слова о программах и делах Интеграционного центра, в разделе «Деятельность организации» приводится три цитаты из выступлений Джураевой: на конферен-

ции в Общественной палате Москвы, кусок ее интервью в одной интернетовской заметке и еще ее замечание на одном семинаре. Якобы в ее словах усматривается критика ФМС с попыткой повлиять на миграционную политику. Такой странный неубедительный подбор. И что же он доказывает, если сегодня ФМС ликвидирована? Впрочем, стоит зайти в Интернет, и в глазах зарядит от ссылок на выступления Джураевой, куда более сильные. Только 220 видеосюжетов с ее участием...

Согласно Закону, сочетание двух этих фактов – наличие зарубежного финансирования и политическая деятельность – является правонарушением, и организация обязана сразу после проверки сама признать себя «иностранным агентом». Интеграционный центр «Миграция и закон» этого не сделал. Поэтому, согласно закону, с НКО взимается штраф в размере 300 тыс. руб.

Гавхар отказалась подписывать протокол. Организация провела перевыборное собрание, Джураева уже не председатель.

С 2002 г. по настоящее время Интеграционный центр «Миграция и закон» проконсультировал 103 213 человек, провел 12 329 персональных дел.

– Но что будет с организацией без тебя, Гавхар?

– Да я же никуда не уйду, я и раньше работала волонтером, а теперь буду выступать как независимый эксперт. Жалко, если в таком качестве не удастся сотрудничать с новым руководством миграционного Главка МВД. Когда Ольга Евгеньевна Кириллова еще была начальником Московской миграционной службы, наша организация дважды с нею встречалась, и мы наметили такие важные пути сотрудничества...

(«Российская газета», 28.06.2016.)

ПРАВО НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ИСТИНУ

*Из книги Егора Холмогорова «Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики»**

В качестве преамбулы предлагаем фрагменты из вступительной статьи автора, разъясняющие его идейную и эстетическую позицию. Ниже следуют несколько статей из книги.

Никуда не деться от того, что кино и в самом деле является для любого современного общества идеологически важнейшим из искусств. Оно в простой и доступной форме представляет каждому образ возможной реальности. Мечту, сказку, легенду, национальный миф. Кино в эпоху массового искусства формирует образ национальной идентичности. «Мы» – это те, кто вырос на одних и тех же фильмах, говорит на языке их вымышленных вселенных, кто вообразен в этих фильмах как «мы» и воображает через эти фильмы себя как одно с другими.

Нация как «воображенное сообщество», по формуле Бенедикта Андерсона¹, конструируется и конструирует сама себя через кино куда больше, чем через телевидение. «Зомбящик», со всей интенсивностью своей пропагандистской накрутки, все равно остается холодным (в мажлюэновском смысле) и отчужденным средством сообщения. Не верить телевизору скорее норма, чем исключение для современного человека. Совсем иначе воздействует на

* Холмогоров Е. Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики. – М.: Книжный мир, 2018. – 640 с.

Автор – общественный деятель, философский и политический публицист (трактат «Русский проект. Реставрация будущего». – М.: «Эксмо», «Алгоритм», 2005. – 498 с.).

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс Ц»: Кучково поле, 2001. – 288 с.

нас кино. Будучи искусством, оно возвышает нас, порой независимо от своего идеологического содержания, заставляет оценить красоту игры, даже идущей по чужим правилам.

Прекрасный и возвышенный фильм включает нас в сообщество сопричастных. И тем важнее, чтобы это не оказалось чужое сообщество. Глобальная рамка голливудского кино сформировала глобального человека, почти 365 дней в году живущего в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, на худой конец – в техасской Одессе, Эббинге, штат Миссури, или Твин-Пиксе. Его президент сидит в Овальном кабинете Белого дома, его звездолеты взлетают с мыса Канаверал и отправляются по вселенной нести демократию и утверждать права человека, угрозой его миру являются русские шпионы, спецназовцы и хакеры, сербские или иранские террористы, а угнетаемы и обездолены в его мире исключительно чернокожие, гомосексуалисты и женщины – жертвы домогательств брутальных белых гетеросексуальных супрематистов.

Голливудская киноимперия является, пожалуй, самым эффективным управленческим средством империи геополитической, штампуя осознанно или неосознанно лояльных «патриотов заграницы». Резонируя с неприкрытым западничеством и национальным нигилизмом наших творческих элит, это делает нас практически полными заложниками малейшей смены ветерка в коридорах западной культурной власти. И нет никакого сомнения в том, что кинематографический суверенитет – чрезвычайно значимая для русских задача.

Для его достижения необходимо достичь, как минимум, двух целей. Создать обширный, идеологически ориентированный на национальные ценности и не вызывающий чувства стыда и брезгливости собственный русский киномир. Создать систему критических идеологических фильтров (не столько цензурных, сколько работающих на уровне критического анализа и реакции гражданского общества) для киноимпорта. Причем систему грамотно настроенную, реагирующую на действительно серьезные идеологические угрозы, а не либеральную пародию на «духовные скрепы».

Наконец, нам как никогда нужна национальная консервативная кинокритика. То есть то, что у нас отсутствует практически полностью. Кинокритика является самосознанием любого национального кинематографа, и, разумеется, полноценное развитие без нее просто невозможно.

В некотором количестве в нашей печати представлена левая идеологическая кинокритика, ориентирующаяся на наследие Ж. Делёза, особенно С. Жижека. Эта постмарксистская парадигма позволяет давать довольно утонченный критический анализ западноевропейского кино и в этом смысле полезна как элемент обороны. Да и порой это просто увлекательное чтение.

Но вот два коренных недостатка левой кинокритики. Во-первых, полная подавленность западным кинопотоком, из которого делается исключение лишь для обостренно левого советского кино первых десятилетий. Во-вторых, что более существенно, основные идеологические позиции постмарксизма, с которых атакуется западный глобалистский киноязык, в еще большей степени разрушительны для национальной кинотрадиции.

Стремление деконструировать «языки власти» неминуемо приводит к тому, что первой их жертвой становится более слабая в современном мире национальная государственность, в то время как многократно и многообразно укрепленной глобальной власти эти наскоки как об стенку горох. Удары по диктату над мыслью почему-то неизменно приходятся лишь по «господствующей» (на самом деле давно уже не...) Церкви и пресловутому «фалло-лого-центризму». Атакуя капитализм, левачество, как правило, с легкостью расправляется с доспехами «Средневековья» и «традиции», зато упирается без движения в плотную мягкую ткань буржуазного жилета, лишь вяло пощипывая его за «брегет».

Язык традиции, консервативные формы мысли и образности атакуются и либералами, и левыми при подавленном молчании все более малочисленных правых. Без остатка отождествленный после Второй мировой войны с «фашизмом» национально-консервативный кинематограф превратился в изгоя уже не только в стране большевиков но и в странах победившего меньшевизма, кадетства и октябризма.

Миссию формирования вкусов нового русского консервативного зрителя и, одновременно, выражения этих вкусов должна взять на себя русская *консервативная кинокритика*. Может быть задан резонный вопрос, что подразумевается в этой книге под консерватизмом, коль скоро это понятие имеет множество порой несовместимых друг с другом трактовок.

Ядро консерватизма – это установка на сохранение долговременной исторической идентичности солидарных сообществ. Ее можно назвать модным сейчас словечком-неологизмом «идентитаризм». Охраняемыми консерваторами солидарными сообще-

ствами являются Церковь, нация, семья, родина, цивилизация, культура как совокупность ее носителей, старинные социальные корпорации – от аристократий до цехов.

Идентичность с ее конкретными символическими чертами, зачастую – с эффектом «воображаемого сообщества», когда не знающие друг друга люди воспринимают себя как друзей и братьев, служит основой для солидарности. А солидарность группы формирует и подлинную силу человека, который ничего не значит в качестве одиночки. Определенная принудительность солидарности в этих сообществах является лишь малой платой за оказываемую ими человеку огромную социальную поддержку.

Мир модерна и постмодерна с его отмеченной Алексисом де Токвилем тенденцией ко всеобщему поравнению разрушает эти сообщества. Не может не разрушать, поскольку любое солидарное сообщество – это неравенство между принадлежностью и непринадлежностью, теми, кто внутри и теми, кто снаружи. Именно поэтому определенная степень неравноправия и дискриминации тех, кто не входит в круг идентичности, являются основой любой социальной организации (и поэтому же любая борьба за равенство и «толерантность» тут же превращаются в контрдискриминацию).

Консерватизм в своем ядре – это решительное противостояние разрушению идентичности. Именно поэтому консерватизмов много и они порой противоречат друг другу, причем не только в разных странах и национальных традициях, но и в рамках одного общества. Консерватизм множествен, поскольку для разных его ветвей имеет большую ценность то или иное охраняемое сообщество. Для одних более значим консерватизм религиозный, для других – национальный, для третьих – консерватизм семьи, для четвертых – консерватизм корпораций. Именно поэтому вполне возможен спор религиозного консерватора, которому национализм кажется слишком уравнительной для разных вер идей, и национал-консерватора, которому, напротив, может показаться излишне уравнительным религиозное общество, и оба они могут спорить с «дворянским консерватизмом» или «государственническим консерватизмом».

Однако в данной нам в ощущениях современности мы видим такую тотальную и фанатическую атаку на любые идентичности, а главное – на право тех или иных традиционных идентичностей на контроль за определенным пространством и существующими на нем институтами, что все эти противоречия консерваторов отступают на задний план по сравнению с самим принципом сохра-

нения идентичности и ее пространственно-институционального суверенитета.

В наших конкретных исторических условиях консерватизм – это защита того образа человека, который сформирован за последние два тысячелетия в христианских цивилизациях европейского круга. На античном фундаменте Христианство как метафизическая и нравственная ориентация сформировало (и в чем-то формирует до сих пор, но сталкиваясь со все большим противодействием) определенный образ человека.

Этот человек ориентирован на истину, привержен к солидарности со своим сообществом, прежде всего Родиной и семьей, однако это не слепая фанатическая клановая солидарность, а сознательное нравственное усилие свободного человека. Для человека этой традиции имеют значение принципы совести, свободы выбора, понятие о гуманности, жертвенности и милосердии, но в то же время он свободен от порабощения своего ума идолами всеобщего равенства, защищая свою идентичность, включая и право на свои предрассудки и на жизнь по своему уставу. Поэтому такой консерватизм уважает стены, границы, заботливую и чуждую жестокости патриархальность, ценит семейные, религиозные и воинские добродетели.

В русском восприятии консерватизм означает укрепление самобытности исторической русской цивилизации, неприятие ее разрушения как нынешним либеральным миропорядком, так и, в сущности, западнической коммунистической утопией. В этом смысле исповедуемый мною подход к консерватизму исключает неосоветскую ностальгию, манипуляторную технологию, когда в оппозицию либеральной «современности» подставляется мнимоконсервативная версия советской утопии, т.е. отрицание исторической России. И не случайно, что в последнее время «белым» в нашем обществе все чаще приходится сталкиваться с красно-голубым альянсом против исторической России.

Эстетические принципы, которые, на мой взгляд, соответствуют этому консервативному идеалу, включают в себя следующее.

Во-первых, *антропоцентризм*, через который проявляется *теоцентризм*, т.е. взгляд на мир нормального человеческого глаза, естественность форм, отказ от нарочитого раздробления образа реальности, разрушительных трансгуманистических экспериментов с сознанием и, особенно, от их «нормализации».

Во-вторых, *романтизм* как эстетическую позицию и совокупность форм и жанров, наиболее тесно связанную именно с кон-

сервативным мировоззрением, а это значит – достаточно высокую оценку исторических и фантастических жанров, одобрение эстетизации действительности и идеализации прошлого и связанных с ним консервативных устоев.

В-третьих, *идеализацию* действительности через обращение к прекрасному и возвышенному как способ указать на подлинное божественное предназначение человека, и использование критики и обращения к безобразному как средству обозначить разрыв между идеальным и действительным и, главное, побудить человека попытаться устранить этот разрыв.

...Собранные в эту книгу тексты – по большей части именно критика кино, а не просто публицистика, использующая тот или иной фильм как информационный повод. Разумеется, как историк и публицист я оцениваю в большей степени нарратив, а не визуальный образ, поэтому моя книга обращена скорее к сценаристу и режиссеру, нежели к оператору и монтажнику.

Особое внимание уделено соответствиям и несоответствиям историческим фактам. Я далек от историцистского фанатизма и «заклёпочничества» в подходе к историческому кино, признавая за кинематографистами право и на фантазию, и на вольность, и на анахронизм, но лишь тогда, когда конечной целью является осмысленный и возвышенный образ истории, творимая легенда. Отступать от факта в сторону оуждения и карикатуры кинохудожник не имеет права, а тем более не имеет права выдавать карикатуру за правду.

ИЗ КНЯЗИ В ГРЯЗИ «Викинг» (Россия, 2016)

Грязно во рву, куда падает князь Олег Святославич. Грязно в Полоцке, куда Владимир приходит сватать Рогнеду. Грязно на полу, где он насилует ее на глазах у дружинников. Грязно на улице, куда князь бежит затем вытошниться и выпаться (он же «под мухомором», хоть берсерка из него не вышло). Грязно в захваченном им убогом городишке Киеве. Грязно на языческом капище, где бродят грязные лысые жрицы во главе с грязным глухонемым волхвом. Грязно в клету, где гниет зачем-то обсыпанное мукой тело убитого Ярополка. Единственный раз русские выглядят веселыми и красивыми, когда, убравшись цветами и венками, пытаются совершить грязное дело – принести в жертву своим идолам мальчика-христианина. Даже под стенами Херсонеса становится

грязно, лишь туда являются русы, – следует феноменальная по глупости сцена: Владимир с дружиной сталкивают на печенегов корабли с горы и этим их побеждают.

Лет десять назад на примере столь же неудачного фильма про славян «Волкодав» я назвал это «эффектом кривых бревен». Наши киношники просто не могут себе вообразить, что в жизни древних русичей хоть что-то могло быть не криво, не убого, не уродливо. Даже бревна на декорациях вытесывают вкривь и вкось, хотя дошедшие до нас памятники древнерусского зодчества поражают гармоничностью и тщательностью отделки.

Весь «Викинг» состоит из таких кривых бревен: невозможно поверить, что маленькая заштатная крепостица – тот самый Киев, величественный город, который современники считали равней самому Константинополю. Пусть до крещения он не был украшен золотыми главами, но по меньшей мере один храм, Святого Илии на Подоле, там уже стоял. И уж точно древние киевляне, полочане, жители других старинных русских городов не жили словно свиньи, каковыми их показали в фильме.

Понятно, при таком обонятельном и осязательном отношении к русской истории точности в фактах ждать тоже не приходится. Кому какое дело, что воевода Свенельд не служил Олегу Древлянскому. Тот убил его сына, за что Свенельд, служивший Ярополку, решил отомстить, подстрекнув старшего брата на войну со средним. То есть в ленте ситуация показана с точностью до наоборот. Кого смутит эпизод, когда Владимир сжигает тело Ярополка, и оно горит ясно и ярко, залюбуешься... Так что становится совершенно непонятно: чьи же кости крестил полвека спустя Ярослав Мудрый, решивший посмертно приобщить убиенных язычников к христианству и похоронивший их после этого в Десятинной церкви? И так практически с каждым взятым сценаристами фактом – он вывернут наизнанку, искажен до неузнаваемости и поставлен не на свое место.

Спору нет, для кинематографистов в обычае вольно обращаться с историей. Право художника – перегруппировать события, чтобы создать сильные яркие образы. Но это точно не про «Викинга» – его герои, безликие и примитивные, ведут в грязных интерьерах убогие диалоги. Властный воевода Свенельд (ему зачем-то отведена роль рассказчика, хотя в реальности он не дожил даже до войны Владимира с Ярополком) манерами и речью напоминает мелкого уголовника. Сам Владимир глуповат, трусоват, нерешителен и неуместен, напоминая не персонажа из летописей и

грозного былинного владыку, а, скорее, чуть омоложенного князя из комедийных мультиков про богатырей.

Из Владимира не получилось не то что героя, даже злодея – все знаменитые летописные грехи совершает кто-то вместо него. Сотен наложниц («300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове» – педантично сообщает летописец) у него нет и быть не может – вместо этого наш Ромео гоняется по всему Причерноморью за матерью будущего Святополка Окаянного.

Авторы картины пытаются создать у зрителя впечатление, что Владимир выбрал православие не потому, что уверился в его истинности, не потому, что отправившиеся в Константинополь бояре вкусили сладость греческого богослужения, не потому, что Русь видела в Византии великую культуру, а потому, что... до трясушки в поджилках боялся печенегов, которых якобы полностью контролировала империя («Мы с ромеями не воюем», – причитают киношные степняки, что совершенно расходится с фактами: воевали, и очень часто).

Но и византийцы в «Викинге» ведут себя странно. Они заключают мир между Русью и печенегами, чтобы отправить слабо-сильную русскую дружину, только что с трудом отбивавшуюся от печенегов... осаждать Корсунь. Кстати сказать, если русские города выставлены нарочито убогими, то Корсунь нарисована на хромакее исключительно приукрашенно, хотя имелись все условия для того, чтобы снимать в подлинных декорациях, в частности используя башню Зенона в Херсонесе. Печенегов в этом походе ставят к русским в роль заградотряда при штрафбате. И логично возникает вопрос: зачем грекам вообще было договариваться с этими несчастными и грязными русскими, отдавать им сестру василевса, вместо того чтобы отправить воевать в Крым лихих евразийских кочевников?

Под конец фантазия сценаристов совсем соскакивает с пазов, и они отправляют сопровождать невесту в Корсунь лично императора Василия II, а Свенельд предлагает Владимиру его убить, «чтобы отомстить за отца» (к смерти Святослава Василий никак не был причастен). К этому моменту у знающего историю хотя бы на три с плюсом зрителя ничего, кроме стыда за творцов происходящего на экране, не остается.

Историю князя Владимира рассказать, в общем, несложно. Это был герой и воин, человек страстный, необузданный и увлекающийся. Он яростно набрасывался на врагов в поисках мщения и на женщин – в поисках наслаждений. Он пылко увлекся языче-

ством и приносил человеческие жертвы – и с тем же пылом от-вернулся от прежней нечестивости, приняв христианскую веру. Он слышал чтение «продай имение твое и раздай нищим» – и за-ка-тывал пиры, на которые приглашал весь Киев. Он слышал «не убий» – и перестал казнить даже разбойников. Его сердце гнева-лось и так же легко поворачивалось к милости.

При этом Владимир был великим государственным дея-телем, подлинным отцом-основателем Руси. Он принес нам не только веру – он принес цивилизацию, с помощью которой сфор-мировал на огромных уже тогда просторах территориальное госу-дарство. Всю свою жизнь Владимир воевал и завоевывал, а не отсиживался по крепостям. Его великим подвигом стало создание целой системы укреплений и сторо-ж богатырских против набегов тех самых печенегов, от коих он, конечно же, не прятался в Киеве, так как врага сдерживали передовые рубежи.

Показать такого человека вполне по силам для квалифици-рованного кинематографиста. Но, видимо, весь пар ушел в поста-новку каскадерских сцен и спецэффектов, каковые, впрочем, все равно получись убогими, да и не имеют смысла без качественного сценария, внятной национальной и эстетической идеи.

На деле красивых кадров в фильме – ровно на ту краткую нарезку для трейлера, которая создала у зрителей (включая меня) изрядно завышенные ожидания. А там, где «красивости» появля-ются, они оказываются не попад, как со шлемами-личинами и по-лумасками и сложными доспехами вместо кольчуг – всего этого на Руси в эпоху Владимира не было. А главное, от начала и до конца фильма тебя так и не оставляет мучительный вопрос: «При чем же тут, все-таки, викинги?».

СОФЬЯ-ПЕРЕСМЕШНИЦА **«София» (Россия, 2016)**

К Великому князю Псковскому Ивану, прозванному за жест-ко-кость Васильевичем (а то, что он именно Псковский, приходится умозаключить, поскольку в качестве его резиденции нам показы-вают открыточный вид Крома на берегу реки Великой), везут гре-ческую невесту Зою из далекой Италии, с тем, чтобы такой не-хитрой уловкой обратить государя в «греко-католичество». Народ русский бунтует, невесту пускать не хочет, Митрополит Безымен-ный (создатели сериала, видимо, решили, что два актера на одну должность – это слишком накладно, и слили владык Филиппа и

Геронтия в единое лицо) отказывается князя венчать, и, чтобы разрубить гордиев узел сомнений, Иван Васильевич велит невесту наново крестить (странное кощунство по церковным канонам) с именем «София». Новобрачная первым делом случайно травит ядом княжьего брата Юрия, по летописям умершего за три месяца до ее прибытия в Москву, и приобретает репутацию ведьмы. Это не сценарий голливудского блокбастера в жанре klukva. Это новейший сериал, посвященный родному прошлому, вышедший на главном государственном телеканале и призванный рассказать нашему массовому зрителю историю Ивана III Великого, строителя русского государства, объединителя земель и сокрушителя власти ордынцев.

Авторы явно замыслили наш ответ «Борджиа» и «Медичи». Замахнулись даже на «Игру Престолов» – во всяком случае, иначе трудно объяснить, почему брат Софьи Андрей ведет себя точно как принц Визерис, а сама Софья, положив руку мужа на свой округившийся живот, требует, чтобы тот пообещал своему будущему сыну железный трон Вестеро... простите – василевсов. Но, увы, получилось «как всегда» – нечто среднее между сериалом про отечественных бандитов и снятыми в стиле «Малой Арнаутской» картинами из красивой итальянской жизни.

Существует два способа снимать историческое кино. Можно с педантичной точностью и вниманием к деталям изобразить подлинные исторические факты, лишь немного их заточив ради сюжетной динамики. А можно снять шумную «анжелику», состоящую из одних исторических ошибок, но с красивыми костюмами, такую как «Великолепный век». Но в этом случае сверхзадачей становится историческая сказка романтизирующая прошлое. У обоих решений есть плюсы и минусы, но создатели «Софии» не пошли ни по одному из этих путей. Историческая недостоверность зашкаливает, а век Ивана III получился не великолепным, а каким-то дерюжным.

Русские князья, бояре и архиереи – все как один грубы, лживы, раболепны, и говорят языком пролетарского барака. У них примитивные слова, примитивные чувства, примитивные мысли. Сцена, когда думные бояре высмеивают итальянский портрет Софьи, настолько нелепа, что за сценариста и режиссера становится стыдно. «Патриотический» сериал воспроизводит все тот же креакловский обычай изображения русских орками.

Эльфы-иностранцы, напротив, все как один изящно образованны, тонко чувствуют и беседуют о мадоннах Боттичелли (чья

слава наступила сильно после описываемых событий). С навязываемой зрителю мыслью «прекрасная София принесла в отсталую варварскую Россию красоту и искусство» согласятся все дежурные русофобы.

Русские в сериале, конечно, верны православной вере, но вера эта у создателей сериала уж больно смахивает на суеверие: туповатые «московиты» (слово «Московия», постоянно употребляемое в сериале, вошло на Западе в обиход лет через двадцать после смерти Ивана III) со страшной подозрительностью относятся к молодой красивой греко-итальянке и вообще ко всему новому, культурному и прогрессивному, так что зритель подсознательно умозаключает, что православие есть тормоз просвещения и прогресса.

На самом деле никакими массовыми протестами византийскую принцессу на Руси не встречали и тем более, Зою в Софию не перекрещивали. В этом и не было никакой необходимости — едва пересекши границу православного мира, София (это от рождения было вторым именем царевны) немедленно стала подчеркивать свою верность православной вере, в которой родилась.

Владыка Филипп, один из великих деятелей Русской Церкви, изображенный в фильме примитивным грубияном, не устраивал никакого народного мятежа. Вместо этого он, узнав о приезде папского легата, пришел к великому князю и сказал ему великую фразу, которая должна цитироваться в каждом учебнике: «Теми вратами он во град, а этими я из града». Иван Васильевич распорядился немедленно принудить папского посла прекратить демонстрацию в пользу католицизма. Потом митрополит Филипп вызвал легата Бонумбре на богословский спор, от которого тот уклонился, сославшись на отсутствие необходимых книг, и убрался назад в Рим. Венчал Софью с князем не митрополит, а коломенский поп по простой причине: венценосный жених был второбрачным вдовцом, каковому торжественный обряд не полагался.

Чтобы показать все это, сценаристу требовалось хотя бы немного вникнуть в исторические факты, что сценарист Елена Райская, видимо, сочла ниже своего достоинства. В результате в сериале практически каждый исторический факт замарывается грубым историческим ляпом.

Русские трепещут татар и страшно боятся, что ордынцы сожгут Москву, как Тохтамыш в 1382 г., поскольку сценарист не знает, что в 1408 г. Едигей осаждал город, но не смог его взять, и столь же неудачны были приходы казанцев в 1439-м и 1451-м.

При Иване III взятия татарами Москва не боялась, зато в 1471-м судовая рать вятичей разграбила Сарай.

Аристотель Фиорованти просит отпустить его из Москвы, так как боится взятия ее татарами из-за того, что у русских плохие пушки, – поскольку сценарист не в курсе, что именно этот итальянец, бывший прежде всего военным инженером, заведовал у великого князя пушечным делом – и отменно справлялся.

Другой итальянец – Иван Фрязин – с глупыми отговорками пытается отказаться ехать в Италию за Софией, – поскольку сценарист забыла поинтересоваться, что именно он – монетный мастер Джан Батиста дель Вольпе – был одним из первых и самых горячих лоббистов «византийского брака».

Обрушение Успенского собора, которое один из летописцев, скорее всего в переносном смысле, объяснил «трусом», превратилось в фильме в разрушительное землетрясение, что противоречит уже не только истории, но и геологии Русской равнины (зато о постоянно уничтожавших Москву пожарах создатели фильма явно не слышали).

И так непрерывно «железом по стеклу» для всякого, кто знаком с историей не приблизительно. Историческая работа проведена в худших традициях Бориса Акунина. При этом ключевые моменты русской истории той эпохи, такие как покорение Новгорода, показаны кое-как и наспех.

Всё это можно было бы простить, если б рассказанная сказка была красива, костюмы изысканны, а игра актеров убедительна. Но сказка про невежественных русских «орков» получается страшноватой, костюмы подобраны в провинциальном театре, причем с хронологической ошибкой в среднем лет на сто, а актеры не утруждают себя ни тонкостью психологического вживания, ни хотя бы изяществом речи.

О речи надо сказать отдельно. Почему гречанка Зоя и грек Виссарион говорят по-итальянски? Почему княгиня и служанка-итальянка говорят между собой по-русски, но с итальянским акцентом? Почему княгиня не меньше года учит язык, а только что прибывший итальянец Фиорованти сразу же заговаривает по-русски? Почему у русских церковников и книжников нет в речи ни малейшего церковнославянизма? Почему сам великий князь изъясняется в стиле: «Радея о благе Отечества, придушу гадов!»? Лингвистическую ситуацию в «сериале» трудно обозначить иначе, как непристойность.

Спору нет: в противоположность обычаям нашего телевидения, в «Софии» говорится много слов о величии Русской земли, о необходимости ее единства, о том, что воины готовы умереть за родную землю, а Бог – с воинством православным. Вот только это слабое оправдание историческому и художественному провалу. То, что мы считаем хотя бы пару патриотических фраз каким-то из ряда вон выходящим достижением, – это национальный позор. А помимо этих фраз почти ничего хорошего в «Софии», увы, нет.

О патриотизме и так слишком долго говорили как о «последнем прибежище мерзавца». Не хватало еще, чтобы он стал последней соломинкой халтурщика.

МАТИЛЬДА И КАССАНДРА «Матильда» (Россия, 2017)

Ситуация с фильмом «Матильда» все точнее описывается новомодным словечком «хайп», т.е. такой шумливый и скандальный ор со всех сторон, когда каждая сторона извлекает из раскрутки истерии выгоду, а потому стремится отметиться в шумовом потоке. Фильм даже не вышел, а представители борющихся лагерей уже готовы начать физическое выяснение отношений.

Опасным последствием возникшего противостояния стало требование Рамзана Кадырова запретить прокат фильма на территории Чечни, за которым обещаны аналогичные требования ряда других регионов. Подобный раскол единого идеологического и культурного пространства России еще опасней, чем кино любого, самого растленного содержания.

Да и расстановка «плюсов» и «минусов» в этом региональном противостоянии весьма провокационна: консервативно-монархическая Чечня, почитающая православного Государя, против Москвы или Екатеринбурга, над Государем глумящихся. Диспозиция откровенно вредная, хотя бы потому, что настраивает столичную молодежь, части которой не нравится суровый исламский стиль города Грозного, против русской монархии и русской исторической традиции. Нет уж, если запрещать «Матильду» или ограничивать ее прокат, то на территории России в целом.

Апологеты режиссера А.Е. Учителя настаивают на том, что скандал высосан из пальца ради пиара депутата Н.В. Поклонской. Мол, киношники имеют право на исторические вольности и изменение облика, поступков и мотивов исторических героев. В конечном счете и фильмы про Цезаря и Клеопатру, и блокбастеры про

Жанну д'Арк – чистейшей воды историческая выдумка, где совпадение с реальными фактами и соответствие показаниям источников лишь минимально.

Однако подобные ссылки на историческую вольность уместны, когда речь идет о постановках, касающихся отдаленных событий и эпох, которые уже никого не задевают. Шашни Цезаря с Клеопатрой для всех зрителей имеют лишь академический интерес. А вот если бы кто-то снял фильм, в котором Жанна д'Арк представляла бы настоящей ведьмой или английской шпионкой, – сомнений нет, что фильм вызвал бы во Франции, где Орлеанская дева не только национальная героиня, но и католическая святая, по меньшей мере, непонимание и протесты.

Лев Гумилев в свое время говорил, что после Наполеона никакой истории нет. Есть пропаганда. За прошедшие десятилетия граница, быть может, чуть сдвинулась. Но вот все, что после Крымской войны, – это по-прежнему пропаганда. И всерьез ссылаться на право художника вольно обращаться с историей не приходится. «Матильда» не исторический, не костюмно-исторический, не фэнтезийно-исторический фильм. Перед нами пропаганда, как пропагандой является любой фильм о Ленине, Сталине, Гитлере или Черчилле. Как пропагандой британского патриотизма эпохи «брекзита» является нашумевший «Джон Керр».

Пропагандой чего является «Матильда»? Пропагандой замшелого антимонархического мифа, буйное цветение которого в мозгах российского общества привело к падению русской монархии в 1917 году и погружению России в кровавый ад революционной смуты, гражданского братоубийства, раскулачивания и террора. Перед нами, пожалуй, один из самых кровавых мифов в истории – «Распутин спал с царицей», «императрица – шпионка Вильгельма», «царь-тряпка», «Николашка кровавый» и прочее были пулеметными лентами, которые в последовавшие за свержением монархии 40 лет убили миллионы людей, в том числе немало и самих пропагандистов этих мифов.

Царефобия привела от екатеринбургского подвала к Бутовскому полигону с той же четкостью, с какой нацизм от «ночи длинных ножей» перешел к Дахау. Представим себе, что современный германский режиссер снимает фильм из жизни еврейской банкирской семьи в Германии 1920-х годов. Герои подкупают чиновников, наживаются на крови и поте немецких пролетариев, предаются безудержному разврату, плюют на кресты и т.д. Очевидно, что каждый здравомыслящий человек увидит в подобном

произведении неонацистскую пропаганду. И реакция будет довольно жесткой.

К сожалению, большинство защитников «Матильды» явно недостаточно подробно представляют себе сюжет. Они полагают, что фильм посвящен романтическим отношениям молодой балерины и юного наследника престола, а потому радостно сообщают: «Я еще с детства слышал, что у Кшесинской и Николая был роман. А что тут такого? Принцу нельзя сексом заниматься?». В системе наших представлений о нравах придворных обществ конца XIX в. в таком романе и в самом деле трудно найти что-то особо скандальное, даже с учетом последующей канонизации императора как страстотерпца.

Одна беда – никакого «секса» между Кшесинской и цесаревичем Николаем Александровичем не было. Дневниковые записи обеих сторон свидетельствуют о легких платонических отношениях, которые именно благодаря позиции наследника так никогда и не стали чем-то большим, а после его обручения с принцессой Алисой Гессенской и вовсе прервались. В хранящихся в Музее имени Бахрушина дневниках Кшесинской ее эротическое фиаско с наследником описано довольно откровенно. Таким образом, «знание» обывателя о романе Цесаревича и Кшесинской является ложным и документально опровергнутым.

Но дело, собственно, не в этом. Фильм Учителя вызывает возмущение не тем, что освещает этот полумифический роман, а тем, как он это делает. Он от начала и до конца является гнусной клеветой, притом не на одного лишь Николая, но на его отца, мать, жену, весь дом Романовых.

По сюжету император Александр III, якобы недовольный решением наследника жениться на Алисе Гессенской, почти насильственно «подсовывает» ему молодую балерину для блудного сожительства и на смертном одре благословляет подобные отношения. Если вспомнить, что император Александр умирал в Ливадии от тяжелой болезни в присутствии святого праведного Иоанна Кронштадтского, державшего руки на его голове, то получается и благословение разврата должно было произойти в присутствии этого святого – еще один плевок в Церковь и изгаживание образа одного из наиболее уважаемых русских царей, человека с абсолютно ясным нравственным стержнем, не терпевшего «балеринок», «морганатических браков» и прочего (о воззрениях Александра III на семейные ценности подробно писал в своих мемуарах граф Витте).

Отношения Николая и Кшесинской в фильме не только не заканчиваются после помолвки с Алисой-Александрой, как это произошло с действительными отношениями цесаревича и балерины, но и цветут пышным цветом. Глумливо показывается императорская коронация, на которой царь якобы падает в обморок, а русская корона катится по полу. Смакуются вымышленные подробности Ходынской катастрофы, не имевшая места в действительности «гора трупов», которую, якобы, разглядывает царь. Выдумывается желание Николая бежать с Матильдой и отречься от престола.

Но и это только начало наброса грязи – подлинным дном оказывается подробный показ вымышленных от начала и до конца попыток императрицы Александры Федоровны «извести» соперницу при помощи оккультизма, ворожбы, кровавых жертвоприношений и прочего. Здесь перед нами чистая выдумка, не основанная даже на сплетнях и молве. Будучи человеком возвышенно-идеалистического представления о мире и строгой пуританской морали Александра Федоровна (Алиса Гессенская) попросту непредставима за подобными грязными занятиями, да у нее и не было никаких оснований для беспокойства – не существует ни одного свидетельства или даже предположения, что супружеская верность императора Николая II когда-либо была нарушена.

По сути мы здесь наблюдаем инверсию грязного мифа про царицу и Распутина. Хвататься за него было бы сегодня, после всестороннего исследования историками данного вопроса, попросту рискованно для режиссера. И тогда он решил придумать «Распутин в юбке».

Но цель осталась та же самая – выставить последних русских государей – Александра III и Николая II, последовательно придерживавшихся национальных, консервативных, русофильских убеждений и при этом, работавших над индустриализацией и модернизацией страны, в виде шутов гороховых, развратников, трусов, идиотов и интриганов. А тем самым – оправдать смуту 1917 года, подогнать аргументы «вот поэтому народ их и сверг». Перед нами новая инкарнация того самого царефобского мифа, который закончился кровавым детоубийством в Екатеринбурге.

Все танцы с Матильдой – это не поиск гламурной квази-исторической клубнички, а пропаганда революции и разрушения исторической России. И, разумеется, трудно не увидеть здесь подстрекательства новой смуты, так как от оценки событий 1917 года напрямую зависит готовность их повторить.

Нас прямоком подталкивают к новому смутному времени. И в свете этого заикленность Натальи Поклонской и ее сторонников на борьбе с «Матильдой» выглядит гораздо более понятно. Депутат – не сумасшедшая, которая «влюблена в покойного мужчину», как грязно ерничают шутнички. Она не «борется с призраками». Она пытается отклонить от нас будущее, которое обречено наступить, если мы будем скакать и скакать по одним и тем же граблям.

Без усталы безумная девица кричала: «Ясно вижу Трою падашей в прах».

Очень бы не хотелось, если бы Поклонская оказалась Касандрой.

ДВА СЕРИАЛА К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ

В этих работах есть нечто общее. Чувствуется твердая рука, добивавшаяся, чтобы во всех подробностях была раскрыта тема иностранного вмешательства, иностранных штабов, иностранного золота, двигавших по шахматной доске лидеров большевиков.

И Парвус такой молодой...

(Фильм В. Хотиненко «Демон революции»)

В центрального персонажа новой революционной истории превратился Александр Львович Гельфанд, известный как Парвус – этот псевдоним в переводе с латыни означает «малый», и тут сразу возникает бездна ассоциаций с концепцией Игоря Шафревича о «малом народе» – носителе русофобии. Парвус выступил как эффективный менеджер переворота, установивший связь между германскими деньгами и большевистской партией.

На исключительное значение фигуры Парвуса обратил внимание Александр Солженицын, собравший главы из своей эпопеи «Красное Колесо» в книгу «Ленин в Цюрихе». В ней Парвусу уделено огромное место – там это холодный и расчетливый ум, ставящий целью разрушение России и находящий идеальное орудие в лице фанатика Ленина. Солженицынская версия истории прихода большевиков к власти и была положена в основу сформированного перед телевизионщиками госзаказа. Получился, если обыгрывать псевдоним, «Малый Октябрь». Но вот реализацией общей установки каждый занимался в меру своей испорченности. ...В «Демоне революции» история оказалась весьма посредственная и полностью

противоречащая тем ожиданиям, которые формируют у зрителя трейлеры и анонсы.

Хотиненко, как это ни удивительно, выступил с апологией Ленина. В первых сериях вождь предстает мудрым, дальновидным стратегом. Мало того – он еще и... патриот России. Не хочет дружить с украинскими сепаратистами. Немецкие деньги, конечно, взять согласен, но подбегает к германскому агенту специально, чтобы сообщить: «Мы с вами – враги. Вы хотите гибели России, а я ее процветания». То, что он при этом лукавый и коварный политик, циник, готовый применить любые средства, лишь бы добиться цели, временами напоминает «дона» сицилийской мафии, – так это ж по нынешним временам почти комплимент, таким и должен быть настоящий правитель, все строго по Макиавелли.

К тому же Ленина сыграл Евгений Миронов – как ни крути, один из самых сильных наших актеров с совершенно особой харизмой. И в Ленине сразу начали просвечивать и его князь Мышкин, и его Достоевский, тем самым дополнительно облагораживая большевистского вождя. Его Ленин любит Вагнера и под «нечеловеческую музыку» из «Тангейзера» выражает сожаление, что хочется гладить людей по головке, а гладить нельзя, надо бить. И вроде как почти соглашаешься – как раз на твоих глазах подручные Ильича оприходуют шпика и предателя. Сцена, впрочем, разит двойным плагиатом – из «Крестного отца-3», где с врагами расправляются, пока дон Корлеоне слушает «Сельскую честь», да к тому же из «Бригады», где расправа производится под «Лебединое озеро».

На что обиделся Геннадий Андреевич Зюганов, просмотрев к тому моменту только две серии фильма, я вообще не понимаю: по сравнению с этой ленинистской пропагандой какой-нибудь «Ленин в Октябре» покажется белогвардейщиной.

Постепенно, впрочем, образ Ленина – великого мудреца и патриота – тускнеет: то ли сценарист поменялся, то ли режиссер спохватился, что переложил сироба. Ильич внезапно оказывается домашним тираном, мучающим Крупскую из-за разрыва с Инессой, да к тому же не слишком дальновидным политиком, ухитрившимся перессориться с обеими группами германских агентов, ведущими борьбу за право платить ему деньги. В конечном счете, чтобы не поддерживать Парвуса, Ленин приказывает большевикам не участвовать в революции.

А между тем без германского контракта Ильича история первых лет большевизма попросту непонятна. Ленин продавливал

Брестский мир любой ценой и на любых условиях. Поставил на грань раскола и, по сути, изнасиловал собственную партию. Развязал в стране Гражданскую войну и накликать интервенцию Антанты. Не будь «похабного мира», отдавшего немцам едва ли не половину европейской России, Гражданская война не достигла бы такой интенсивности.

Когда в январе 1918 г. киевские рабочие восстали и освободили город от петлюровской украинской рады, вошедшие в Киев большевики... сдали его немцам и тому же Петлюре. Даже после того, как в Германии свергнут был кайзер, отношения большевиков и Берлина скоро восстановились. Советы и Германия заключили в Рапалло открытый дипломатический и тайный военный альянс, продолжавшийся до прихода к власти Гитлера. Но все это авторов «Демона революции» не заинтересовало.

...Зато какие-то нелепые любовные треугольники, Ленин – Крупская – Арманд, Парвус – Софья – ротмистр Мезенцев, как будто кроме как втроем любви не бывает. Зато пошлейшие киноцитаты, вроде повторения у контрразведчиков разборок между Жегловым и Шараповым вокруг подброшенных улик. Единственная, пожалуй, удача этого фильма – образ Якуба Ганецкого, ближайшего помощника Ленина, исполнителя его самых грязных поручений. И сыгран он неплохо, и, самое главное, публика вообще узнает, что такой человек существовал.

Русофобия по Фрейду (Сериял «Троцкий»)

Если фильм Хотиненко – это шпионский водевиль в провинциальном театре, не то что ус – лысина отклеивается, то показанный Первым каналом «Троцкий» – это такое варьете с кокотками и хлопушками. Мерзость страшная, но смотреть, по крайней мере, весело. Сцена, когда Ленин едва не сбрасывает с парижской крыши Троцкого, принуждая его выполнять грязную работу по борьбе с Плехановым на съезде социал-демократов, доставляет пару веселых минут независимо от своего идиотизма. Или Коба Джугашвили в образе безжалостного кавказского разбойника, которому самое место было бы где-нибудь в дудаевской Ичкерии. Или вымышленный спор Троцкого с Фрейдом о сексе и власти. Это все бред си-вой кобылы, полный трэш, но смотрится дико смешно. Фильм имел бы шансы быть хорошим, но он, к сожалению, омерзителен.

Во-первых, это совершенно разнузданная апология Троцкого, который предстает как мечтатель, идеалист, утонченный интеллигент и, в сущности, неплохой человек; останься он у власти, таких ужасов, как при Сталине, не было бы. Хотя, справедливости ради, апология все равно не удалась: опрошенные мною зрители запомнили прежде всего сцены жестокости Троцкого – такие, как расправа с восставшими кронштадскими матросами. Рождественского деда не получилось.

Во-вторых, это совершенно непристойная русофобия с проговариванием открытым ртом Константина Хабенского (исполнителя главной роли. – *Ред.*) всех затаенных местечковых мнений о русском народе – мол, и грязный он, и грубый, и некультурный, и любить его невозможно, а революция для того и нужна, чтобы отмыть русских, отчистить и, наконец, получить возможность нас любить. Эээ... Может быть, товарищи революционеры не надо нас... любить? Мы как-нибудь обойдемся.

Особенно с учетом того, что третья центральная идея сериала – «революция – это секс». Мол, народ только и ждет сильного мужчину, который им овладеет. Фрейдистская и сексуальная тема, превращение Льва Давыдовича Бронштейна в какого-то революционного Казанову в сериале просто зашкаливает. Ему смело можно было бы присвоить рейтинг 21+ просто за грязные разговоры.

Короче, «Троцкий» – это не столько фильм о революционном вожде, сколько манифест об отношении нашего креативного класса к русскому народу, с элементами легкой дружеской самокритики: мол, да, русские, конечно, свиньи, но, наверное, все-таки концлагеря и массовые расстрелы были лишними.

Отдельно следует заметить, что в этом цирке измазан черной краской величайший государственный деятель той эпохи Пётр Аркадьевич Столыпин, представленный организатором провокационных терактов. Многого можно простить, но не эту открытую ложь. Впрочем, с исторической правдой авторы не считаются ни в целом, ни в мелочах – в фильме сотни исторических косяков, недопустимых для избранного жанра исторической биографии. Хотя, если предположить, что нам показывают просто бред умирающего Троцкого, все встанет на свои места.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении помещена полученная редакцией на стадии верстки сборника статья Е.С. Холмогорова о трудовой миграции в РФ, написана с позиции, противоположной той, которая высказана Л. Графовой в книге «В защиту “понаехавших”».

Итоговым выводом из сопоставления этих, оспаривающих друг друга точек зрения, вероятно, помог бы метод «критики отвлеченных начал», в свое время предложенный Владимиром Сергеевичем Соловьёвым.

Р.Г.

Егор Холмогоров

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОРДЫ

(Версия для журнала «Вопросы национализма», 2011, № 8)

Россия – Европа или Азия, или «Евразия»? Русские – европейский народ, или азиатский, или, быть может, «евразийский»? Социально-политическая причина постановки со всей остротой вопроса нашего макроцивилизационного самоопределения сегодня вполне понятна и очевидна. По крайней мере для человека, проживающего в Москве.

Столица России превратилась сегодня в нерусский город. Без пяти минут это «новый Сарай». Здесь невозможно пройти по улице хотя бы триста метров, чтобы не встретить группу приезжих из Центральной Азии. Здесь невозможно спуститься в метро, чтобы не обнаружить с удивлением, что уже около четверти его пассажиропотока составляют те, кого мы деликатно называем «гастарбайтерами».

То, что творится в Москве на мусульманские праздники, давно уже известно всем – многосоттысячные толпы людей, ко-

которые, как правило, не являются гражданами РФ и которые собираются в одном месте в центре города, чтобы подчеркнуть свою силу и свою численность.

Лишь с 2011 г. полиция получила указание пресекать приношение на улицах кровавых жертв, мимо которых в ужасе проходят ошарашенные москвичи. Причем все это не признаки ислама как религии – существуют сотни и тысячи мест на земле, в том числе и на Русской Земле, где ислам спокойно исповедуют цивилизованные люди – исповедуют без неуправляемых толп, крови и грязи. Это нашествие – свидетельство новой волны азиатизации, накрывающей пространство Евразии, а стало быть, русское историческое и культурное пространство.

Распря о скамейках

Начнем, и пусть это не покажется странным, не с причин, а с очевидных для нас последствий.

Ошибочно думать, что неприятие мигрантов связано только с совершаемыми ими преступлениями. Большинство людей пока что не становились их жертвами и знают о них лишь из СМИ, но отсюда не следует, что у них отсутствует неприятие миграции или что это неприятие необоснованно. Острейшая проблема, связанная с миграцией выходцев преимущественно из Средней Азии на территорию России, состоит в том, что она вызывает давление на социальную инфраструктуру даже тогда, когда она не сопровождается никакой криминальной активностью. Проблема миграции – это не только проблема нападений в подворотне, – это проблема скамеек в парке, очередей в магазинах и контингента в школах.

При завозе мигрантов предприниматели и сотрудничающие с ними коррумпированные элементы в госструктурах исходят из принципа любого нецивилизованного капитализма: «все прибыли – предпринимателям, все издержки – обществу». Это значит, что предприниматели стараются максимально возложить на общество любые издержки, связанные с пребыванием иностранной рабочей силы, и минимизировать свои собственные расходы. Результатом является то, что бесплатная или дешевая общедоступная инфраструктура в местностях, где присутствует большое количество мигрантов, испытывает избыточное давление и попросту не справляется.

Представим себе теплый летний вечер в детском парке в центре Москвы. Парк является единственным ближним рекреа-

ционным участком для окрестных домов. Однако большая часть скамеек в нем занята компаниями мигрантов. Мало того, ими же заняты многие газоны. Они не имеют возможностей отдохнуть иначе и пользуются бесплатной общественной инфраструктурой. Как следствие – для жителей окрестных домов просто нет места посидеть на скамейке, молодые одинокие мамы боятся выгуливать детей рядом с компаниями молодых мужчин-иностранцев, родители с грудными детьми боятся инфекции, – результат: парк из зоны отдыха становится точкой социальной нервозности и глухого напряжения, не имеющего до времени внешних выходов. Ту же нагрузку испытывают транспортные сети, особенно метро, магазины местного значения. Всюду местные жители сталкиваются с большим количеством людей, которые сразу же опознаются по внешности как чужие и выступают как источник неудобств и более-менее обоснованных страхов.

Подобное переполнение неизбежно. Возрастающая интенсивность контактов между сторонами подспудно зреющего конфликта будет приводить к тому, что и сам конфликт будет приобретать все более и более острые формы. Столкновения граждан России с мигрантами пока сравнительно редки и малоинтенсивны. Но с каждым уже даже не годом, а месяцем, количество таких конфликтов будет возрастать, а вместе с ним и степень жестокости и общественной опасности таких конфликтов. На практике это будет значить, что русских горожан начнут убивать за резко сказанное слово, взгляд исподлобья, за нежелание уступать мигрантам в чем-то, что русские сочтут своим. И тут уже речь пойдет не о скамейках, а о жизнях. «По подозрению в убийстве был задержан 18-летний гражданин Узбекистана. Как сообщил официальный представитель СК РФ, по данным следствия, в минувшую среду в лесном массиве между молодым человеком и женщиной, которая прогуливалась с ребенком, произошла ссора. В результате он задушил женщину поясом от ее куртки, а ребенку нанес удар головой о дерево», – вот, увы, становящиеся все более типичными строки из криминальной хроники Москвы и Подмосковья.

Ввиду рабского по своей сути характера мигрантской рабочей силы к нашей современности становятся, увы, все более и более применимы аналогии из Древней истории. Диодор Сицилийский¹ рассказывает историю о рабовладельце Дамофиле, который ответил своим полуголодным пастухам-рабам, пришедшим

¹ Диодор Сицилийский. XXXIV. 2. 38...

попросить у него одежду: «Что же, разве путешественники ездят голыми по стране и не дают готового снабжения тем, кто нуждается в одежде?». Тех, кто не понял тонкого намека: хочешь одежды – грабь, еще и выпороли. «Скоро всю Сицилию наводнили отряды разбойников, и дороги стали небезопасны. Римские наместники предпочитали смотреть сквозь пальцы на бесчинства разбойничающих пастухов во вверенной им провинции, лишь бы не ссориться с влиятельными лицами, на землях которых совершались нападения»¹. Вполне закономерно, что сицилийское восстание рабов 136–132 гг. до н.э. во главе с Евном начали именно рабы Дамофила, затопившие Сицилию кровью отнюдь не только рабовладельцев, но и простых греков и римлян, не щадя ни женщин, ни детей.

Но дело не только в психологическом напряжении, вызываемом приезжими и не в угрозе криминализации миграции. Дело и в объективной экономической нагрузке, которая вызывает у людей дополнительные расходы, препятствуя накоплению, – люди вынуждены ехать в парк подальше, закупаться в магазинах подороже, искать платную или полуплатную школу с меньшим количеством детей мигрантов, вынуждены пересаживаться из ставшего неудобным или небезопасным метро на такси. Как следствие – бедный и средний классы, которые, в отличие от богатых, не могут позволить себе купить «персональную инфраструктуру», беднеют, темпы их накоплений и всего, что к ним привязано (в частности – демографический рост), снижаются. Люди начинают ощущать свой город неудобным и не приспособленным для жизни. Немалая часть москвичей уже готова обсуждать эмиграцию как более или менее реальный жизненный план, причем это связано не с политическими мотивами, а с «невозможностью дальше жить в этом Москвабаде», особенно с учетом проекции на будущее детей, которое грозит стать совершенно нетерпимым.

Еще один аспект, создающий эффект «Москвабада», – это резкое снижение жизненного уровня, связанное с низкими бытовыми запросами мигрантского населения. По мере того, как мигранты играют все более весомую роль в сфере обслуживания – и как персонал, и как потребители, – падает качество обслуживания. Потребности и притязательность мигрантов гораздо ниже – и магазины готовы снабжать их некачественными товарами, кафе – плохо приготовленной едой, квартирные хозяева сдают помещения

¹ Гончаровский В.А. Спартакoвская война. Восставшие рабы против римских легионов. – СПб.: Изд-во Петербургское востоковедение, 2011. – С. 58.

в запущенном состоянии. Это снижение жизненного комфорта также является очень серьезным источником дискомфорта, вплоть до чемоданных настроений. Люди, которые привыкли за 20 лет жить за кодовым замком с домофоном, не могут адаптироваться к тому, что с тех пор как в подъезде есть колония выходцев из Таджикистана, которым кто-то сдал квартиру, подъезд все время открыт, а магнитную дверь постоянно кто-то нарочно ломает.

Любой город, в котором достигнуто миграционное переполнение (а в Москве этот предел переполнения давно уже пройден), начинает рассматриваться местными жителями как непригодный для жизни. Представители среднего класса склоняются к чемоданным настроениям. Представители малообеспеченных слоев, особенно молодежь, испытывают все более высокий уровень агрессии как по отношению к самим мигрантам, так и по отношению к властям.

Итак, по факту, как легальная, так и нелегальная трудовая миграция из стран с более низким по сравнению с Россией культурным уровнем, иным менталитетом и иной моделью социальных отношений ведет, наряду с повышенной криминальной опасностью к: а) демодернизации экономических отношений и производства; б) сверхнагрузке на общественную инфраструктуру; в) примитивизации общественных отношений, снижению качества товаров и услуг; г) выталкиванию коренного российского населения в страны, где возможно обеспечить более приемлемое качество жизни; д) чем дальше, тем больше миграция, особенно из Средней Азии, напрямую опасна для жизни граждан России, причем для самой слабой и незащищенной части граждан – женщин и детей. Тем более опасна, что зачастую мигранты по своему *идиотизму* (в греческом значении этого слова – глубоко провинциальной, кишлачной культурной и нравственной отсталости) и «простоте ума» не останавливаются перед такими чудовищными и безнравственными преступлениями, которые для европейского горожанина характерны только в случае тягчайшего нравственного извращения. Причем подобные преступления могут совершать в том числе и лица, которые в своей традиционной среде обитания никаких криминальных наклонностей не проявляли.

Рабовладельцы против Мальтуса

Происхождение этих человеческих волн представляет собой отдельную загадку и проблему. Экономического объяснения этот поток неквалифицированной, по сути рабской, рабочей силы, не

имеет. Точнее, то, что выдается за таковое объяснение, им не является. Нам говорят, что демографический потенциал нашей страны снижается, что у нас все меньше и меньше людей, причем русские якобы «не хотят работать». А значит, чтобы экономика страны не встала, необходимо завозить новых и новых мигрантов, чтобы делать работу, которую русские делать не хотят. Не так давно нам было обещано уже дополнительно 10 млн. новых мигрантов, лошадиная доза, которая, в плюс к уже имеющимся, очевидно сотрет цивилизационное лицо России и невосвратно изменит ее этноконфессиональный баланс. Мы реально станем в своей стране чужими, а новоприбывшие потребуют своего места и своих прав, причем уже без всякой привязки к труду. Просто по факту того, то они уже здесь¹.

Апологетика этого рабовладельческого импорта абсурдна. Прежде всего, в ее рамках, русский народ предстает неким «наемным работником» у государства и у олигархического бизнеса, которого можно уволить, если он разленился и требует за свою работу слишком высокую плату. Между тем русский народ – это национальная основа, хозяин Российского государства, и это скорее он должен решать вопрос об увольнении нерадивых управителей, а не наоборот. Пока же создается впечатление, что правительство, превратившись из «первого европейца» в России, как некогда именовал его Пушкин, в «последнего азиата», хочет упразднить народ и ищет новый себе под стать.

Но есть и более глубокая и более серьезная проблема. Именно завоз гастарбайтеров, именно демографическая азиатизация России являются формой срыва демографического самовосстановления русского народа. Ради краткосрочных сверхприбылей бизнеса и надстроенной над ним коррупционной вертикали приносятся в жертву долгосрочные экономические и демографические циклы. Прерывается их нормальное течение. О чем я веду речь? Одной из самых заметных страниц русской гуманитарной и исторической мысли являются работы уральского историка С.А. Нефедова – прежде всего «Война и общество»². В них предложена интересная циклическая модель исторического развития человеческих обществ, опирающаяся на экологические и демографические факторы.

¹ Эти тревоги 2011 г. не отвечают сегодняшнему положению вещей, так как приток мигрантов в РФ ощутимо снизился. – *Прим. ред.*

² *Нефедов С.А. Война и общество: Факторный анализ исторического процесса. – М.: Территория будущего, 2008. – 752 с.*

Ее можно было бы назвать неомальтузианской, если бы не привычка наших социальных исследователей, усвоенная с советских времен, при упоминании имени Мальтуса биться в истерику.

В чем суть этой модели? Я ее, конечно, передам предельно упрощенно; чтобы вникнуть во все тонкости лучше почитать первоисточник. Общество, прежде всего аграрное общество, развивается в зависимости от емкости своей экологической ниши при текущем уровне развития хозяйства. Оно проходит несколько фаз. Демографический рост – когда земли много, еды много, цены на продовольствие низкие, зарплаты высокие, поскольку везде в фазе расширения требуются рабочие руки, – сменяется кризисом, когда возможности ресурсной ниши исчерпываются и общество начинает «съедать» само себя. Наступает кризис. На этом этапе земли не хватает и она дорожает, еды не хватает и люди голодают, цены на продовольствие растут, зарплаты падают. Все это выходит на точку демографического коллапса, когда происходит крупная потеря населения, а затем возвращаются, иногда еще и с инновационным расширением экологической ниши за счет внедрения новых технологий, первоначальные условия – земли достаточно, зарплаты высокие (поскольку рабочих рук не хватает). В общем, казалось бы, жить бы и жить. «Золотой век» для народа – это фазы восстановления после демографических коллапсов.

И малочисленность народа на фазе восстановления является его главным аргументом в споре с элитой о «сдельных условиях» социального контракта. Так, например, было в Западной Европе после Черной смерти, которая унесла больше трети западноевропейского населения. Рабочие руки стали чрезвычайно дороги, и высшим классам пришлось за них платить, в то же время изыскивая новые технологические и социальные формы хозяйствования. «Простонародье ныне требует для себя самых дорогих и изысканных блюд, их женщины и дети щеголяют пышными платьями, принадлежавшими ранее тем, кто навсегда покинул этот мир... В нынешнее время женская прислуга, неопытная и необученная, и вместе с ней мальчишки-конюшие требуют для себя, по меньшей мере, 12 флоринов в год, а самые наглые и 18, и даже 24, то же касается нянек и мелких ремесленников, зарабатывающих на хлеб своими руками, которым подавай ныне втрое больше обычного, и также работники на полях, коих следует теперь снабжать упряжкой быков и зерном для посева и работать они желают исключи-

тельно на лучшей земле, забросив прочую», – писал флорентиец Маттео Виллани¹. Результат хорошо известен – в Западной Европе после чумы сформировалась новая экономическая реальность капитализма, новая политическая реальность – современное «абсолютистское» (хотя на деле оно, конечно, не было деспотично абсолютистским) государство, новая культурная реальность – Ренессанс, и новая религиозно-идеологическая реальность – Реформация.

А теперь посмотрим, что происходит в России. Страна пережила типичный демографический коллапс. Столкнувшись с исчерпанием ресурсной базы, которой можно было воспользоваться на советских социалистических принципах хозяйствования, Россия пришла к быстрому коллапсу, закончившемуся уполовиниванием населения. Поскольку социальные технологии конца XX в. по своему гуманно, физического уполовинивания – смерти – конечно, не произошло, хотя умерло тоже немало. Произошло символическое уполовинивание в виде распада СССР.

Не все люди умерли – но все изменились: оказались гражданами новых независимых государств. За этим коллапсом должна была последовать фаза восстановления, для которой, в частности, характерна дороговизна рабочих рук, – их не хватало среди граждан Российской Федерации для обслуживания ее немаленькой даже после гайдари-чубайсовского погрома промышленности². Дефолт 1998 г. был, так сказать, первым звончком начала нового отсчета. И, в принципе, русские должны были погрузиться в короткий, но вполне комфортный золотой век, когда людей сравнительно мало, живут они не тесно, а стоят довольно дорого. И когда элиты вынуждены искать выхода из этой дороговизны в инновационном поиске и технологическом скачке. Первое должно было пробудить новый демографический подъем, поскольку, когда живет хорошо, нормальная человеческая реакция, не отформатированная феминизмом и обществом потребления, – дать жизнь новым и новым детям. Второе должно было расширить хозяйственную, экологическую нишу и сделать следующее демографическое расширение более мощным.

¹ Цит. по: *Herlihy D. The Black Death and Transformation of the West.* – N.Y.: Harvard university Press, 1997. – P. 48. См. также: Хроника Маттео Виллани. *Джованни Виллани*. Новая хроника, или История Флоренции. – М.: Наука, 1997. – С. 2.

² Вряд ли можно согласиться с подобной характеристикой деятельности, освободивших нас из-под «глыб» тоталитаризма. – *Прим. ред.*

Этого, как мы знаем, не произошло. А что произошло вместо этого? Вместо этого олигархическая элита начала дополнительную эмиссию населения в виде завоза мигрантов. Это было средством для олигархии сохранить свои богатства, посылать куда подальше всех, у кого нет миллиарда долларов, как это заявил небезызвестный Полонский. Элита могла не доплачивать русскому «демосу», не пересматривать условий контракта, чем исправно занимался, в частности, экс-министр финансов Кудрин – который все благосостояние миллионов людей принес в жертву «борьбе с инфляцией», препятствовал росту зарплат, вложениям в социальную и экономическую инфраструктуру, и тем самым создавал условия для того, чтобы дешевый труд рабов был для бизнеса единственно выгодным.

Другими словами, массовая «трудовая миграция» – это не просто «завоз тех, кто занимает наши трудовые места», – как говорят представители профсоюзов, борцы с нелегальной миграцией и т.д. Это именно успешная технология, применяемая олигархической элитой для того, чтобы не дать русскому простонародью воспользоваться выгодами «восстановительной» фазы демографического цикла и, прежде всего, дороговизной рабочей силы. Сам С.А. Нефедов в недавнем интервью журналу «Эксперт» говорит о том, что «инновации победили Мальтуса» и к современности его теория якобы неприменима, поскольку Россию ожидает в будущем продолжение модернизации по стопам Запада¹. Увы, здесь с мнением авторитетного ученого невозможно согласиться. В российском случае Мальтус был побежден не инновациями, а рабовладельческой архаизацией, жутковатой реализацией черного юмора Пелевина о прыжке миллиона зеков вместо атомной бомбы. Циклические кризисы, на мой взгляд, это не кризисы непременно аграрного общества, но кризисы социально-экологические, и именно при срыве нормальной восстановительной фазы нашего российского кризиса, при внешнем нашествии варваров (которым Нефедов уделяет в своих работах значительное место) мы сегодня и присутствуем.

Так или иначе, с точки зрения простого русского гражданина России, нас лишают своего, наше пространство отдают чужим.

¹ Нефедов С.А. Инновации победили Мальтуса. <Интервью> // Эксперт. – № 43, 2011. – С. 60–66. – Режим доступа: <http://www.econfin.ru/%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%81%D0%B0/>

Культурный и поведенческий облик этих чужих таков, что наполняет наши сердца не только рациональным неприятием, но и подсознательным, можно сказать историческим, ужасом.

Явный Узбек

И вот здесь мы сталкиваемся с более глубинным пластом той же проблемы. Если сам факт замещения русской рабочей силы иностранной объясняется корыстью олигархических элит, продлевающих и усугубляющих фазу нашего демографического коллапса, то вот наполнение этого смывающего нормальный русский труд антропотока отнюдь не случайно. Вспомним 90-е годы. Тогда были все в страхе перед китайцами, которые приедут сюда к нам рабочими, а затем захватят все. Где-то рядом фигурировали вьетнамцы, Борис Гребенщиков шутил про то, что «турки строят муляжи Святой Руси за полчаса». Однако теперь даже Гребенщикову, похоже, не до шуток. Вот одна из центральных, и наиболее страшных песен его нового альбома «Архангельск»:

Так раструбите на всю бесконечную степь
Сквозь горящий туман и мутно-зеленую взвесь
Добывающим уголь и нежно сажающим хлеб
Шепните им, что Тайный Узбек уже здесь...
Даже если нам всем запереться в глухую тюрьму
Сжечь самолеты, расформировать поезда
Это вовсе не помешает ему
Перебраться из там, где он есть, к нам сюда.

«Матка народов» в Центральной Азии, порождавшая тысячелетиями все новые и новые оседлые и кочевые племена, разверзлась вновь, и ее сыны вмиг заставили забыть практически обо всех остальных претендентах на трудовое замещение русских. Они берут не трудолюбием, не искусством, не послушностью, а именно многочисленностью и сбитостью в кучки, перерастающие в толпы. Это люди, выброшенные из своего традиционного быта, из своей культуры – и оседлой, и когда-то бывшей кочевой, из сдерживающих норм старого общества, не привитые ни к какой иной морали, кроме кишлачной, не воспитанные в традиционном исламе, глядящие на города и села России – а не надо себя обманывать, речь уже не только о Москве и крупных городах, сегодня эти протоорды уже повсюду даже в небольших селеньях – как на сборище

красивых картинок и ярких дорогих предметов. Это толпы без лица, имени и цели, кажется, только ждущие человека длинной воли, который скует их этой волей и направит на штурм наших городов.

Похоже, история жестоко над нами посмеялась. Столетия, истекая кровью, Русь потратила на то, чтобы устранить угрозу из глубин Азии, угрозу, приходившую вместе со степными ордами. Сперва она, предводительствуемая Мономахом, сокрушала половцев на Дону, затем превратила стон под игом монголов в победный клич Куликова поля, после – в великой и незаслуженно забытой битве при Молодях, где совместное опрично-земское войско Ивана Грозного отомстило крымским татарам за сожжение Москвы в 1571 г. И вот уже Ермак отправляется по Чусовой за Урал, на покорение Сибири, а привычные степнякам шляхи запираются засечными чертами. В 1638–1639 гг. русский народ завершает строительный подвиг, который по своим историческим последствиям превзошел значимость Великой Китайской Стены, – строительство Белгородской засечной черты и реконструкцию Большой засечной черты. Отныне русское государство надежно ограждено от степняков и начинается грандиозный реванш: вся Сибирь лежит у ног русского царя, в Крым входят войска русской императрицы, часть калмыцкой орды бежит в Китай – это последнее великое движение степняков. И вот уже Самарканд, Хива, Бухара, Коканд, Фергана видят подвиги молодого «белого генерала».

«Казалось с этим феноменом прошлого покончено навсегда, и ему уже не возродиться, – пишет в своей книге “Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур” известный отечественный археолог Е.Н. Черных. – Завершилась долгая пора неукротимой мощи его степных набегов. Да ведь и степные народы уже совсем не те, что были когда-то. Но нет! – вновь стремительный рывок из имперских объятий, и теперь уже в новом социальном и технологическом обличье перед нами на рубеже II и III тысячелетий новой эры вырастает цепочка государств, вновь припавших к своему извечному домену – Степному поясу... Что это? Зарождение ли перед нами уже совершенно нового феномена? Или же повторение старого, но в совершенно иных одеждах и содержании? И чем этот феномен может удивить нас в ближайшие десятилетия?»¹ И вот уже кажутся вновь актуальными жуткие визионерские пророчества Владимира Соловьева.

¹ Черных У.Н. Степной пояс Евразии. Феномен кочевых культур. – М., 2009. – С. 507.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.
О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

Пробуждение Центральной Азии, пробуждение «Степи» в широком геокультурном, а не узкогеографическом, смысле ставит перед нами вопрос самоопределения. Самоопределения равного выживанию. Будем ли мы сметены этим потоком? Растворимся ли в нем? Или извлечем из ножен древний меч Мономаха, поднимем копьё Пересвета и сможем так или иначе ему противостоять? Сможем не дать развернуться очередному циклу наступления варварства на цивилизацию (а сколько бы ни было сделано представителями евразийской исторической и идеологической школы усилий по реабилитации кочевых нашествий, для представителей русской традиции и русской культуры речь как шла о тысячелетнем противостоянии цивилизации и варварства, так и идет о них по-прежнему). Сможем доказать, что в истории нет вечных «маятников»?

То, что такое самоосознание себя – это роковой вопрос для нашей исторической судьбы, – несомненно. Россия и русские занимают значительную часть степного пояса Евразии, вырванного у степняков в честной многовековой борьбе. В борьбе за победу в которой русскому народу пришлось платить своими жизнями, своей кровью, своим хлебом, своей свободой, темпом и направлением своего социального и культурного развития. И понятно, что если геоисторический маятник Степи и в самом деле даст обратный ход, то большее и разрушительней всего он ударит именно по России. Нас просто не должно существовать в «монгольском» мире. Русь возможна лишь как окраинный улус, запертый далеко в северных лесах – на сей раз, возможно, намного дальше, чем в прошлом цикле.

Демонголизация

Ни один даже самый пристрастный наблюдатель не сможет отрицать, что до XIII в. Русь была частью, причем весьма привилегированной частью, единого европейско-варварско-римского (ромейского) мира. Что невозможно провести вообще никаких значимых отличий между этими мирами, за исключением того, что Русь была, с одной стороны, богаче, с другой – вовлечена в борьбу со степью.

Постепенно в этом континууме обозначается отчуждение между восточным и западным христианством. Но до XIII в. – это соревнование на равных и не на уничтожение. Сотрудничество-соперничество с постоянным чувством общности. Русь своевременно «типологически» переживала те же темы, что и Западная Европа. Например, у нас намечалась своя правовая революция – но не на основе возведенного в абсолют папством римского права, а на основе национального княжеского законодательства – «Русской Правды», – которое совершенствовалось и эволюционировало. В XIII в. Запад уничтожает Константинополь, а нас накрыла Азия страшным потоком, который, то ли по случайности, то ли по чьей-то злой воле, от остальной Европы отхлынул. И этот поток – прежде всего страшное разрушение материальных и человеческих ресурсов. Разрушение вещей, гибель и угон людей, постановка огромного и великого народа с динамично развивающейся культурой на грань и за грань выживания. И вот здесь есть несколько возможностей отношения к дальнейшему.

1. Западническая. Чаадаевская. Мы исторически ничтожны и отстали от Запада навсегда. Ее мягкий вариант – пушкинская концепция, мы прикрыли собой Европу, отстали на время благодаря недостатку просвещения, но сейчас все устаканится.

2. Евразийская. Благословлять монгольский сапог, который избавил нас от страшной крестоносной и польской угрозы (сто-процентно выдуманной Л.Н. Гумилевым – до 1237 г. борьба на западных границах Руси с Орденом, Польшей и Литвой была абсолютно равной и, не будь татар, не было бы и «Литовской Руси», да и Орден в Прибалтике не удержался бы). Именно монгольское влияние, жизнь под ханом, и сделало якобы Русь Россией. Русский царь – это монгольский хан, русская самобытность в азиатчине. Мы навсегда оторвались от европейского континуума, и этим надо гордиться.

3. Третий взгляд, назовем его националистическим. Русь после нашествия много сотен лет развивалась в ненормальных, экстремальных условиях. На минимуме ресурсов, с острой военной угрозой, с постоянными внешними ударами. Лишь в 1638 г., вместе с завершением строительства Великой Засечной Черты, можно сказать, что борьба с монгольскими ордами была выиграна. Однако сущность этого развития была не в обаячивании, а совсем напротив. Русь вырабатывала свой самобытный тип культуры, предназначенный к тому, чтобы сохранить свою европейскую, римско-ромейскую, славянскую (т.е. северно-варварскую) идентичность в азиатском, враждебном, экстремально агрессивном окружении. Это была защита своей макрокультурной идентичности от врага, который стремился ее уничтожить – уничтожить не ради какой-то великой культурной программы, которой у монголов не было, а просто чтобы не мешали.

То что может быть названо обаячиванием русской культуры в процессе этой борьбы, – скорее боевая мимикрия, освоение оружия противника (абсолютно нормальная тактика всех европейцев, оказавшихся на фронтире), это умение наших государей быть и европейскими государями и монгольскими ханами в зависимости от того, что нужно. Но то, что для подавленных евразийскому соблазну составило суть московского периода, было не более чем внешней оболочкой, защитным панцирем. Сущность, самосознание русского человека были самосознанием европейца, который вынужден использовать весь свой европейский интеллект, волю, чувство достоинства, чтобы переазиатить азиата. Великолепная книга А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века»¹, бесчисленные примеры работы этих «московских Лоуренсов», умеющих не уронить ни своего, ни Государева достоинства перед дичайшими, жесточайшими варварами. И от идеи, что «Русь и Степь – одно», от евразийских иллюзий, одно только описание зверских пыток, которым подвергали русских послов в Крыму, избавляет напрочь.

Невозможно отрицать, что в этой борьбе русские одержали победу. Мы простерли свою власть до Охотского моря. Мы сохранили свою идентичность. Мы, несмотря на временные потери и разрыв в ресурсах, выправили культурные уровни с Западной Европой 1:1.

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 452 с.

Правда последнее, культурное выравнивание, сделано было криво – взявшись преобразовывать «византийско-монгольскую» Русь на западный лад, Петр Великий, вместо того чтобы вынуть чужеродное монгольское начало и привить на его место то, что нарабатывали в Западной Европе за время нашей борьбы за выживание, убил практически как раз родное, коренное для нас византийское начало, попытался ампутировать его, а вот монгольских внешних форм как раз не тронул. Получилась жесточайшая евро-монголия, вместо снятия отчуждения – двойное отчуждение. И в этом смысле именно Петр был «первым евразийцем» – именно он обозначил монгольское начало как якобы «самобытное» для Руси.

Характерно, кстати то, что в период этой шизофрении русские добились выдающихся успехов как раз в «европейском», а не в «монгольском» своем аватаре. Русские необычайно преуспели именно в том – технике, военном деле, искусствах и науках, – что было хоть и заимствовано, но не чужеродно. В том, где монгольщина не перекрывала нашего развития, поскольку не имела своих заглушек. И напротив, где монгольские заглушки были – в социальном и политическом строе, там два столетия в Петербурге были страшным провалом.

В XX в. нас, однако, подбили именно образовавшиеся в процессе этой культурной шизофрении колоссальные социально-структурные диспропорции, которые дважды за одно столетие поставили нас на грань уничтожения, – но мы все-таки живы.

Что же такое европейское и азиатское, или «монгольское» (если разуместь под ним наследие Чингисхана и всей эпохи кочевых орд, а не культуру жителей нынешней Монголии), культурные начала? Возможно ли дать их определение? Думается, да.

Европейское культурное и историческое начало – это начало личностное, начало, признающее онтологическую ценность отдельного человеческого существа, отдельного человеческого организма над любой человеческой, надчеловеческой и внечеловеческой общностью. Это самодовление человека может проявляться через творчество, через политическую свободу, через подвиг героя, через трагический вызов судьбе (как у героев древнегреческой трагедии), через экономическое обогащение, даже через комфорт. Хотя понятно, что индивидуалистическая ориентированность на комфорт современной западной цивилизации – лишь одна из форм воплощения европейского культурного начала, не самых сильных, не самых привлекательных, но заслуживающих внимания хотя бы потому, что целый ряд таких вечных проблем челове-

чества, как, к примеру, проблема голода, Запад для себя решил достаточно устойчиво.

Высшее бытие в той или иной форме проявляется через человеческую личность, человеческая общность и доминирующая в ней идея проявляются через бытие личности, – таков незыблемый принцип европейского начала в истории.

Монгольское начало – это начало безличной общности, начало Орды, рассматривающее отдельный человеческий организм лишь как орган, как клетку, не имеющую никакого самостоятельного значения вне многоклеточного целого. Если для европейского взгляда абсолютно неприемлем взгляд на общество как на систему, которая не изменяется при замене отдельных членов, то для азиатского начала другой взгляд и невозможен. Субъектом, носителем мысли, идеи, действия может являться лишь некое человеческое целое – род, клан, орда, деспотическая империя восточного типа и т.д. Любые жертвы допустимы ради сохранения устойчивости и жизнеспособности этого целого. Причем человеческие жертвы – лишь наименее значительные из этих жертв. Любые интересы индивида – и духовные, и материальные могут быть принесены в жертву не раздумывая. Даже самая выдающаяся и оригинальная историческая личность рассматривается монгольским началом лишь как аватар общности, причем как заменимый и дублируемый аватар, как воплощение надчеловеческого Закона (Ясы).

Высшее бытие в той или иной форме проявляется через надчеловеческую общность, человеческая личность может оставить след в истории лишь в качестве аватара-маски этой общности, легко приносимой в жертву, – таков незыблемый принцип монгольского, или азиатского, начала.

Можно представить себе отношения русского, европейского, ромейского – и монгольского начал для наглядности так:

Догосударственная Русь – индоевропейское, славянское, североевропейское начало = варварски-европейское начало.

Киевская Русь – европейское начало + римско-ромейское (византийское) начало.

Московская Русь – Российское Царство: римско-ромейское (византийское) начало + монгольское начало, существующее как в форме влияния монголов, так и в форме ненависти-отторжения их, протеста европейского сознания против монгольщины.

Петербургская Россия – [западно-]европейское начало + монгольское начало, которое в условиях вытеснения русско-европейского и византийского оказывается в роли абсурдной для него

цитадели самобытности, когда «истинно русскими» оказываются якобы «прелести кнута» – то, против чего протестовали Пушкин, А.К. Толстой и многие другие.

СССР – мощнейший реванш монгольщины в качестве мнимо-самобытного начала (Чингисхан-Ленин, Тамерлан-Сталин), – сочетаемого с европейским периферийным модерном: социализмом, утопизмом, культурной экспансией «местечек» и т.д. и представленного в России как правило не русскими, а выходцами из европеизировавшихся меньшинств. Абсолютное отрицание ромео-византизма.

Современная Россия – это яйца всмятку, где находится место и неосоветизму, и панмонголизму евразийцев, и радикальной петербургшине «питерских», и неким попыткам технологизировать Московскую Русь и спекуляциям на индоевропейском, варваро-европейском наследии – неоязычеству.

Проблема российской власти не только как созидательной и государствообразующей силы нации, но как силы деспотической, коррумпированной, антинациональной, одновременно слабой и жестокой, притом стремящейся усилиться лишь за счет еще большей жестокости, – именно такой, увы, предстает власть государства Российского во многие периоды нашей истории, включая нынешний, – это проблема непреодоленности монгольского начала в нашей исторической и культурной жизни. Это знак недовершенной демонголизации. Именно следствие этой недовершенности – тенденция государства в России рассматривать себя как высшую общность в монгольской культурной парадигме. И отсюда же враждебность этого типа государства к нации, национальному началу в русской истории и русском народе.

Нация, как «изобретение» европейской культурной традиции – это такая общность, такое сообщество, в котором общее проявляется и раскрывается через индивида. **В нации общее, родовое, государственное становится основанием для права и достоинства личности.** В национальном сообществе родовое «клеточное» единство заменяется нравственной солидарностью личностей. Причем эта солидарность, это следование принципу братства ничуть не менее существенны, чем в обезличенном кровнородственном коллективе.

Задача Российской государственности состоит в последовательном изживании этого монгольского самообоожествления, которое, осознанно или нет, подталкивает его по пути архаизации, примитивизации гражданских и культурных отношений в России,

вплоть до стремления «заменить народ». И в самом деле – государство все меньше опирается на основной народ России – русских, – именно в силу высокой степени европеизации и модернизации русского культурного сознания (отнюдь не связанного, кстати, с политическим западничеством, которое показало себя в России XX в. как раз как форма местечковой азиатчины). Все более и более явственно опорой государственной бюрократии становятся либо недоевропеизированные горские народы в самой РФ, либо выходцы из Средней Азии. Здесь, наряду с экономической, основная социокультурная причина ускоренного «завоза» в Россию чужеземцев. Это стремление забетонировать «монгольским» по культурной парадигме элементом осыпающийся фундамент власти, не желающей руссифицироваться, национализироваться, модернизироваться и в этом смысле европеизироваться.

Христианский национализм против ордынского оккультизма

Однако этой «защитной» азиатизацией не желающей национализироваться бюрократии дело не ограничивается. Наряду с нею в современном российском идеологическом космосе присутствует и целостный проект, для которой монголизирующая, неоордынская политика представляется значимой культурной и политической ценностью. Мало того, является воплощением определенной метафизики. Представители этого «проекта», такие как А. Дугин, Г. Джемаль¹ и другие, играют «за Орду» вполне осознанно и последовательно. Для них Новая Орда – это серьезная оккультно-метафизическая задача, а русский национализм, особенно русский демократический национализм, – непримиримый враг и оппонент против которого допустимы любые приемы.

Когда представители этого направления говорят, к примеру, о том, что «надо кормить Кавказ для того, чтобы сохранить территориальную целостность страны», или о том, что «необходимо принимать мигрантов из Таджикистана, чтобы укрепить интеграцию Евразийского союза», то следует понять, зачем им нужна эта территориальная целостность. Им нужна Россия, на территории которой миллионные миграционные потоки из Центральной Азии схлестнутся, перемешаются, вступят во взаимодействие с «пас-

¹ Этот автор трагически погиб в 2018 г. во время журналистской командировки в Африку.

сионарными горцами» Кавказа – и произойдет взрыв, который уничтожит существующую российскую государственность, образовав на ее территории Новую Орду. «Единая Россия» нужна представителям новоордынского проекта только как колба, где сформируется зачаточный организм Орды, которая дальше уничтожит организм-носитель.

Именно поэтому для новоордынцев как нож к горлу – позиция русских националистов, которые с обоих концов не дают замкнуть дугу, приводящую к образованию Орды, и которые выступают как против «кавказской пассионарности», так и против «мигрантского нашествия». Фактически только русский национализм стоит сейчас на пути к «сбыванию» этого проекта. Не дать замкнуться «дуге» между Центральной Азией и Кавказом через свою территорию – это наша принципиальная геополитическая задача. Задача сохранения, равнозначная выживанию русского народа.

Новоордынский проект, носит прежде всего оккультный характер – особенно у Г. Джемала, где ислам – только обертка оккультизма автора «Ориентации Север». Предлагаемое нам сегодня «имперство» – это совокупность полуоккультных и оккультных проектов. Все эти космические империи, метафизические Евразии и т.д. – продукт доведенного до метафизического абсолюта «монгольского» взгляда на историю как места саморазвертывания безличного, выступающего под бесчисленными масками абсолюта. Отсюда и фантастичность, фантомность имперских проектов, и гностическое пренебрежение к «крови», над которой должен восторжествовать «дух» («кровь» в конечном счете всегда приводит к индивидуальному бытию, индивидуальному организму, а духом можно манипулировать как угодно). Это очередная манифестация гностически-манихейской химеры. И если иногда этот гностицизм и фантастизм принимает как бы православные формы – от этого нам не легче.

Напротив, русский национализм сегодня – это христианский реализм, и он остается таковым даже тогда, когда его репрезентируют секуляристы, так же как оккультизм остается оккультизмом, даже тогда, когда его репрезентируют клерикалы. В чем состоит христианский реализм русского национализма? Да в том, что единственная видимая цель земного существования человеческих сообществ с точки зрения Христианской Церкви – это умножение числа спасаемых человеческих существ. Христос – это личный Бог, Бог Живой, который спасает не коллективы, не абстрактные общности, а личности людей – цельного человека, составленного

из души и тела. Церковь – это союз личностей, соединенный в единое мистическое тело Личностью же Спасителя. Если с точки зрения оккультной история есть история развития «Мирового Духа» и некоего метафизического прогресса в бытии, то с точки зрения христианской – это История Спасения, в которой есть лишь Христос и конкретный человек, искупаемый и обоженный Спасителем. И нации и государства необходимы именно в качестве порождающих матриц и организационных гарантий для человеческих личностей.

Русский народ – это христианский народ, нравится это кому или нет. И он был распространен Богом максимально широко и наделен государственным могуществом именно для умножения числа спасаемых. И с этой задачей мы справляемся весьма успешно: русская история – это история подвига Стояния в Вере. Противоречит ли цели умножения спасаемых существование России как русского национального государства? Не противоречит, поскольку русские – православный народ. Противоречит ли цели умножения спасаемых существование России как русского национального демократического и светского государства, чего хотят многие национал-демократы? Не противоречит, поскольку русское национальное демократическое государство будет охранять исповедание русским народом православной веры как одну из основных свобод – свободу вероисповедания. Противоречит ли цели умножения спасаемых реализация на территории России Новоордынского проекта, к которому ведет кавказско-азиатская смычка? Несомненно противоречит, поскольку это означает: а) демографическое уничтожение русских как православного народа; б) заселение территории России последователями ислама, обращение из среды которого ко Христу дается с большим трудом и является штучным явлением. С реализацией Новоордынского проекта, который уничтожит Русскую государственность, государственная традиция, ориентированная на идеал России как христианского государства, как защитницы православной веры, исчезнет навсегда.

Таким образом, именно русский национализм – даже в таком специфичном и экстремальном варианте, как национал-демократия, – обеспечивает христиански-реалистический смысл существования русского народа – умножение числа спасаемых. Именно русский национализм ставит во главу угла благоприятные условия для демографического роста русских и для обеспечения свободы в делах веры. Неоордынство – это демографическая и вероисповед-

ная смерть русского народа, который будет принесен в жертву бесовским оккультным целям.

Закончить же эти размышления мне хотелось бы словами великого русского государственного деятеля, полководца и мыслителя – князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Его образ, образ человека, который органично соединял в себе славяно-русское, византийское и западноевропейское начала, причем в наиболее совершенных формах их развития, образ того, кто сумел поставить надежный вооруженный барьер степным набегам, смирил мечом агрессию половцев, образ того, кто умел управлять в исключительно сложной и плюралистичной обстановке Руси X–XI вв. без насилия и деспотизма, но мудростью, уступчивостью, справедливостью и разумной твердостью, явив собой истинный образ русской национальной власти, этот образ гораздо более, чем образы иных деспотов и тиранов или предателей и бунтовщиков, должен сегодня служить нам примером на пути национализации России.

В замечательном «Поучении» Мономаха содержится квинт-эссенция того персоналистического взгляда на мир, человека и историю, который мы назвали европейским, но лишь для того, чтобы подчеркнуть здесь культурную неразрывность европейского и русского:

«Что такое человек, как подумаешь о нем? Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои... И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости».

ЭОН
АЛЬМАНАХ СТАРОЙ И НОВОЙ КУЛЬТУРЫ
Вып. XIV

ПРАВО НА КРОВ И ПОЧВУ

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 23/V – 2019 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 11,25 Уч.-изд. л. 9,5
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 143

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: 8-800-7000-86-33 / (845-2) 24-86-33